

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Тифлис 1904

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей



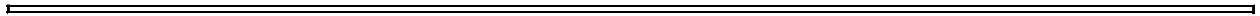
Annotation

Полиция давно подозревала, что где-то на окраине империи существует особое преступное предприятие, помогающее бандитам отмывать меченые деньги и ценные бумаги. «Большая постирочная» – так называли его сыщики. Как только у Департамента полиции появилась ниточка, ведущая в Тифлис, Лыков выехал на Кавказ проводить дознание... На месте выяснилось, что услугами Тифлисского казначейства по отмывке краденых денег пользовались мошенники, бандиты и террористы со всей страны. Расследование столичного гостя пришлось не по нраву главарям «постирочной». Едва Лыков приступил к дознанию, как один за другим начали погибать важные свидетели. Кто-то явно уводил сыщика с верного пути... и вел напрямиком к смерти.

- [Николай Свечин](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Краткий эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)



Николай Свечин

Тифлис 1904. Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Автор благодарит Б. В. П-ва, скрывающегося под ником term100, за дружескую помощь в написании этой книги.

*Художественное оформление Петра Петрова
Иллюстрации в тексте и на переплете Екатерины Асадчевой*

Глава 1

«Большая постирочная»

28 апреля 1904 года русский посланник в Берне Жадовский шел из гостиницы, где проживал, на службу в миссию. К нему приблизился странно одетый человек. Не говоря ни слова, он вынул револьвер и выстрелил дипломату в голову. Жадовский упал, а неизвестный остался стоять рядом. И сдался подбежавшему полицейскому без сопротивления.

Неслыханное происшествие всполошило не только тихий, всегда сонный Берн, но и Петербург. Покушение на посланника! Не иначе, террористы из Боевой организации партии эсеров. Уже начали охотиться на царевых дипломатов, негодяи. Министр внутренних дел Плеве срочно командировал в столицу Швейцарии своего лучшего сыщика, коллежского советника Лыкова, велел в кратчайшие сроки раскрыть преступление.

Алексей Николаевич давно не проводил столь легкого дознания. Когда он прибыл в Берн, местная полиция оказала ему полное содействие. Швейцарские власти чувствовали неловкость. Посланник – особа сакральная, почти священная, поскольку представляет своего монарха. Его полагается оберегать. Но от нападения сумасшедшего никто не застрахован, а тут как раз был такой случай. На Жадовского покушался психический, заявили в полиции. И предъявили русскому коллеге этого террориста.

Лыков допросил его и убедился, что так оно и есть. Арестант назвался турецким подданным, а в прошлом русским офицером по фамилии Ильицкий. Поляк! Эти господа и во сне грезят о независимости. Но Ильицкий оказался обычным душевнобольным. Психиатры называют это ранней деменцией^[1]. Бывший помещик наделал долгов, и его имение отобрали в казну. Он судился, проиграл процесс, уехал в Швейцарию и принялся в газетах обличать несправедливости на своей бывшей родине. Заодно сменил подданство. Странно, что окружающие не замечали его невменяемости. А пресса охотно предоставляла поляку возможность обливать Россию грязью. Но болезнь прогрессировала, и отставной поручик решил мстить.

К счастью для дипломата, револьвер у поляка оказался дрянной. Пуля попала в голову, но не пробила даже височной кости. Обливаясь кровью, Жадовский сам дошел до отеля «Бернсхоф» и уже там потерял сознание.

Теперь он поправлялся, ранение было неопасным. А душевнобольного стрелка ждала не тюрьма, а психиатрическая лечебница.

Лыков быстро разобрался в происшествии, отбил телеграмму Плеве и попросил разрешения вернуться. Получил согласие и через двое суток уже оказался в своем кабинете на Фонтанке, 16. Здесь его помощник губернский секретарь Азвестопуло сообщил важную новость.

Сергей Манолович появился в Департаменте полиции лишь в марте этого года. Лыков присмотрел его себе в Одессе. Коллежскому советнику давно требовался помощник. В службе ведомства лет десять как произошел перекос. Уголовным сыском занимались два-три человека, а прочие силы были брошены на борьбу с политическими противниками. Между тем уголовная преступность в стране нарастала, как снежный ком. В Польше, Забайкалье, Одессе и на Кавказе творилось черт-те что. А Ростов-на-Дону! Там сложился новый экономический район, собралось много пришлого элемента – и в итоге власть получила еще одну клоаку. Даже традиционно тихие города средней полосы показывали рост уголовных преступлений – особенно бандитизма и других покушений на личность.

В Одессе Лыков и познакомился с Азвестопуло. Тот служил надзирателем сыскного отделения и помогал командированному дознавать диковинное преступление. Некий Бухало, служащий Бессарабской земской управы, сдал на одесский почтамт денежный пакет. Стоимость отправления он назначил приличную – 30 050 рублей. Адрес получателя – Берлин. Земец получил квитанцию и уехал. А пакет через час взорвался в руках у почтового чиновника и нанес ему тяжелое ранение. В посылке оказался пироксилин. Бухало надеялся, что взрыв произойдет в почтовом вагоне и тогда ему выплатят обозначенную на отправлении сумму. Но горе-бомбист не рассчитал время и теперь сидел на каторге.

В ходе дознания Азвестопуло произвел хорошее впечатление на Лыкова, и тот переманил его в столицу. Губернский секретарь разгрузил коллежского советника от рутины, но помогал и в важных делах. Он напоминал Лыкову его самого в молодости, поскольку ничего не боялся. Но были и отличия: Азвестопуло быстро обучался, намного быстрее, чем его нынешний начальник. Еще Сергей был очень артистичен. Он мог сыграть кого угодно: фартового, аристократа, человека из простолюдинов... Лыков в своих похождениях тоже менял личину, но изображал лишь собственный типаж, иначе беда!

Сейчас старый и молодой сыщики пытались раскрутить крупное дело. Полицейские давно подозревали, что где-то на необъятных просторах империи существует необычное преступное предприятие. Они назвали его

«большая постирочная». Банковские громилы присваивали значительные суммы в наличных деньгах или доходных бумагах. Воры обчищали богатые квартиры. Революционеры проводили свои экссы. Во многих случаях добыча оказывалась опасной для ее обладателей. Номера крупных банкнотов или серий^[2] были записаны, и потерпевшие сообщали их в полицию. И при попытке обернуть купон или разменять билет преступники попадались бы. Возникла необходимость «отстирать» меченые средства, заменить их обычными деньгами. И кто-то очень ловко проделывал эту операцию.

Так, в сентябре 1903 года, пятеро разбойников напали на почтовый вагон близ станции Ново-Сенаки Потти-Тифлисской железной дороги. Они связали почтальона и сопровождающего чиновника и завладели денежной посылкой. В ней находилось 102 000 рублей, и номера купюр были частично переписаны. Но ни один преступник не попался. Банковские билеты были потом обнаружены в казначействах Астрахани, Баку и Ташкента, причем попали они туда законным образом, через третьи руки, и никак не выводили на след бандитов. Похожие истории случались не раз. Грабители подломили кассу Товарищества Рябовской мануфактуры и украли 60 000 в доходных бумагах. Кассир предъявил полную опись бумаг – а потом их отыскивали. Дирекция Мурманской железной дороги оплатила ими квартирный налог для своих служащих! Сама она получила меченые серии от подрядчиков, а те – в своих банках.

Полиции стало очевидно, что в деле замешаны лица из финансового ведомства. Без содействия казначейства, а может, и не одного, подобные аферы невозможны. Банковские конторы тоже были на подозрении, но лишь как пособники жуликоватых чиновников. Ведь именно в казначействах деньги смешиваются и обезличиваются. Сунь ворованный банкнот в пачку обычных и отошли в другой город. Там пачку разобьют, и после двух-трех операций билет вручат в виде пенсии отставному капитану. Ищи после этого, кто и где первым вбросил украденное.

Лыков с Азвестопуло головы сломали, придумывая, как им подловить «большую постирочную». Ясно было, что она где-то на окраине, где слабее надзор и где вокруг идет оживленная торговля с большими оборотами. Это или Кавказ, или Туркестан. Ревизоры Коковцова провели негласную выборочную проверку, но ничего не обнаружили. В Министерстве финансов до сих пор не все было в порядке – может, поэтому? С тех пор, как выгнали Витте, настоящий хозяин не появился. Плеске, что сменил Сергея Юльевича, вскоре заболел и от дел отошел. Полуживого, его перевели в Государственный совет умирать. Новым министром стал

Владимир Николаевич Коковцов. Добрый приятель Плеве, он был у него раньше товарищем^[3], когда Вячеслав Константинович служил государственным секретарем. Два министра работали слаженно, и МВД впервые удостоилось добавочного финансирования, чего раньше, во времена вражды между Витте и Плеве, и представить было невозможно. Но Коковцов получил пост лишь два месяца назад и еще не вполне овладел ситуацией. Его подчиненные были плохими помощниками сыщикам. За день до отъезда Лыкова в Берн Владимир Николаевич приезжал к Плеве и просил усилить работу по обнаружению мошенников. Орел^[4] обещал. Он уже дал коллежскому советнику разгон за медленное дознание. Алексей Николаевич чувствовал, что скоро ему предстоит трудная командировка. Но только куда – на Кавказ или в Туркестан?

И вот теперь Сергей выяснил важный факт. Он встретил шефа подначкой:

– Пока вы там, Алексей Николаич, швейцарское пиво потребляли ведрами, мы тут без дела не сидели.

– Ну-ка, чего ты узнал, пока я пьянствовал?

– Как только вы уехали, нашли в Петербурге труп.

– Где и чей?

– На Пороховском шоссе, – пояснил губернский секретарь. – У ручья, напротив казарм Четвертого мортирного артиллерийского парка. А чей – это самое интересное. Покойником оказался Степка Фокин по кличке Латунный.

– Это важнейший на Выборгской стороне домушник? – уточнил Лыков.

– Он, стервец.

– И как погиб Степан Михалыч?

– От удара ножом в печень. Профессионально.

– Свои порешили? – предположил коллежский советник. – Скрыл добычу? Латунный известен своей нечестностью, его и били уже за это не раз.

– Весьма вероятно, – кивнул Азвестопуло. – Но нам интересно другое. Убийцы отобрали у Степки все вещи – даже сапоги стащили. А вот потайного кармана на кальсонах не заметили. И когда люди из сыскальной полиции обыскивали покойника, то обнаружили там почтовую квитанцию: за день до смерти Латунный отослал денежный пакет на сумму три тысячи рублей. Адрес получателя – Тифлис, почтамт, штабс-капитану Багдасарову.

– Для чего ты мне это рассказываешь? – скривился Лыков. – Почистил

кого-то Латунный. Обманул товарищей, и его за это зарезали. Рядовое происшествие.

– А вот и нет! – воскликнул Сергей. – Не рядовое. Потому что сыскные успели перехватить тот пакет. И когда вскрыли его, сразу передали дело сюда, в департамент.

Алексей Николаевич насторожился, ожидая продолжения. И подчиненный не замедлил сообщить:

– Там лежали купоны государственной четырехпроцентной ренты, украденные у вдовы купца Рогова. На одном из купонов сделан карандашом расчет. Латунный хотел бумаги в деньги обернуть. Из пятнадцати процентов, как вы и предполагали.

– Точно?

– Точно. Степка собирался уступить добычу с лажем^[5]. Вот, глядите!

Последнюю фразу сыщик чуть не выкрикнул. Он картинно извлек облигацию и шлепнул ею об стол.

– Любишь ты театральные эффекты... – пробормотал Лыков. Схватил бумагу и стал разбирать написанные цифры.

– Да, пятнадцать процентов... А получатель, говоришь, в Тифлисе? Багдасаров? Выяснили, кто такой?

– Выяснили... пока вы пиво пили. Во всей империи есть только один штабс-капитан Багдасаров, и служит он на Кавказе. А именно в Кавказском стрелковом артиллерийском дивизионе. Стоит дивизион в селении Гомборы. Полдня езды от Тифлиса.

– Значит, Кавказ?

– Кавказ, Алексей Николаевич. Вы и здесь оказались правы.

Два сыщика немного успокоились и начали обсуждать новость.

– Думаешь, Багдасаров – посредник? Клиентов собирает для «постирочной»?

– Допускаю, Алексей Николаевич. Фамилия армянская, переделанная из Багдасаряна. Военное министерство с характеристикой штабса пока тянет. Но национальность настораживает.

Лыков пожал плечами:

– А что армяне? Все жулики, что ли? Торговая нация, это правда. Любят деньги? А кто их не любит?

– Но не просто же так в кармане убитого вора оказалась бумага с расчетами и фамилией штабс-капитана! – возмутился губернский секретарь. – Пятнадцать процентов, типичный лаж за обмен меченых купонов. Значит, Багдасаров – посредник. Вполне правдоподобно. Пять-семь таких людей, на которых никто и не подумает, собирают по России

заказы на «отстирку» денег. И отвозят в главную квартиру. Офицер, артиллерист. И поди ж ты, имя его у главного выборгского домушника записано!

– Надо мне ехать в Тифлис, трясти этого артиллериста, – вздохнул Лыков. – Черт, как весна, так командировки... Опять охота накрылась. – Потом посмотрел на подчиненного с надеждой: – А может, успею облебастрить дело и вернуться? У нас там на Ветлуге снег поздно сходит.

Сергей Манолович ехидно ухмыльнулся:

– Тоже мне Тургенев-Аксаков. Записки ружейного охотника с Фонтанки... Идите к министру, он о вас уже спрашивал. Где, мол, там мой лучший сыщик?

Плеве встретил коллежского советника радушно. Он любил Лыкова за надежность. Профессионалы есть, а вот верных людей не осталось. Год назад противники Орла пытались подкупить Лыкова, да не на того напали^[6]. С тех пор Вячеслав Константинович, и раньше уважавший Алексея Николаевича, стал особенно ему доверять. В итоге сыщику доставались такие поручения, о которых никому нельзя было рассказывать. Количество сильных противников множилось. «Что же со мной будет, когда Плеве убьют, – иногда думал Лыков, – ведь в порошок сотрут на радостях... Но коль попала собака в колесо – визжи, а бежи».

Министр выслушал рапорт о дознании в Берне и остался доволен:

– Очень хорошо. Хотя бы здесь нет политической подкладки, и преступник – просто сумасшедший. Так и доложу Его Величеству. У вас все?

– Все, Вячеслав Константинович.

– Тогда срочно приступайте к новому делу. Вам уже рассказали новость?

– Рассказали. Прикажете выехать в Тифлис?

– И немедленно. Как намерены действовать? Дело тонкое... по понятным причинам.

– Да уж, ваше высокопревосходительство. Там, где замешаны военные, всегда тонко. Особенно если идет война.

Оба помолчали, понимая предстоящие Лыкову трудности. Военный министр и так противится любым полицейским дознаниям в отношении офицеров. А тут еще кампания против японцев – необходимо было поддерживать в народе дух патриотизма. Подозрение на штабс-капитана в соучастии его в уголовном преступлении оказалось бы совсем некстати.

– Сахарова я успокою, – сказал Вячеслав Константинович. – А как быть с князьком? Он, говорят, после покушения сделался совершенным

психопатом.

Сахаров был новым военным министром, сменившим уехавшего на войну Куропаткина, а князь Голицын – высшим должностным лицом в крае. Полностью его титулы звучали так: главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа, наказной атаман Кавказских казачьих войск, член Государственного совета, почетный опекун, сенатор, генерал-адъютант, числящийся по Генеральному штабу генерал от инфантерии. Григорий Сергеевич управлял краем с 1896 года и за это время успел сильно рассориться с армянами. Именно он втянул государя в процесс конфискации имущества Армянской апостольской церкви, приведший к кровопролитию.

В результате 14 октября 1903 года на князя было устроено покушение. Трое боевиков напали на коляску, в которой чета Голицыных возвращалась с утренней прогулки. Один террорист запрыгнул на ступеньку экипажа со стороны княгини и через нее нанес генералу три удара кинжалом в голову. А другие двое попытались вытащить князя из коляски с противоположной стороны. Но их сиятельства не растерялись. Жена вцепилась в парня с кинжалом и не дала ему нанести смертельный удар. А от тех, кто тащил его наружу, сам Голицын отбил тростью. Затем с козел соскочил урядник, охранявший князя, и вступил в борьбу с нападавшими. В это время кучер хлестнул лошадей, и те рванули. Боевики остались на дороге. Ранив урядника в ногу, они бросились бежать в заросший кустарником овраг, но далеко уйти не сумели. На выстрелы подоспели постовой городской и посетители ближайшего духана. Затем явились конные стражники и казаки. Все они устремились в погоню. В итоге два террориста были убиты, а третий смертельно ранен. Они оказались армянами, что еще больше усилило ненависть Голицына к этой нации. Князь получил три раны в голову сквозь фуражку. Он легко отделался, но, по слухам, начал после этого заговариваться.

– У князя есть помощник, генерал от инфантерии Фрезе, – сообщил министр своему чиновнику особых поручений. – Вполне вменяемый. В случае, ежели беседа с Голицыным не сложится, обратитесь к нему. Я телеграфировал уже Александру Александровичу, он поможет.

– Разрешите идти? – встал Лыков.

– Нет. Еще одно, но не для огласки. Посмотрите там общую обстановку.

– В каком смысле, Вячеслав Константинович?

– У государя возник вопрос: не пора ли менять князя? Видимо, доходят

неудобные слухи. Он поручил мне их проверить. Тут как раз ваша командировка. Соберите мнения, примеры неудачной деятельности, глупости этого... генерал-адъютанта. Что о нем думают обыватели и что чиновники.

– Эти не скажут, побоятся.

– Найдите тех, кто не испугается. Можете сослаться при этом на мое поручение. Особо спросите, кого умные местные деятели видят сменщиком Голицына.

– Слушаюсь.

– Ну и держите меня в курсе этого поганого дела с «постибочной».

Глава 2

Первые впечатления

Коллежский советник добирался до места три дня. Уже двадцатый век, а скорости все равно черепаший. Научатся ли люди когда-нибудь летать, как птицы? Последнюю ночь Лыков провел в купе бакинского поезда. В половине девятого утра он ступил на пыльный перрон станции Тифлис-город Владикавказской железной дороги. И сразу почувствовал себя на Востоке. Крик стоял такой, словно вокруг происходило массовое убийство, а это всего лишь носильщики делили пассажиров. Кроме них подскочили факторы гостиниц, продавцы сувениров и чичероны. Отмахнувшись от всех сразу, Алексей Николаевич вышел на площадь и сел в первый попавшийся фаэтон. Приказал ехать в «Лондон», который ему хвалили петербургские знакомые. Возница оказался старовер, чистенький, аккуратный. Экипаж только что помыли, и он источал сильный запах керосина. Приняв седока, извозчик гикнул, как абрек, и погнал. А командированный стал вертеть головой по сторонам. Ого! Ай да перемены!

Он не был в столице края с того самого времени, когда ловил турецкого шпиона Лемтюжникова^[7]. Девятнадцать лет прошло, и Тифлис сильно изменился. По крайней мере та его часть, которая раньше называлась Колония. Немцы-колонисты уехали отсюда, и на месте их поселения выросли новые широкие проспекты. Дома в три этажа, вполне европейской архитектуры, а главное – улицы прямые, что не принято было в Тифлисе раньше. «Теряет, теряет старый город свое туземное очарование... Будто ты в Варшаве или на Петербургском форштадте Риги», – думал Лыков.

Впрочем, отличия нашлись быстро. Посреди проспекта (извозчик назвал его Михайловским) почему-то были навалены кучи земли и камня. Экипажи с трудом их объезжали. Мостовая оказалась разворочена, а по бокам рабочие устанавливали необычные столбы. Рельсы конно-железной дороги выкорчевывали, и на их место клали новые.

– Это не трамвай ли у вас тянут? – догадался гость.

– Ага, – подтвердил возница. – Электрическая железная дорога. Вот сделают ее, и не будет нам работы совсем, анафема! Всех седоков себе заберут.

– Не бойся, без вас не обойдутся. Я был и в Киеве, и в Нижнем

Новгороде. Там эта дорога уже есть, а извозчиков меньше не стало. Когда еще до окраин рельсы протянут.

Молоканин тут же вцепился в пассажира как банный лист: стал расспрашивать про трамваи, как они уживаются с извозным промыслом. Экипаж тем временем свернул на площадь с каким-то памятником (Воронцову, вспомнил сыщик) и выехал на мост. Лыкова и раньше удивляло, почему вода в Куре такого зеленого цвета. Посреди находился большой плоский остров – Мадатовский, весь занятый лесопильными заводами. Когда стали переезжать правый рукав, внизу обнаружилось множество плотов. От рукава исходило сильное зловоние: он был запружен, рядом стояла большая мельница. И зачем сделали помойку посреди города?



Фаэтон остановился перед гостиницей. Лыков осмотрелся и поморщился: шумно вокруг, да и с реки пахнет. «Лондон» стоял в конце Мадатовской улицы, прямо возле Михайловского моста. В обе стороны по нему ехали повозки, вперемешку с ними гнали стадо коров, громко кричали уличные продавцы.

– погоди, не уезжай, – сказал приезжий вознице. – Я, может, передумаю. Потихе-то есть места?

– Отсюда вид хороший, лучший в городе. Которые... как их? Ну,

зеваки приезжие...

– Туристы?

– Во! Туристы. Они любят тут селиться. Александровский сад опять же близко.

Лыков подозвал городского и попросил совета: где есть хорошие гостиницы, но чтобы в тихом месте. Тот, видимо, нюхом учуял полицейского чиновника, потому ответил подробно и с тактом. По его словам, номеров в городе много: «Северные», «Южные», «Французские», «Московские», есть даже просто «Номера». Но лучшей считается гостиница «Кавказ» на Эриванской площади.

Коллежский советник вручил служивому полтинник и приказал извозчику:

– Вот туда и вези.

Фаэтон покатил по улицам, которые делались все менее европейскими и все более восточными. Молоканин пояснял:

– Это вот Солдатский базар. А это Пушкинская улица. Сочинитель был такой... Там дале Армянский базар, все что хошь купить можно.

Вскоре они выехали на большую площадь. С одной ее стороны стояло красивое здание в мавританском стиле, с башенкой и часами – Городская дума. С другой – скучный корпус казенной архитектуры, с колоннами и часовым у входа. Лыков узнал штаб округа – девятнадцать лет назад ему приходилось тут бывать. Середину площади занимал караван-сарай Тамамшева, напоминавший огромный сундук. Надо же было так выстроить, подумал приезжий – караван-сарай уродовал площадь, съедая все пространство вокруг. Гостиница «Кавказ» открывала выходящую с Эриванской нарядную и широкую Дворцовую улицу. Солидно, пристойно и в самом центре. Лыков распорядился нести вещи – ему тут понравилось.

У его жилища быстро нашлись и другие преимущества: дворец наместника, в котором теперь жил главноначальствующий, находился в двух шагах. Гость позавтракал, побрился и принял ванну – большая редкость в Тифлисе. Он знал, что с водой в столице края проблемы, как, впрочем, и с уличным освещением, и с канализацией. Древний, полный легенд город отставал от веяний времени.

Переодевшись в вицмундир, командированный направился во дворец. Он взял из дома лишь старшие ордена. Много чести князю таскать на встречу с ним весь иконостас. Поэтому сейчас на мундире были оба Владимира и солдатский Георгий. Скромно и в то же время внушительно.

Однако в приемной князя думали иначе. Молодой прилизанный секретарь небрежно оглядел гостя и сказал, что его сиятельства нет и

сегодня не будет.

А когда будет?

Кто ж его знает... Запишитесь на прием и оставьте свой адрес; когда назначат вам встречу, тогда известим. Но обычно князь заняты и поручают приемы своему помощнику. И вообще, разумнее сразу отметить у Фрезе. После чего приготовиться ждать несколько дней, пока у того дойдут до гостя руки.

Лыков много бывал на окраинах империи и знал, как там распущены чиновники. Вдали от столицы они чувствуют себя царьками. Старые кавказцы, храбрые, гостеприимные и деятельные, все давно в отставке. А новые кадры, которые привел Голицын, ленивы и высокомерны.

Сыщик вынул открытый лист, подписанный Плеве, и предъявил секретарю. Тот внимательно его изучил, посерьезнел. С грозным министром внутренних дел ссориться дураков нет. А выражения в открытом листе были самые сильные: оказать полное и безотлагательное содействие.

– Господин коллежский советник, – пробормотал бюрократ. – Прошу понять меня правильно. У нас есть своя специфика...

– Она не в том ли заключается, чтобы игнорировать распоряжения верховного начальства?

– Нет, конечно же нет. Я затрудняюсь в выборе выражений. Дело в том, что его сиятельство сейчас не сможет вас принять. После тех событий визиты к нему действительно сведены к минимуму... Чтобы не перегружать раненую голову князя.

Лыков не поверил своим ушам:

– Не перегружать голову? Наместнику огромного края? А как же он вообще служит, если здоровье не позволяет?

Секретарь беспокойно оглянулся, словно боясь, что их услышат. И понизил голос:

– Этот вопрос не ко мне, извините, а к тому самому верховному начальству.

– Вы хотите, чтобы я его туда передал?

Чиновник начал сердиться:

– Опять вы меня неправильно поняли! Я мелкая сошка, мне ли судить главноначальствующего. Да и не вам, уж коли на то пошло, господин приезжий. Государь без нас с вами разберется. Или вы с ним на короткой ноге?

– Я нет, но министр – да. Наш с вами общий министр, напомню. Я прибыл по его личному распоряжению. Дело срочное, важное и секретное.

А вы предлагаете мне оставить адрес и подождать несколько дней.

– Готов сию минуту отвести вас к Александру Александровичу Фрезе, – принял серьезный вид секретарь. – Поверьте, так будет и быстрее, и лучше. Князю сейчас ставят пиявки. После них он обычно делается раздражительный. В интересах дела, сами понимаете, лучше начать с Фрезе. А если понадобится, он лично устроит вашу встречу с князем.

– Ладно, ведите, – смирился командированный. Он подумал, что надо сообщить министру о царящих тут порядках. Но не сейчас, по приезде в край, а потом, на докладе. Тем более ему прямо поручено составить мнение. Если во дворце сибарит, то и подданные его обычно не перетруждаются на службе. Значит, подобные сцены сыщик увидит еще не раз. И бумага за подписью Плеве чем дальше удаляешься от Петербурга, тем меньше весит. Знакомая ситуация.

Лыков немного знал помощника главноначальствующего. В 1896 году Фрезе недолго был товарищем министра внутренних дел Горемыкина, и сыщик по службе с ним общался. Поэтому сейчас генерал встретил питерца радушно:

– Получил телеграмму от Плеве, жду вас, Алексей Николаевич. Как доехали? Где поселились?

– Спасибо, все в порядке. Позвольте сразу к делу?

Фрезе насупился. Лыков понимал, что перед ним человек опытный и ответственный. Александр Александрович трижды резко менял свою жизнь. Начинал он как горный инженер. В этом качестве молодым офицером принял участие в туркестанских походах, искал полезные ископаемые на присоединенных землях, резался с кокандцами. Затем перешел на военную службу и там преуспел. На русско-турецкой войне он сначала состоял в отряде Гурко, потом осаждал Плевну. Когда гарнизон крепости под командой Осман-паши ринулся на прорыв, полковник Фрезе предложил командованию срочно послать на левый фланг турецкой позиции Самогитский полк. Этот маневр оказал важное влияние на ход битвы. Фрезе стал георгиевским кавалером и генерал-майором. Долго служил в Петербурге и, между прочим, семь лет командовал лейб-гвардии Егерским полком. Потом поехал на Кавказ начальником штаба округа – и там сменил военную службу на гражданскую. Был Эриванским, затем Виленским губернатором, товарищем министра, а в 1897-м получил назначение помощником к князю Голицыну. В минувшее Рождество стал генералом от инфантерии. Часто замещал главноначальствующего, который любил надолго уезжать в столицу и не спешил возвращаться... И вот теперь Фрезе тянул весь воз административной работы – даже при наличии

во дворце хозяина края.

– Ваше дознание касается штабс-капитана Багдасарова?

– Да, ваше высокопревосходительство.

– Будет вам, Алексей Николаевич. Какое я превосходительство?

Помнится, в Петербурге мы именовали друг друга по имени-отчеству.

– Так то в Петербурге, Александр Александрович. Столица отсюда далеко. Увы, мое дознание касается офицера. Как это ни прискорбно.

– Вы подозреваете его в соучастии в мошенничестве?

– Слишком мягко сказано, – ответил сыщик. – Он, возможно, помогает бандитам «отмывать» запачканные кровью деньги. Все преступники попадают на сбыте добычи, это самый опасный для них момент. И штабс-капитан, как мы считаем, уменьшает их риски. Много хуже, чем просто мошенничество, согласитесь.

Фрезе скривился, по его суровому лицу ходили желваки. Наконец генерал сказал:

– Я не могу взять это на себя в обход главноначальствующего. Князь... э-э...

– ...должен лишь дать санкцию, – подсказал Лыков.

– Да, именно так. Пусть их сиятельство только кивнет. Остальное мы сделаем. Но вам надо повидаться с князем и убедить его кивнуть. Потому как речь идет об офицере.

– Я понимаю, Александр Александрович. Для этого и пришел. Секретарь сразу все пояснил. Когда мы с вами увидим князя Голицына?

Фрезе откинул крышку часов:

– Сейчас Григорию Сергеевичу ставят пиявки. Э-э...

– Секретарь и это пояснил. Нужно, чтобы к его сиятельству вернулось спокойное расположение духа. Когда это случится?

Генерал виновато посмотрел на гостя:

– Алексей Николаевич, уж извините, но у нас так... Минут двадцать лучше обождать, для пользы дела. Расскажите заодно петербургские новости.

– А чаю с пахлавой дадите?

– Конечно! Вы когда последний раз были на Кавказе?

Умница и труженик Фрезе развлекал коллежского советника полчаса. Лыков терпеливо отвечал на его вежливые вопросы. Наконец помощник сказал:

– Теперь можно. Пойдемте.

И начал оправлять перед зеркалом мундир. Ну и дела...

Князь Голицын принял командированного на площадке у бокового

выхода. Изящная лестница из белого камня спускалась отсюда в сад. Под навесом помещались стол и единственное кресло. В нем восседал хозяин края. Рядом вытянулся во фрунт стройный красавец грузин с погонями ротмистра на черкеске. Внизу лестницы застыл часовой, возле ворот – еще один. Похоже, террористы сильно напугали князя.

Голицын увидел посетителей и захлопал глазами. Отодвинул чашку, сунул помощнику руку, не поднимаясь с кресла, и уставился на незнакомца.

– Это коллежский советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции, – пояснил Фрезе. – Он прибыл по личному распоряжению Плеве. Дело касается возможного участия офицера Кавказского военного округа в преступном сговоре.

– Мой офицер и в сговоре? – удивился князь. – Такого не может быть.

– Фамилия офицера – Багдасаров, – уточнил Александр Александрович.

– Багдасаров? – фамильярно влез в разговор грузин. – Армяшка, что ли?

– Начальник личного конвоя главноначальствующего ротмистр Чачибая, – представил Лыкову собеседника Фрезе.

Мужчины обменялись короткими поклонами. Тут князь оживился:

– Армяшка? Ну, тогда понятно. От этих обезьян можно ожидать и не такого. Александр Александрович, распорядитесь.

И потянулся к заварному чайнику. Чачибая повел бровью, камердинер бросился помогать главноначальствующему. А Фрезе за рукав потянул Лыкова на лестницу. Они спустились в сад и пошли вглубь его. Когда крыльцо пропало за деревьями, генерал облегченно вздохнул:

– Ну и слава богу. Санкция получена, остальное за мной. Не обессудьте, Алексей Николаевич, так в последнее время выглядит управление краем.

– Это он после ранения? – осторожно предположил коллежский советник.

Генерал сказал о другом, будто оправдываясь:

– Я нарочно акцентировал фамилию офицера, чтобы получить нужный результат.

– А если бы подозреваемый был, к примеру, грузин?

– Тогда не знаю.

– Чачибая подзадоривал князя. Он близкий к нему человек?

– Начальник личной охраны всегда близкий человек, – невесело усмехнулся Фрезе. – А этот Арзакан Георгиевич так... прихвостень. Все его интересы заключаются в получении повышенного оклада содержания.

– Почему Голицын ненавидит армян?

– Никто не знает. Так было с самого начала. А когда выяснилось, что покушавшиеся принадлежали к партии «Гнчак», стало совсем худо.

– Армяне – влиятельные и богатые люди, весь Кавказ у них в руках, – не удержавшись, стал горячиться Лыков. – Как можно с ними ссориться? А зачем князь покусился на имущество их церкви? Ведь столько людей из-за этого погибло!

Фрезе терпеливо возразил:

– Не делайте скоропалительных выводов. Поживите у нас, осмотритесь.

– И что я тогда увижу, Александр Александрович?

Генерал от инфантерии и коллежский советник уселись на скамейку. Фрезе стал объяснять:

– Противоармянскую политику начал еще покойный государь. Александр Третий увидел, или ему кто подсказал, что на Кавказе оживился национализм...

– А это действительно имело место? – перебил генерала сыщик.

– Имело, – отрезал Фрезе. – При Александре Втором ребятам дали слишком много воли. На них поставили, чтобы воспрепятствовать исламу. А в результате у армян быстро развилось чувство национальной исключительности. При свойственном этой нации нахальстве представляете, что вышло? Потом от чувства исключительности уже полшага до независимости. Армяне заговорили о возрождении своего великого царства, причем от Турции аж до Воронежа! Где гора Арарат и где Воронеж? Государь в итоге повелел уменьшить их присутствие на государственной службе, и чернявых стали массово увольнять. Следом царь издал указ, исключаящий преподавание истории и географии Армении из школьных учебных планов. А вскоре и сами армянские школы присоединили к общерусской системе образования. Так что начал не Голицын, а предыдущий русский самодержец.

Армяне первое время терпели гонения, а татары^[8] терпели армян. Все было более-менее спокойно до девяносто второго года. Но потом государь Александр Третий снова вмешался: отменил старое городское положение. По нему, гласные городских дум наполовину состояли из христиан, наполовину – из иноверцев. Государь повелел оставить нехристианам резко пониженную норму – одну пятую от состава всех гласных. Догадываетесь, что после этого началось?

– Эта мера была направлена против евреев, заполонивших думы в западных губерниях, – сказал Лыков.

Генерал досадливо отмахнулся:

– Я не знаю, что там в западных губерниях. А у нас на Кавказе просто нет столько христиан. Нет, ясно? Подавляющая часть населения – мусульмане. И по новому положению они оказались почти не представлены в городских думах. Квоту, которую у них отобрали, тут же заняли армяне.

– Почему не грузины?

– А черт его знает! Грузины мало интересуются такими вещами, им скучно утверждать бюджет, заниматься канализацией или проведением трамвая. Сидеть в духане и пить вино – вот их любимое занятие.

– Александр Александрович, но ведь это не так. Зачем вы наговариваете на достойный народ?

Генерал смутился:

– Виноват, совсем тут обайбачился. Конечно, это не так. Грузины – храбрые и доброжелательные люди. Но согласитесь, что предприимчивости им, в сравнении с армянами, не хватает.

– С этим соглашусь, – не стал спорить Лыков. – Однако что с городскими думами?

– Ах, с ними. Так вот, когда почти всех татар повыкидывали из гласных, их места, как я только что сказал, заняли исключительно армяне. Ладно еще у нас в Тифлисе: их сорок процентов населения. А в Баку меньше десяти! И такое непропорциональное присутствие в городском самоуправлении. Нет, я считаю закон от тысяча восемьсот девяносто второго года ошибкой.

– Мусульмане обиделись?

– И очень сильно. Их можно понять. Армянам принадлежат вся торговля и вся промышленность. Они ведут себя как жида в Западном крае! Скупают за полушку, а продают за рубль. И их никак не обойти, сразу бойкот. Но народ на Кавказе дикий. Конфликты решают не в суде, а кинжалом. Тем более армяне всегда считались у горских народов законной добычей. Баранами, которых можно и должно стричь. И вдруг они забрали всю власть.

– Так, значит, не одни армяне виноваты! – воскликнул сыщик. – Кому хочется быть бараном? Веками эту нацию стригут и бреют все, кому не лень. Им в конце концов надоело.

– Кавказ – страна джигитов, а не хлебопашцев, – со вздохом согласился Фрезе. – Кража чужого скота не считается тут преступлением, а идет за доблесть. В ходу кровная месть. Разбойников больше, чем во всей остальной империи, вместе взятой. Поездите по здешним дорогам: за каждым поворотом таблички на скале. Я сначала слезал, читал их. Везде

одно и то же: на этом месте в таком-то году была ограблена почта, или коляска, или караван, были убиты такие-то и такие-то. Кавказ истекает кровью без всякой войны. Человеческая жизнь тут ничего не стоит. Вот буквально вчера был случай в Эриванской губернии. Шел по дороге бакинский татарин^[9]. Его обогнала арба с другим татаринком. Пешеход попросил подвезти до базара, а в ответ услышал ругань. Не думая ни секунды, он снял с плеча винтовку и застрелил обидчика! За пустяк, за грубое слово. Своего земляка и единовеца. Вот так здесь обстоят дела. Но самое нелепое произошло дальше. Убийца залез в арбу и покати́л в ней на базар. А труп хозяина подложил под себя, чтобы удобнее было сидеть. Приехал, бросил повозку и отправился за покупками. Народ смотрит – из арбы течет кровь. Заинтересовались, нашли мертвеца и начали делать предположения. Кто-то вспомнил, откуда взялась повозка и кто в ней сидел. Отыскали убийцу в духане – тот как ни в чем не бывало закусывал. Схватили дурака, а он лишь удивился: вай, как я мог забыть про тело, надо было его по дороге в пропасть выкинуть. Ума палата! – Генерал передохнул и продолжил: – Для чего я вам это рассказываю? Чтобы вы поняли, как тут все устроено. И вот армяне захватили власть в городах. В которых живет подобное дикое население. И что из этого получилось? Распря между теми и другими. Грузины, хоть и православные, тоже сплошь и рядом принимают сторону татар. А тут в костер подкинули новых дров.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду армянскую резню в Турции в конце века. И наш закон от тысяча девятьсот первого года, по которому семьдесят пять тысяч армянских беженцев оттуда были расселены в пределах России.

– Но государь спас этих людей. Турки их просто убивали.

– Надо было подумать в первую очередь о своих подданных, – горячо возразил генерал. – Кавказ не каучуковый, свободных земель тут нет. Пришли толпы новых людей и сломали привычный уклад жизни. Пахотных угодий, воды, леса и без них не хватало. А стало еще хуже. Туземцы возненавидели армянских пришлецов, начались конфликты. Но те явились не сами по себе, они привели с собой «Дашнакцутюн»^[10]. И это накалило обстановку до крайности. Ведь не было до той поры в России никаких армянских боевых отрядов, и жили – не тужили. Как-то обходились без фидайнов^[11]. А теперь от них никому спасения нет, ни своим, ни чужим.

– Ни своим? – удивился Лыков. – Что плохого делают фидайны своей нации?

– Как что? – удивился в свою очередь генерал. – А то вы не знаете?

Боевики-дашнаки обложили армянских предпринимателей данью – пять процентов от прибыли. Кто не хотел платить, был убит; теперь платят все. В полицию сообщать боятся, понимают, что она их не защитит.

– Для каких целей собираются эти деньги? Александр Александрович, поверьте: в Петербурге об этом знают единицы. Я, например, совершенно не в курсе, хотя служу в Департаменте полиции двадцать с лишним лет. Поясните, будьте добры.

Фрезе покосился на гостя: не смеется ли он? Понял, что нет, и вздохнул.

– Тут давняя история. Заварили кашу турки, а хлебаем ее мы. В тысяча восемьсот девяносто четвертом году в Османской империи начались массовые убийства армян. Резали курды, по приказу султана Абдул-Гамида...

– Для чего это понадобилось султану? – перебил сыщик. – Ему что, спокойная жизнь надоела?

– Так ведь турки! Мусульмане-фанатики. Султан – глава панисламизма и даже больше – пантюркизма. Слыхали об этом?

– Слыхал. Уже несколько лет туземцы на Кавказе и в Туркестане получают подметные письма: скоро будет война с неверными, все мусульмане должны выступить вместе под властью великого султана. Уже и в Казани получили такие письма-инструкции. Эмиссары приезжают, электризуют людей. А теперь стали запасать на окраинах оружие.

Фрезе вздохнул:

– Мягко как формулируете... То ли фактов не знаете, то ли уклоняетесь от честного разговора. А разговор трудный! Пантюркизм глубоко въелся в умы татар. Сами они, кстати, все чаще называют себя кавказскими турками. Идеологи мутят народ всюду...

– Идеологи? Известно, кто они?

– А то! Главных двое. Журналист Ахмед-бей Ага-оглы Агаев (кстати, выпускник Сорбонны) и врач Али-бей Хусейн-заде. Оба проживают в Баку как ни в чем не бывало и от полиции не прячутся. Они пропагандируют объединение всех народов «великой тюркско-татарской расы», живущих между Босфором и Тихим океаном. Ссылаются при этом на мифологическую прародину Туран, на монгольских ханов Чингиза и Тамерлана. А центром объединения выставляют Османскую империю. И вообще, Алексей Николаевич, дело плохо. Пахнет жареным. Готовится большая война между христианами и мусульманами. Боюсь, что она наложится на ту войну, которую готовят против нас германцы с австрияками. Представляете, что здесь начнется?

– Александр Александрович, давайте продолжим про армян.

– Давайте. Так вот, курды начали резню, которую они на самом деле никогда и не прекращали. К ним присоединились и другие: турки, черкесы, лазы... Следует признать, что армянам крепко доставалось: их убивали и грабили все кто ни попадя. Но тут неожиданно среди этой мирной торговой нации нашлось несколько сотен храбрых людей, которые взяли за оружие и ответили на насилие насилием. Мусульмане здорово удивились. Как так? Армяне и огрызаются? Ну-ка мы им сейчас! И началось уже кровопролитие, которое нельзя было скрыть или замолчать. «Дашнакцутюн» создавали в России, а воевали ее боевики в Турции. Когда наши власти спохватились – от султана пошли жалобы на потакание террористам – дашнаки перебрались в Персию. Там теперь их базис, а в Тебризе даже собственный оружейный завод. Фидайны дали прикурить будь здоров! Они начали убивать губернаторов, вождей курдских племен, полицмейстеров и прочих, кто потакал погромщикам. «Дашнакцутюн» сначала объявила целью своей деятельности создание автономии в Турецкой Армении. Но потом вошла во вкус и начала говорить о создании независимой Великой Армении. Такой оборот не понравился уже не только турецкому султану, но и русскому царю. Но когда он из соображений человеколюбия принял семьдесят пять тысяч несчастных беженцев, те привезли с собой боевиков-дашнаков. Как в истории о троянском коне, мы сами пустили врага внутрь. И теперь хлебам полной ложкой. Князь Голицын имел поэтому основания для репрессий в отношении армяно-григорианской церкви. Ее священники все поголовно поддерживали дашнаков, и доходы свои церковь тратила на помощь им. Но сделал князь все топорно. Умнее, тоньше надо действовать на Кавказе... Да еще закрыли все армянские школы в крае! Это-то зачем? Когда в Баку стали отбирать храмовое имущество, сбежалась толпа и напала на полицию. Были убитые и раненые. И это в Баку, где большинство населения – татары. А когда пришли в Эчмиадзин, представляете, что там началось? Дурак Накашидзе, губернатор Эриванской губернии, будто нарочно хотел возмутить армян. Вспыхнули волнения в Шуше, Елисаветграде, Эривани, у нас в Тифлисе. Погибло много людей... В итоге князь-главноначальствующий в ссоре с самым предприимчивым народом, боится выйти из дворца, а в пороховой бочке, какой всегда был Кавказ, уже зажгли фитиль. – Фрезе перевел дух и завершил свою речь так: – Вы уж, Алексей Николаевич, расскажите Плеве, что здесь происходит. Надо что-то менять, ей-богу. Пора мириться с армянами.

– А вы? Генерал от инфантерии, второе лицо в крае. Вы что пишете в

Петербург?

– Будто не в России служите! – рассердился Фрезе. – Вторые лица у нас в государстве ничего не пишут. А то, что пишут, никто не читает!

Лыкову пришлось извиняться. Тем не менее он сказал:

– Чтобы менять политику в крае, надо сначала сменить его начальника.

– Вы правы, – опять вздохнул генерал. – Голицын только портит. Но кто убедит государя? Не вы же. Или ждать, пока бочка с порохом рванет? Людей жалко: столько крови прольется.

– Вячеслав Константинович велел мне присмотреться, когда отправлял сюда, – понизил голос Лыков.

– Даже так? Значит, в Петербурге догадываются?

– Вероятно. Я мелкая сошка, мне всего не говорят. Но министр внутренних дел недоволен Голицыным. И государь тоже.

– Скорее бы, – просящим голосом произнес Фрезе. – Я готов уйти в любой момент. Появится новый человек, он найдет себе другого помощника, я понимаю. За должность не цепляюсь.

– Пока вам уходить нельзя. Иначе такое начнется! Когда князь уезжает в Петербург?

– Через неделю. И хочет пробыть там долго, месяц-другой. В Тифлисе летом жарко.

– Лето для князя начинается в мае?

– Угу.

Они помолчали, потом генерал поднялся и сказал:

– Посекретничали, и будет. Знайте, что я ваш союзник. Так и напишите Вячеславу Константиновичу. Только...

– Не бойтесь, Александр Александрович, мы с его высокопревосходительством общаемся шифром.

– Вот и хорошо. Будьте осторожны с Чачибая, он наперсник князя. И не так прост, как кажется. Но когда Голицын уедет, станет легче обрезать его клевретов. А теперь извольте пройти со мной в канцелярию по военноподчиненному управлению Кавказского края. Это рядом, на улице Петра Великого.

– Зачем нам туда, Александр Александрович?

– Санкцию на дознание по делу штабс-капитана Багдасарова вы получили? Или уже забыли, для чего сюда приехали? – усмехнулся генерал.

– Но при чем тут канцелярия? Дайте мне казака в сопровождающие, я поеду в Гомборы и начну там дознание.

– Оно уже начато, – со значением сказал Фрезе.

– Вот как?

– Разумеется. Я, как получил телеграмму от министра, сразу распорядился о негласной проверке личности штабс-капитана.

– Очень хорошо. Но все равно не понимаю, при чем здесь канцелярия. Кто вел проверку, жандармы?

– Нет. Управление краем имеет особенности. В частности, в канцелярии есть особый отдел по полицейской части. Он занимается всеми секретными делами.

– Вроде охранного отделения?

– Говорю же: в европейской части ничего подобного не существует, отдел просто не с чем сравнить. Ему подчиняется вся наружная полиция и закавказская полицейская стража. А по некоторым вопросам даже губернские жандармские управления и конвойные части. Охранных и сыскных отделений в кавказских губерниях нет – их функции тоже лежат на особом отделе. Он руководит борьбой с бандитизмом, с политической преступностью и даже ведет разведку сопредельных иностранных государств параллельно с военными.

– Ого!

– Я познакомлю вас с начальником особого отдела статским советником Трембелем. Это самый осведомленный человек на всем Кавказе. Значимость его подчеркнута статусом вице-директора канцелярии.

– А он ваш или Голицына?

– Карл Федорович себе на уме, но службу знает.

– Спрошу иначе: я могу ему доверять? У вас все так непросто.

– Где сейчас просто? – развел руками Фрезе. – А на ваш вопрос отвечу так: сотрудничать с ним можно, он будет вам крайне полезен. Особенно после того, как получит мой категоричный приказ. А доверять – нельзя.

Лыков кивнул.

– И запомните мои слова, господин коллежский советник: здесь никому нельзя доверять. Это Кавказ, – сказал в заключение генерал.

Глава 3

Тифлисские чиновники

Статский советник Трембель оказался рослым осанистым мужчиной с напояженной бородой и наружностью сердцеда. Глаза живые, блестящие и как будто постоянно смеющиеся. Ох, здешние дамы немало должны были натерпеться от такого красавца! Фрезе сдал ему сыщика с рук на руки, сказал все необходимые слова про полное содействие и удалился. Когда мужчины остались вдвоем, Трембель заявил:

– А я про вас слышал, Алексей Николаевич.

– Вот как? Что именно?

– Ну, вы богатырь, каких мало. И притом особо доверенное лицо министра.

– Ни то, ни другое, Карл Федорович, увы, не соответствует действительности.

– Неужели? – осклабился статский советник, оглядывая крепкую фигуру питерца.

– В молодости всякое бывало, но теперь я уже не тот. Тяжелее стакана с вином стараюсь ничего не поднимать. А что касается нашего министра, то есть лишь один человек, которому он по-настоящему доверяет. И это не я.

– Подполковник Скандраков?

– Да, начальник его личной охраны.

Трембель помолчал, обдумывая услышанное. Потом кивнул:

– Так и быть. Хотите принизить свое значение – ваше право. Смешно было бы при первом знакомстве ожидать от вас искренности.

– А кто рассказал вам про меня?

– Отставной коллежский советник Скиба.

Лыков обрадовался:

– Максим Вячеславович! Где он сейчас? Как ушел восемь лет назад со службы, так с тех пор словно в воду канул.

– Скиба давно живет в Тифлисе, – пояснил начальник особого отдела. – Пенсии не хватает, вот он и устроился на железную дорогу. Мы ходим с ним в один клуб. Максим Вячеславович – умнейший, порядочный человек, бывший полицейский, и мы поддерживаем с ним добрые отношения. Давеча в клубе я обмолвился, что приезжаете вы. И узнал

много о вас хорошего. Ну-с, теперь поработаем вместе? – И Трембель выложил на стол папку.

– С удовольствием, Карл Федорович. Это результаты предварительного дознания?

– Да. Вот что мне удалось выяснить за те три дня, пока вы добирались до нас.

Статский советник нацепил на нос очки, отчего сразу стал похож на ученого немца, а не на записного юбочника.

– Тэк-с... Штабс-капитан Багдасаров Рубен Абгарович. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Вышел в Кавказский стрелковый артиллерийский дивизион. В настоящее время заведует там хозяйством.

– Ага! – воскликнул питерец.

– Именно так, – понял его кавказец. – По делам службы штабс-капитан имеет возможность часто бывать в Тифлисе. И не только. В формуляре указано более десяти командировок в Петербург, Москву, на ярмарки в Нижний Новгород и Ирбит. Даже в Варшаву катался!

– Заведующий дивизионным хозяйством... Имеет обширные деловые связи, часто бывает в торговых городах. Сходится. Так и должен выглядеть агент «большой постирочной».

– Кстати, расскажите мне о ней, – прервался Трембель. – Что известно достоверно? И почему вы с самого начала, как сказано в телеграмме Плеве, подозревали Кавказ?

Алексей Николаевич изложил свои соображения. Трембель подумал и согласился:

– Да, все логично. Я и сам уже ломал голову, куда деваются меченые доходные бумаги. Прошлой осенью ограбили Нахичеванское казначейство, слышали?

– Это где триста тысяч взяли?

– Да, самое громкое дело последних лет. Там помимо денег были облигации Александровского общества сахарных заводов. Серии записаны, все учтено. Вот, думал я, ребята и влипли. И что?

– Не влипли? – поддел коллегу сыщик.

– Черта с два! Облигации всплыли в платежах Второго Кавказского армейского корпуса.

– Как они там оказались?

– От взаимных расчетов с городскими управами Александрополя и Темир-Хан-Шуры.

– И концов не сыскать?

Статский советник лишь развел руками:

– Там сорок тысяч ассигновок. Годы уйдут на их разбор. У меня и людей столько нет, чтобы заниматься этим.

– Но что говорят арестованные?

Начальник особого отдела скривился:

– Черти суконные! На вопрос, кому они сбыли облигации, арестованные отвечают уклончиво. Якобы незнакомому армянину за лаж в пятнадцать процентов.

– Врут?

– Конечно. Может, Багдасарову, а может, кому-то другому.

– Я понял. Давайте вернемся к Багдасарову. На него поступали сигналы по вашей линии?

– Только один раз, и не так чтобы сигнал, – ответил Трембель.

– В каком смысле?

– Ну, пришла анонимка, написанная женской рукой. О том, что супруга штабс-капитана носит платья, цена которых в пять раз больше годового содержания ее мужа.

– Полковые жены накатали? – догадался сыщик.

– Они. Разумеется, такой «сигнал» отложили в сторону и не стали даже разбирать. Дуры-бабы пишут друг на друга гадости, ничего нового... Лишь сейчас я обнаружил письмо в папке и уяснил его смысл.

– Больше ничего?

– Так, одна деталь.

– Какая? – насторожился Алексей Николаевич.

– Я запросил почтмейстера, после той телеграммы. И вот что он сообщил. Штабс-капитан часто забирает на Разгонной почте^[12] посылки и денежные пакеты. В больших количествах.

– На свое имя?

– В том-то и дело, что на разные. Дивизион стоит в Гомборах, оттуда не наездишься. И все его офицеры выдали заведующему хозяйством доверенности на получение почты.

– Замечательная идея, – одобрил сыщик. – Приходит пакет, к примеру, от Степки Латунного, о смерти которого я вам только что рассказал. На имя командира второй батареи, а не Багдасарова. Штабс-капитан спокойно его забирает и присваивает. Никто и не узнает. И подозрений меньше – не вся почта на его имя, в масштабах дивизиона все размазано.

– Так и есть, – убежденно сказал статский советник. – Ваши подозрения считаю более чем обоснованными. Надо ехать и брать этого армяшку.

– Санкция князя-главноначальствующего получена, – напомнил

питерец. – Но как это сделать в практической плоскости?

– Да все просто. Сейчас я вызову губернатора и полицмейстера, они вам окажут всю необходимую помощь.

– Начальник губернии явится сюда по вашему вызову? – не поверил Алексей Николаевич.

Трембель удивился:

– Как же не явится, когда я приказал?

– Карл Федорович. Вы вице-директор канцелярии по управлению краем. А он губернатор.

– Ну и что? Во-первых, полковник Свечин лишь исправляет эту должность. Во-вторых, его вызывает начальник особого отдела по полицейской части. У меня такие полномочия, если хотите знать! Ну и в-третьих, кто же еще будет заниматься «большой постирочной», как не я? Все, батюшка, вы теперь мой клиент! Как там написано в открытом листе? Всем чинам МВД оказывать содействие? На Кавказе они подчиняются статскому советнику Трембелю. Хе-хе...

Алексей Николаевич обрадовался. Для дела лучше, когда есть один ответственный человек, знающий местную специфику. Трембель, судя по всему, как раз такой. Пусть он и объясняет здешним царькам, что Лыкова надо слушаться.

Карл Федорович телефонирует губернатору и действительно приказал немедля прибыть к нему вместе с полицмейстером. Через четверть часа оба явились. Они оказались до смешного похожи: толстенькие, с залысинами и сильно загорелые.

– Исправляющий должность Тифлисского губернатора, числящийся по гвардейской кавалерии полковник Свечин Иван Николаевич, – представился первый.

– Тифлисский полицмейстер коллежский советник Ковалев Георгий Самойлович, – назвал второй.

Трембель вел себя как старший. Он познакомил чиновников с питерским гостем и кратко обрисовал его задачу. Статский советник закончил речь следующим пассажем:

– Поручаю вам Алексея Николаевича и жду обычного вашего рвения. Помните, что вопрос находится на контроле у его сиятельства и у самого министра Плеве.

Тифлисцы вышли на улицу и пригласили Лыкова в свой экипаж. Слова грозного вице-директора, казалось, не произвели на них большого впечатления.

– А поехали в хороший духан, Алексей Николаевич, – предложил

начальник губернии. – Там и обговорим все.

– Да, так будет лучше, – поддакнул полицмейстер. – А то его сиятельство, министр... Он бы еще государя приплел.

– Я в вашем распоряжении, господа. Без вас мне дела не сделать.

Увидев, что Лыков не зазнаистый, полковники приободрились. Коляска пулей пролетела по Головинскому проспекту и понеслась дальше. Командированный понял, что его везут в Веру. Мелькали дома и казармы, скверы и кладбища.

– Господа, а что это за крест? – успел спросить сыщик.

– Да тут перевернулась коляска с Николаем Первым, и он чуть шею себе не сломал, – весело пояснил полицмейстер. – А вот и наше любимое заведение. Знакомьтесь: духан Ткибучавы. Здесь самые вкусные хинкали во всем Тифлисе.

Выбежал приветливый хозяин, усадил важных гостей во дворе. Молодые листья винограда свисали им на головы, вдали белела вершина Казбека. Хорошо...

Полчаса все трое болтали о пустяках, ели хинкали и запивали кахетинским. Тифлисцы подливали питерцу и сами не отставали. Потом выяснилось, что гость не пьянеет. У Свечина с Ковалевым тоже было ни в одном глазу.

– Поговорим? – спросил Лыков, когда хозяева поняли, что их маневр не удался.

– Ну, можно... – буркнул губернатор.

– Трембель – фигура влиятельная?

– При таком главноначальствующем – да, – неожиданно откровенно ответил полковник. – На безрыбье и рак рыба.

– Он у вас, случайно, не «фон»? Лощеный, дамам такие нравятся.

– По бумагам фон Трембель, – подтвердил догадку питерца Ковалев. – Однако сами знаете, как это делается. В Берлине такую приставку можно купить...

– ...за восемь тысяч рублей, – продолжил сыщик, и все трое рассмеялись.

– Князю пора на покой? – в лоб поинтересовался мнением тифлисцев приезжий.

Те переглянулись, и Свечин осторожно спросил:

– Вы не просто так любопытствуете? Имеете поручение?

– Да, – признался коллежский советник. – От Плеве. В Петербурге недовольны, как идут здесь дела. Мне поручено составить мнение.

– Я вам отвечу откровенно, а потом мои слова дойдут до князя? –

набычился губернатор. – Спросите про другое. Меня и без того никак не утвердят в должности. И генерала задерживают.

– Как вам будет угодно.

– А хотя черт с ним! – рявкнул вдруг Свечин. – Да, князю давно пора на покой. В Государственный совет или на другую свалку отставных деятелей. Хватит разваливать край, тут и без того куча проблем.

– А кого на его место? Фрезе?

– Александр Александрович порядочный, – вступил в разговор полицмейстер. – И боевой генерал, в отличие от князя. Два Владимира с мечами и Георгиевский крест! А у Голицына лишь Анна третьей степени.

– У князя еще Анна второй степени с мечами, – поправил товарища Свечин.

– Эта не в счет. Знаешь, за что она получена? За приведение полка в образцовый вид, а не за отличие на поле боя. За шагистику, вот за что.

– Да, в шагистике Голицын специалист, – желчно констатировал губернатор. – Всем Кавказом управляет, как пехотным полком. А правительство хочет иметь хороший результат.

– Так что с Фрезе? – напомнил сыщик.

– Не годится, при всех его достоинствах, – уверенно заявил Ковалев.

– Почему?

– Он всегда был вторым, никогда не управлял самостоятельно крупным делом.

– Но Фрезе служил губернатором.

– Что с того? Этого мало. Вспомните его послужной список. Начальник штаба округа, но не командующий. Товарищ министра, но не министр. Помощник главноначальствующего, но не начальник края. Нет, Фрезе не годится.

– А кто годится?

Свечин отхлебнул из стакана и сказал, будто рассуждая вслух:

– Лучше, чтобы это был старый кавказец. Например, многие вспоминают графа Воронцова-Дашкова.

– Бывшего министра Двора? – удивился Лыков. – Он давно не у дел. Еще с Ходынки. Принял ответственность за то несчастье на себя и подал в отставку. Его уж забыли.

– А вот зря, – поддержал приятеля полицмейстер. – Граф Илларион Иванович пользуется на Кавказе большим уважением. Если еще восстановить наместничество, как прежде... Для туземцев это было важно. Да и управлять из столицы не получится.

Наместничество упразднил Александр Третий в 1882 году, чем сразу

понижил престиж местной власти.

– Сообщу министру ваши соображения, – пообещал Лыков и решил сменить тему разговора. И без того чиновники сказали незнакомому человеку много смелого. Сыщик только удивлялся: в Петербурге подобный разговор был бы невозможен.

– Мне надо поймать опасную шайку. Поможете?

– Куда мы денемся? – ухмыльнулся полицмейстер. – Людей надо подходящих? Дадим. Есть у меня поручик Абазадзе, он черта поймает, не то что вашу шайку.

– В одиночку изловит?

– Ну, вы ему поможете, – отбрил питерца Ковалев.

Сыщик понял, что ему тут никто в рот смотреть не собирается:

– Да с удовольствием. Когда я увижу вашего поручика?

Губернатор обратился к полицмейстеру:

– Жоржик, смени тон. Не задирай Алексея Николаевича. Он георгиевский кавалер, значит, храбрый человек. Надо поехать в горы – не испугается.

– Да меня зло берет, Ваня, – устало ответил Ковалев. – Трембель телефонировал, и мы как два мальчугана помчались к нему. Ты зачем так себя поставил? И меня тоже заставляешь.

– Жорж, прекрати. Если не дружить с Трембелем, останешься без должности. Ответь Лыкову, он задал тебе вопрос.

– А, насчет поручика? Алексей Николаевич, Арчил будет только завтра. Он убыл в Сагореджо, такое селение в Тифлисском уезде. Там объявился известный качаг^[13] Пидо Гратиашвили, Арчил хочет его убить.

– Арчил?

– Его так зовут, это имя Абазадзе. По-грузински означает правильный, открытый. Он такой и есть, вот увидите.

– А почему он хочет убить качага, а не арестовать?

Губернатор недобро усмехнулся:

– А зачем жить злодею, который уже зарезал двух человек?

Полицмейстер понизил голос и добавил:

– У нас на Кавказе пленных не берут. Ни мы, ни они.

Лыков знал, что преступность здесь имеет свою специфику. Карманными кражами балуются мало, зато в большом ходу разбои. В горах никаких законов нет, правит тот, кто сильнее. Человеческая жизнь ценится очень дешево. Полиция старается не доводить дело до суда: слишком канителью. Преступников просто отстреливают, как волков. Зная это, они и не сдаются. А при случае платят властям той же монетой.

– Но завтра вы познакомите меня с вашим храбрым поручиком, Георгий Самойлович?

– Я ночью убываю в Борчалинский уезд. Там убит лорийский пристав, и дознание поручено мне. Так что, Алексей Николаевич, завтра поручика представит вам мой помощник коллежский асессор Шмыткин. Я оставляю ему все инструкции. А теперь давайте еще кахетинского, а?

Тут подошел, почти подбежал, духанщик и сказал губернатору возмущенно:

– Опять эта пришла! Хочет меня закрыть. И опозорить, да-да, опозорить. Сделай уже что-нибудь!

Чиновники переглянулись. Свечин пояснил гостю:

– Пришла госпожа Фомина-Осипова, участково-думский врач. Она наводит ужас на духанщиков, поскольку требует соблюдения санитарных норм. – И обратился к хозяину заведения: – Что, Ткибучава, опять у тебя антисанитария?

Туземец воздел руки к небу:

– Какой такой анти-санти? Тьфу! Глупый баба, зачем ее слушай? Скажи, неужели мой хинкал невкусный?

При этих словах из помещения во двор вышла женщина лет тридцати пяти, в деловом костюме и с портфелем в руках. Мужчины сразу вскочили.

– Позвольте вас представить друг другу, – начал губернатор. – Это коллежский советник Лыков Алексей Николаевич, приехал нынче из Петербурга...

– Я закрываю ваш шантан, Иван Николаевич, – низким грудным голосом сказала дама, не обращая никакого внимания на сыщика.

– ...А это Виктория Павловна Фомина-Осипова, гроза бацилл и духанщиков, – завершил Свечин.

Докторша быстро окинула питерца взглядом, задержалась на Георгиевском кресте, и лицо ее немного смягчилось.

– Наш губернатор – первый потатчик упомянутых бацилл, – сообщила она гостю. – Он таки дождется летом массовых отравлений. Очень приятно, Алексей Николаевич. Как там в Петербурге?

Лыков хотел ответить, но дама уже потеряла к нему всякий интерес. Или только сделала вид. Она вновь обратилась к начальнику губернии:

– Неужели вы не понимаете, что пока вы столуетесь в этих вертепах, их хозяева будут игнорировать мои законные требования?

– Что же прикажете делать, Виктория Павловна? – растерялся полковник. – Голодать? Вот гость прибыл, куда с ним пойти?

– В первый классный ресторан. Там гигиенические нормы соблюдаются

много лучше. Или вам гостя не жалко?

Тут вмешался полицмейстер:

– Позвольте дать делу законный ход, Виктория Павловна.

– Я, Георгий Самойлович, только об этом и прошу. Незаконных мер мне не надо, они не помогут.

– Тогда передайте протокол о нарушениях санитарно-врачебному инспектору. Он войдет ко мне с отношением, и я закрою грязные заведения.

– Как в тот раз закроете? На три часа? – съязвила докторша.

Полицмейстер стал покрываться пятнами, но губернатор положил ему руку на плечо:

– Жорж, помолчи. Виктория Павловна, обещаю, что в этом случае нарушители так легко не отделаются. Лично прослежу. А пока окажите нам честь, сделайте глоток кахетинского. Алексей Николаевич не заслужил вашей обструкции.

Дама опять посмотрела на Лыкова, чуть более внимательно. Тот не растерялся и подхватил:

– Заодно посоветуйте мне, где можно питаться безбоязненно. А то зайду не туда и отравлюсь.

– В этой клоаке ни глотка, Алексей Николаевич. Вы где остановились?

– В гостинице «Кавказ».

– Там можно. Еще смело заходите в ресторан «Аннона», это при Сионском соборе. Чисто готовят в гостиницах «Париж» и «Сабадури»; в последнем хороша туземная кухня. Ну и буфет сада «Золотое время», что в Муштаиде. А больше в этом городе нигде.

На этих словах докторша сделала общий поклон и удалилась. Мужчины снова сели и разлили очередную бутылку.

– Однако, – первым нарушил молчание питерец. – А лицо интересное. Не красавица, но есть какая-то изюминка.

– Кто сейчас ее дроля, а, Жорж? – спросил губернатор у полицмейстера.

– Да уж скоро год, как никого нет.

– Что ты говоришь! Самому, что ли, за ней приударить?

– Так Виктория Павловна свободна? – оживился Лыков.

– Ишь как встрепенулся, – рассмеялись тифлисцы. – Не суетитесь, господин приезжий ловелас. Там и не такие зубы обламывали.

Начался типично мужской разговор, вроде бы не пошлый, но на грани. Алексей Николаевич узнал, что врач Фомина-Осипова – личность в городе известная. Разводка, бывший супруг командует саперным батальоном. Умная, с сильным характером, докторша поставила цель самой себя

содержать и не зависеть от мужчин. Воспитывает сына, общается с узким кругом друзей. В целом человек доброжелательный, Виктория Павловна имела пунктик: ей казалось, что на службе к ней относятся недостаточно серьезно оттого, что она женщина, и потому иной раз в борьбе за чистоту жевешка^[14] перегибала палку. Вот давеча нашла у себя на участке сразу двадцать семь торговых заведений, не имеющих патента. И потребовала все их закрыть. А еще в ее участок входит деревня Вера со всеми гульбищными садами. В Тифлисе веселятся по окраинам: в местности Ортачалы на востоке и в Вере на западе. Там лучшие шашлычные, с оркестрами народной музыки. И госпожа Осипова регулярно терроризирует их, находя на кухнях буфетов различную заразу. Чем, конечно, сильно восстанавливает против себя духанщиков. А еще привередливая врачиха обнаружила в персидском лимонаде, популярном в Тифлисе, вредные для здоровья анилиновые краски. Персы добавляли их для придания напитку яркого оттенка. И теперь лимонад в городе под запретом.

Разговор о женщинах, как это всегда бывает, сблизил мужчин. Они выпили много вина, но не опьянели. Заодно тифлисцы научили гостя правильно есть хинкали. Оказывается, их не надо портить соусами. Никаких ткемали или сациви, только посыпать черным молотым перцем! Но пора было расходиться. Условились, что завтра утром сыщик явится в полицейское управление, где его будет ждать поручик Абазадзе. Георгий Самойлович даст инструкции и выделит служебный экипаж. Вдвоем с поручиком Лыков поедет в Гомборы. И по итогам первой беседы, скорее всего, доставит штабс-капитана Багдасарова в Тифлис.

Иван Николаевич взял на себя другие важные хлопоты. Ведь нельзя же просто так арестовать офицера и посадить его в тюрьму. Оттого лишь, что его фамилия оказалась записана на бумажке у какого-то вора за тысячи верст отсюда... Свечин взялся оформить задержание честь по чести. А именно получить распоряжение следователя и согласие штаба военного округа, а также известить начальника дивизиона.

Фаэтон доставил сыщика на Эриванскую площадь. Лыков поднялся в номер и переделался в партикулярное платье. Было три часа дня. Куда пойти? Хотелось увидеть Скибу, но того надо было еще сначала отыскать. Да и ввалиться без спроса неловко: мало ли что? Алексей Николаевич послал курьера в адресную контору. Вскоре выяснилось, что Максим Вячеславович проживает в Михайловском участке, на Третьей Водосточной улице. Судя по названию, место непрестижное, хотя район Сололаки считался лучшей частью города.

Лыков набросал записку, спросив, когда Скибе угодно будет принять гостя из Петербурга. Послал на Водосточную того же курьера, а сам решил прогуляться.

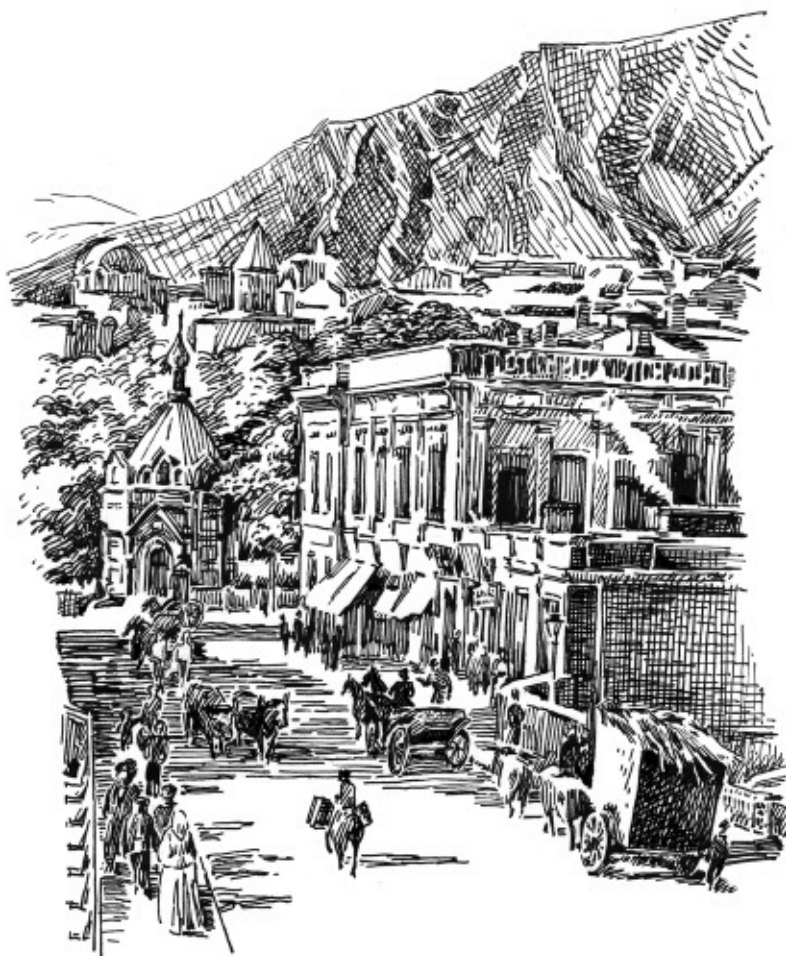
Глава 4

Тифлис

Столица края с трех сторон окружена горами. С запада нависает Мтацминда, или гора Святого Давида. С востока глядит Махатский хребет. С юга прямо в городскую черту вторгается узкий Сололакский гребень. Только с севера город открыт.

Тифлис лежит в долине, поэтому летом здесь жарко, как на раскаленной сковородке. Наискось город рассекает Кура и делит его на две половины. Пять мостов соединяют берега. В самом узком месте, возле Метехского замка, ширина Куры – всего пятнадцать саженей. Тут сердце города с полуторатысячелетней историей. Есть и еще одно деление Тифлиса – на русскую и туземную части. С громады Сололакского хребта глядят вниз развалины древней крепости Нарикала, но центр все равно внизу. На правом берегу – Старый город. Узкие кривые улочки передают восточный колорит. Татарский Майдан и Армянский базар, серные бани и тесные лавки, мечети и древние соборы, шум торговли, грязь и азиатчина. Новый город другой, он раскинулся по обоим берегам. На правом – это вся местность от Эриванской площади и до Веры. На левом – бывшая Колония, кварталы от Воронцовской площади и до сада Муштаид. Здесь правильная европейская застройка, все казенные здания, здесь живут русские чиновники и военные.

Еще на левом берегу скучились армянские кварталы – Авлабар, Чугуреты и Старые Куки. Тифлис многонационален, население его превышает, по последним данным, двести тысяч человек. В городе говорят на сорока языках! Доминирующая нация – армяне, их 36 %. Следом идут грузины (26 %) и русские (21 %). Татар совсем мало, по бумагам всего 2 %, но на самом деле больше. Особенно летом, когда они приходят на заработки. Остальные заметные нации – это персы, поляки, курды, греки, немцы и евреи.



Главная улица Тифлиса – Головинский проспект. Ширина мостовой – целых двадцать саженьей. На Головинском проспекте расположены кадетский корпус, Казенный театр, Александровский сад, Александро-Невский военный собор, гауптвахта, лучшие магазины и рестораны. А кроме того, дворец наместника – он красив и представительен. В саду, окружающем дворец, сохранились два чинара, посаженные еще Ермоловым.

Продолжением проспекта является Дворцовая улица, на которой и

поселился Лыков. Она тоже вся в модных заведениях. Штаб военного округа и гостиница «Кавказ» фланкируют ее выход на Эриванскую площадь. От нее вниз идет Пушкинская улица и упирается в Солдатский базар. Он называется так потому, что по воскресеньям солдаты гарнизона продают здесь свои изделия. Это граница между Старым и Новым городом: кончается Европа и начинается Азия. Солдатский базар соседствует с Армянским, а тот соединяется с Майданом. Тут же вблизи Куры стоит Сионский собор – главный грузинский храм.

Ниже по течению реки продолжается хаотичная застройка. Вдоль правого берега идет длинная Воронцовская улица. Она проходит весь Харпук – фабричный район с темным туземным населением – и превращается возле тюрьмы в Эриванское шоссе. Дальше только казачья застава и пригороды. Кура в этом месте создает большой остров – Ортачалы. Он покрыт садами и является излюбленным местом гуляний тифлисцев. Застолья там шумят, не переставая, и время от времени кончаются поножовщиной.

Напротив Харпуха, на левом берегу реки, раскинулся Навтлуг. Здесь тоже сады, скотные дворы, а дальше за городом – бойня. В Навтлуге много военных. Помимо огромного окружного госпиталя, тут находятся казармы знаменитого 44-го Драгунского Нижегородского полка. По общему мнению, это лучший полк всей армейской кавалерии. А еще интендантские склады и грузовая станция железной дороги. Живут здесь по преимуществу русские: офицеры, чиновники, госпитальная обслуга. Слобода Ново-Троицкая заселена отставными нижними чинами и их семьями.

Границей Тифлиса на левом берегу является железная дорога. Но городу уже тесно, он лезет за ее полотно. Там тоже царят военные: раскинулись громадные корпуса арсенала, дальше – пороховые погреба, ближе к вокзалу – казармы Кавказских стрелковых батальонов. А еще кладбища: католическое, молоканское, православное Петропавловское и армянское Ходживанкское. На Песках и в Молоканской слободе проживают старообрядцы. Они занимаются преимущественно извозным промыслом. Выше по Куре правильно застроенные «русские» кварталы, складочная таможня и вокзал. Вокруг последнего возникла Нахаловка – опасный район, сплошь заселенный пролетариатом. В очках и шляпе там лучше не гулять. Кроме того, железнодорожные мастерские стали рассадником революционной заразы.

Завершается западная часть города садом Муштаид, еще одним любимым местом прогулок. Его потеснила шелководческая станция, но горожане все равно едут сюда. Первокласный ресторан, три летних

площадки с буфетами, военные духовые оркестры манят тифлисцев. За Муштаидом – пригород Дидубе и немецкая деревня Александердорф, однако последняя уже не Тифлис.

Лыков вооружился путеводителем и вышел на улицу. С чего начать? Он решил, куда есть силы, влезть на Мтацминду. Там стоял монастырь Святого Давида Гареджийского. Питерец хотел поклониться праху Грибоедова, погребенного в обители. На склоне копошились люди – строили фуникулер. Когда его закончат, можно будет подняться наверх с ветерком. Сейчас же сыщику пришлось потрудиться, пока он карабкался в крутую гору. Он посидел у черного обелиска с бронзовым крестом. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?..» Рядом была могила супруги великого драматурга, Нины Александровны, урожденной княжны Чавчавадзе.

Еще турист любовался открывшимся сверху чудесным видом. У него захватило дух. Красота неопишутая... Город в долине, рассеченный надвое зеленой змейкой реки. Вдали от вокзала к Навтлугу бежит паровозик, испуская черный дым. Завтра в ту же сторону, на Гомборы, выезжать Лыкову. На амфитеатре Арсенальной горы рассыпались домики обывателей вперемешку с казармами и прямоугольниками кладбищ. Кварталы Авлабара, купола серных бань, угрюмый Метехский замок, где сейчас тюрьма, белые скалы над Курой... Сыщик наметил маршрут и спустился вниз.

Перво-наперво он пошел в Александро-Невский военный собор, что на Гунибской площади. Надо было сделать это сразу по приезде, но хотелось быстрее получить аудиенцию у Голицына. Получил – как дерьма наелся... Коллежский советник сотворил молитву и отправился искать своих. Собор был заставлен знаменами частей, воевавших в крае. Рядом висели щиты с названиями полков и команд. На одном из них Лыков обнаружил надпись: «161-й Александропольский пехотный полк». Бывший пеший разведчик поставил перед ним свечу в память погибших товарищей и двинулся дальше.

Следующим в его списке был Сионский собор. Лыков хотел увидеть крест Святой Нины. Как-никак, нижегородцы имели к нему некоторое отношение. Внук последнего грузинского царя Вахтанга светлейший князь Грузинский чуть не полвека хранил крест в своей вотчине, селе Лысково Макарьевского уезда Нижегородской губернии. В 1801 году он преподнес святыню Александру Первому, а тот распорядился вернуть ее в Тифлис. Говорят, крест сложен из двух кусков виноградного дерева и перевит волосами святой. Ничего этого сыщик не увидел – реликвия была упрятана

под серебряный оклад. Но он снова помолился.

Дальше его манил Татарский Майдан. Сыщик сунулся было туда – хотел увидеть знаменитые Темные ряды, названные так потому, что лавки в них были крытыми. Но толчея и суета отпугнули питерца. Нет, сюда надо прийти с местным чичероном. Без сопровождающего затопчут. И Лыков направился в серные бани. Еще Пушкин омывал там свое смуглое тощее тело. Надо и гостю с севера приобщиться.

Бань оказалось больше двух десятков – в какую пойти? В каждой утверждали, что Пушкин побывал именно здесь. Самые красивые принадлежали князю Аргутинскому, и сыщик выбрал их. Часа ему хватило. Знаменитых парильщиков, так здорово описанных в «Путешествии в Арзерум», он нанимать не стал. Просто выкупался за полтора рубля в бассейне, облицованном мрамором, и почувствовал прилив сил. Ну, пора в гостиницу. Если Скиба уже прислал ответ и готов принять гостя, план на вечер составлен.

В номерах сыщика действительно поджидала записка. Максим Вячеславович сообщал, что с радостью увидится с ним нынче же. Лыков посидел четверть часа в буфете, отдыхая от туризма. А потом велел кликнуть извозчика.

В Тифлисе, как оказалось, существовало два вида извозных экипажей. Первый назывался фаэтон, он отличался чистотой и просторностью. Упряжь была парная, лошади сильные и ухоженные. Второй вид именовался дрожками и стоил по таксе в полтора раза дешевле. Лошадь у дрожек чаще всего была одна и общий вид не такой молодецкватый. Питерец заказал фаэтон. Как и в большинстве городов, расчетной единицей являлся конец – поездка по городу в одну сторону. Стоил он сорок копеек независимо от расстояния (езда на окраины обходилась дороже). Очередной молоканин доставил сыщика на Третью Водосточную. Она находилась в той местности, которая называлась «под Давидом»^[15]. Дома вокруг были все, как один, двухэтажные. Внизу жили хозяева, а верх сдавали внаем. Скиба занимал весь второй этаж.

Отставной сыщик искренне обрадовался появлению питерца. Он провел его в гостиную, где уже стоял кувшин с вином. По некоторым деталям Алексей Николаевич понял, что в доме есть женщина, и спросил об этом хозяина. Тот смутился:

– Да, мы живем вместе... Прежний супруг не дает Марии развода, поэтому сочетаться церковным браком нет возможности.

– Да и ладно, если вам хорошо друг с другом.

Максим Вячеславович облегченно вздохнул: было видно, что его

беспокоил этот вопрос. Он ушел в комнаты и привел женщину лет сорока, черноволосую, высокую, еще сохранившую красоту.

– Знакомьтесь: Мария Ивановна Щербакова, участково-думский врач и моя любимая жена.

Хозяйка вздернула голову, стараясь скрыть смущение. Чтобы разрядить обстановку, гость заговорил о другом:

– Очень приятно, Мария Ивановна. А я сегодня уже познакомился с другой дамой – участковым врачом. Ее зовут Виктория Павловна Фомина-Осипова. Сколько же таких, как вы, в городской управе?

Тема была выбрана удачно. Щербакова заговорила уверенно и бойко:

– Нас только две и есть. Виктория – моя лучшая подруга и частый гость в нашем доме. Как она вам показалась?

– Нас познакомил губернатор, полковник Свечин. Он очень ее хвалил. Сказал только, что духанщикам нет от докторши никакой пощады.

– Так это не всем, а лишь тем, кто не соблюдает санитарных норм!

В таком ключе беседа продолжалась некоторое время, и вскоре Лыков полностью освоился. Он с интересом наблюдал за бывшим коллегой. Прежде Скиба был закоренелый холостяк. А теперь он сидел под абажуром в домашней куртке и весь лучился покоем, даже животик завел. Максим Вячеславович бросал на жену такие взгляды, что сразу делалось ясно: в этих стенах мир и любовь.

Когда Мария Ивановна вышла за самоваром, хозяин, понизив голос, пояснил:

– К нам никто не ходит, кроме моих партнеров по картам. И еще вот Виктория Павловна часто бывает. Машу это удручает, но тут ничего нельзя поделать: семейные пары воротят нос. Даже в театре строят козью морду, ханжи! Зато я счастлив.

– Я слышал, вы теперь на железной дороге? – опять ушел от болезненной темы Лыков.

– Уже нет. Я перевелся в анонимное общество. Служу там директором-распорядителем.

– Что за зверь без имени?

Скиба замахал руками:

– Полное название такое: анонимное общество по замене на городских железных дорогах конной тяги электрической. Проще говоря, мы проводим в Тифлисе трамвай.

– Так это вы перекопали весь Михайловский проспект?

– Мы. А скоро и весь город разроем. Такое трудное дело, скажу я вам.

Бывший сыщик стал подробно объяснять гостю преимущества

виньололевских рельсов перед желобчатыми. Тут из передней донесся женский голос, и в комнату вошла Фомина-Осипова. Сыщик удивился, как они похожи с хозяйкой дома: словно двоюродные сестры, и роста одинакового. Только волосы у гостыи были длинные и светлые, а у Марии Ивановны короткие и черные.

– Добрый вечер! Я не поздно?

– Рад видеть вас снова, Виктория Павловна, – поднялся сыщик. – Встречаемся по два раза за день – может, это знак какой?

– Алексей Николаевич, кажется? Как вы здесь очутились?

На этих словах явилась хозяйка с самоваром и пояснила:

– Господин Лыков – старинный приятель Максима Вячеславовича. Да ты должна его помнить! Муж часто рассказывал о нем. Ну? Богатырь, ломает подковы, весь перераненный, и очень смелый человек.

– Ах, это он?.. Но ваш гость совсем не похож на тот героический образ!

– Вот всегда так с нами, героями... – сокрушенно вздохнул Лыков. – Совершаешь подвиги, можно сказать, что два раза на дню. А потом приходят и говорят: не похож!

Все рассмеялись и усадились пить чай. Вечер прошел легко: Алексей Николаевич поддерживал разговор, обходя неловкие темы. Виктория Павловна попыталась его задирать.

– Что вам наговорили про меня эти два мужлана? – спросила она.

– Губернатор с полицмейстером?

– Кто же еще?

– Они вас хвалили.

– Не может быть. Я им как кость в горле. Любимых шашлычников подтягиваю, не даю распускаться.

– Нет, правда хвалили, – обиделся за тифлисцев Алексей Николаевич. – Единственное, что могло бы вас задеть, – это их слова про пунктик.

– Какой еще пунктик? – заволновались жевешки.

– По словам губернатора, у Виктории Павловны имеется один тонкий момент. Она считает: к ней относятся недостаточно серьезно потому лишь, что она дама. Вот госпожа доктор и доказывает всем... А шашлычники через то страдают.

– Действительно, Вика, у тебя есть такое! – оживилась Мария Ивановна. И обратилась к Лыкову: – У меня тоже было, пока я не вышла замуж. Надо Вике перестать дичиться и...

За столом повисла неловкая пауза. Коллежский советник отметил про

себя бестактность хозяйки, но быстро нашелся:

– Персидский лимонад тогда вернется?

Эта незамысловатая шутка помогла сгладить момент. Но через пять минут гостя стала собираться домой. Лыков вызвался ее проводить, однако Виктория Павловна отказалась наотрез. В результате Скиба тоже сел в фаэтон и отвез обоих самолично. По пути в гостиницу, когда они остались вдвоем, Алексей Николаевич сказал приятелю:

– Я приехал с деликатным поручением. Особенности местных не знаю, людей тоже. А тут у вас сложный клубок. Могу обращаться за советом?

– Да, конечно. Рад буду помочь. А что у вас за поручение?

Лыков поколебался секунду: не рассказать ли отставному сыщику про «большую постирочную». Но передумал.

– Надо поймать одну опасную шайку. Там замешан офицер. Князь Голицын санкцию на арест дал, но оттого лишь, что тот армянин.

– Армянин? Это плохо.

– Поясните.

– Армяне правят в Тифлисе. Вам придется трудно.

– Да, но главноначальствующий их ненавидит. Непонятно, правда, почему.

– Ну и что? Армяне держат всю промышленность, всю торговлю, все банковские конторы. И не только в столице края, но и на целом Кавказе.

– Это после изменения городского положения они так усилились? По словам Фрезе.

– Тут много причин, – возразил Скиба. – Сейчас назревает большая распря между армянами и татарами. Боюсь, прольется много крови. Армяне перегибают палку, пользуясь своими преимуществами. А татары, вместо того чтобы вести с ними конкурентную борьбу, копят обиды и точат кинжалы.

– Максим Вячеславович, поэтому я и хотел просить вас помочь. Тут сильно завязаны национальные вопросы. И религиозные. Если не знаешь деталей, легко запутаться. А вы наблюдательный человек, можете быть объективным. Поможете?

– Чем сумею. Поверьте, Алексей Николаевич, мы тут сидим на пороховой бочке. Скоро так рванет!

– Боюсь, скоро по всей России рванет.

Они подъехали к гостинице, надо было прощаться. Лыков условился, что на днях зайдет к Скибе для подробного разговора. Максим Вячеславович укатил, а питерец отправился в ресторан ужинать. Мария

Ивановна – хорошая женщина, но готовить совершенно не умеет...

Засыпая, Алексей Николаевич вспомнил о докторше с двойной фамилией. Забавная дамочка, и на личико ничего. Приударить или как? В последнее время Варвара Александровна часто болела и неохотно говорила о своем здоровье. И сыщик опять начал коситься на сторону.

Он заснул, так и не разрешив этот важный вопрос.

Глава 5

Первая жертва

Утром, бреясь, Лыков заметил, что его нательный крест потемнел. Не сразу он сообразил, что эта патина выступила после посещения им серных бань. Пришлось отчищать золото зубным порошком.

Из-за этого коллежский советник прибыл в полицейское управление с опозданием. Двухэтажный дом красного кирпича с характерным тифлисским балконом стоял на углу Слепцовой и Анастасьевской улиц. Ковалев уже уехал, питерца встретил его помощник. Коллежский асессор Шмыткин по виду был из казаков: борода пегая, взгляд хитрый. Ну, в полиции бесхитростным делать нечего... Шмыткин вызвал поручика Абазадзе.

Явился молодой стройный офицер с Владимирским крестом на груди. Крест был с мечами. Командированный спросил:

– Как вам удалось получить такую награду? Война с Японией едва началась. Или за поход в Китай?

– Это за другое, – охотно пояснил поручик. Он говорил по-русски почти без акцента, что редкость в Грузии. – Я еще в полку служил, в Сто сорок пятом Новочеркасском императора Александра Третьего. Под столицей, в Медвежьем стане есть пороховой погреб номер одиннадцать Петербургского окружного склада огнестрельных припасов...

– Знаю его, – кивнул сыщик. – Двадцать тысяч пудов пороха там хранят.

– Вот эти двадцать тысяч пудов едва не взлетели на воздух! Загорелся лес поблизости, пламя подступило к складу. Наша рота стояла на карауле, я был помощником начальника.

– Неужели спасли склад от взрыва?

– Все удрали, кто был поблизости. А караульный начальник... ну, не было его, одним словом. Пришлось мне вести роту на борьбу с огнем. Чуть-чуть мы там не подорвались. Но спасли порох, и свои жизни заодно. Государю было угодно наградить меня.

Алексей Николаевич представил себе, как это выглядело. Пламя надвигается на склад, вот-вот все взорвется к чертям. Старшие офицеры драпанули. А этот парень не побежал. Собрал роту и бросился в огонь. Молодец.

Коллежский советник описал поручику их задачу: надо арестовать штабс-капитана Кавказского стрелкового артиллерийского дивизиона, что стоит в Гомборах; сделать обыск в его квартире; и доставить его в Тифлис в штаб округа. Все просто, обычная полицейская рутина.

Задача Абазадзе не понравилась. Понятно, что арест товарища-офицера не мог прийти ему по душе. Но Лыков сразу рассказал о подозрениях в отношении Багдасарова и о том, что предстоит быть предельно вежливыми и не унижать подозреваемого. Они сели в фаэтон и отправились в путь.

Когда выехали из города, Алексей Николаевич спросил:

– Арчил Константинович, а почему вы ушли из полка?

– По семейным обстоятельствам. Матушка заболела, а сестра уехала с мужем в Уссурийский край, – объяснил поручик. – Я холостой, мне проще.

Помолчал и добавил с грустью:

– Матушка умерла два месяца назад. Не выходили ее доктора.

– Сочувствую вам. А почему не вернулись в полк?

– Здесь оказалось интересно, – рассмеялся загрустивший было парень. – А потом, я вроде как пошел по стопам отца. Он у меня был хевистав. Знаете, кто это?

– Да, – кивнул питерец. – В Кутаисской губернии так называют деревенских сыщиков, которых нанимает сельское общество бороться с ворами.

– Точно. Отец хорошо ловил эту сволочь. Смелый был, никого не боялся. Его застрелили – подло, в спину.

– Значит, вы круглый сирота?

– Увы, Алексей Николаевич. Но грустить некогда. У нас тут идет война, самая настоящая.

– С кем? – удивился коллежский советник.

– С абреками. Их что-то много развелось, приходится убавлять. Вот три недели назад я схватился с бандой Тухо, главного закатальского головореза. Их шестеро было, а нас трое. Едва справились.

– Но одолели, судя по всему? – улыбнулся сыщик.

– Тухо в пропасть улетел. Мы с ним на кинжалах бились. Двоих еще прикончили, остальные сдались. А у нас один убит, и мне плечо продырявили. Но быстро зажило.

Питерец был поражен. На Кавказе храбростью никого не удивишь. Лыков сам был человек бывалый и не робкого десятка. Но этот молодой офицер говорил о своих подвигах как о чем-то обыденном. Гвардейский трынчик распустил бы хвост, но Арчил искренне полагал, что не сделал

ничего выдающегося.

– Полицмейстер рассказал, что вы и вчера кого-то задерживали, – припомнил сыщик. – Гратиашвили его фамилия.

Парень усмехнулся:

– Ну не то чтобы задерживал... Крови на нем много. Пришибить его да, хотел. Мамдзагли!^[16] Жаль, не получилось. Сбежал Пидо, успел в последний момент. Как будто его кто-то предупредил.

Они некоторое время ехали в безмолвии, глядя по сторонам. Но поручик, видимо, не мог долго молчать:

– Вот третьего дня объявился в Сигнахском уезде брат Тухо, тоже абрек. Зовут Динда-Пето. Он хоть и младший, а сволочь похлеще старшего. Заправлял в Бакинской губернии, попался, бежал из тюрьмы. Скрывался два года в Персии, где тоже отличился в дурном смысле. И вот приехал, чтобы найти меня.

– Найти вас?

– Да. Мы с ним теперь кровники, он поклялся отомстить.

– Откуда вы знаете?

– В горах такие вести расходятся быстро, – ответил Абазадзе.

– И... вы не боитесь?

– Нет. Грузину не пристало трусить. Вот схватимся, тогда и поймем, кто чего стоит. Если Динда так хорош, как о нем говорят, то будет интересно. С храбрецом биться – большая честь!

– Зная абреков, легко предположить, что он постарается подстрелить вас из-за угла, украдкой, как убили вашего батюшку, – возразил сыщик. – А не в открытом бою.

– Может быть и такое, – согласился поручик. – Что ж, кисмет! Это значит: от судьбы не уйдешь. А бояться – недостойно мужчины.

Он ехал, беззаботно улыбаясь, и говорил, не выбирая слов. Было видно, что человек не рисуется. Лыков знал немало храбрецов, но этот был особенный. В бой хорошо с ним идти, надежно, подумал сыщик.

Фаэтон между тем катил и катил. Гомборы находятся на Кахетинском шоссе, соединяющем Тифлис с Телави. Движение было бойкое: в оба конца ползли арбы с грузами, военные фуры, частные дрожки и линейки с дачниками. Урочище славилось хорошим климатом, и тифлисцы уже начали, не дожидаясь жары, перебираться за город. Дорога шла вдоль живописного русла Иоры. Полицейские проехали Мухровань. Слева тянулись бесконечные леса, над ними возвышалась коническая вершина Вераны. Скоро перевал, а оттуда до селения рукой подать, сообщил Абазадзе. Он снял фуражку, взъерошил волосы и напевал тихонько: «Как

увидю балкон белый, сердце бьется еле-еле...»

Вдруг поручик осекся на полуслове. Лыков удивленно оглянулся на него: лицо парня сделалось белее мела.

– Что с вами?

– Вы, Алексей Николаевич, главное, ничего не делайте, просто стойте.

– Да что случилось?

– Может, тогда они вас не убьют.

Когда до коллежского советника дошел смысл последних слов, он лихорадочно полез в карман. Но вынуть револьвер не успел: Абазадзе схватил его за руку и не отпускал.

– Прошу вас, не надо! Постарайтесь спасти хотя бы себя.

Алексей Николаевич легко мог вырвать руку, но не сделал этого. В тот момент он сам не понял почему. Осознал лишь потом. Но тогда замешкался, а когда повернул голову, коляску уже окружили конники. Девять человек взяли полицейских в кольцо и навели на них винтовки.

Вперед выехал туземец с крашеной бородой, весь обвешанный оружием.

– Ну, собака, узнал меня? Узнал свою смерть?

– Да, я тебя узнал, Динда-Пето.

Поручик встал в фаэтоне во весь рост. Голос его не дрогнул; он смотрел на абрека с вызовом.

Несколько разбойников полезли в экипаж, грубо обыскали седоков. У Лыкова забрали револьвер, часы, бумажник и полицейский билет. Спротивляться было бесполезно.

– Кто это с тобой? Тоже полицейский?

– Он ни при чем в нашей распре, отпусти его.

Абрек взъярился:

– Ты еще будешь мне указывать?! Ты, мертвец!

Ему подали документы сыщика, и он прочитал вслух по слогам:

– Де-пар-та-мент по-ли-ции. Шайтан, я так и подумал.

Коллежский советник лихорадочно соображал. Дело плохо: они окружены и обезоружены, бандиты держат их на прицеле. Дорога, только что оживленная, вдруг опустела. Повозки, завидев издалика, что делается, разворачивались и улепетывали. Помощи ждать было неоткуда.

Тут Абазадзе заговорил, так же спокойно, без дрожи в голосе:

– Динда-Пето, если ты мужчина, то дерись, как мужчина. Я убил твоего брата в честном бою. Верни мне шашку, и мы сразимся. Пусть твои товарищи рассудят наш поединок.

Разбойники одобрительно загудели: храбрая речь поручика

понравилась им. Но главарь без предупреждения нажал на курок. Раздался выстрел, пуля угодила Абазадзе прямо в сердце. Он свалился из фазтона на дорогу. Ахнув, сыщик бросился ему на помощь. Посадил, прислонил к колесу. Кровь хлестала из раны фонтаном, заливая мундир и шаровары. Посмотрев питерцу в глаза, умирающий успел сказать:

– Только ничего не делайте... себя спасайте...

В глазах у Лыкова потемнело. Он распрямился над мертвым, сжал кулаки. Кочи^[17] смотрел на него с седла, играясь дымящимся маузером.

– Что, хочешь за ним следом? Гляди у меня. Кто такой, зачем ехал?

Скулы у сыщика свело, ноги едва держали. Кажись, отбегался... Кто же оставит свидетеля убийства полицейского в живых? Но вдруг Динда-Пето сказал:

– Передай там, что это сделал я. Казнил кровника, как обещал. Передашь?

Сыщик кивнул, не в силах вымолвить хоть слово.

– Язык проглотил, нечистое животное?

– Пе... передам.

– Еще раз попадешься – шкуру спущу!

Абрек скомандовал что-то по-татарски, и его люди сбились в отряд. Мигом распрягли полицейских лошадей, оседлали их, а своих сповоженных взяли за уздечки. Сыщик смотрел на них и ждал выстрела в упор. Между тем Динда-Пето гикнул, после чего шайка скрылась в ближайшем лесу. Все произошло в считанные секунды. Только что Лыков стоял под дулами винтовок и молился – и вот уже никого нет. Лежит мертвый поручик, причитает перепуганный кучер, высоко в небе поют птицы. Жизнь продолжается. И он, Лыков, тоже живой, ни царапины на нем. Вот только как теперь объяснить людям, почему он цел и невредим, а его спутник умер? И питерец ничего не сделал, чтобы помочь товарищу.

Потом сознание сыщика отключилось. Напряжения последних минут, когда жизнь висела на волоске и зависела от каприза дикого горца, нельзя было дальше переносить. Лыков опустил на землю и, словно во сне, затянул старую солдатскую песню:

– По фронту наш полковник
Отважный проскакал.
«Ребята, не робейте», —
Он ласково сказал.
Кавказские вершины,
Увижу ли вас вновь?

Вы, горные долины,
Кладбища удальцов.

Сколько он так бубнил, Лыков не знал. Но потом сознание вернулось. И он увидел себя сидящим на пыльной дороге: он пялился на конус Вераны и пел... Вокруг стояли люди, много людей, и смотрели на него. Крестьяне в синих чухах^[18], какие-то разряженные господа, солдатик с артиллерийскими погонами... В душе Лыкова вспыхнула надежда: а вдруг ему померещилось, вдруг это просто затмение? Однако стоило ему повернуть голову, как он увидел у своих ног труп поручика Абазадзе. Кровь уже застыла, лицо, недавно такое красивое и мужественное, потемнело.

Дальше началось трудное возвращение в Тифлис. Экипаж привязали к арбе, погрузили в него тело офицера. Рядом сел коллежский советник; возница перебрался к крестьянам. И скорбный поезд тронулся. Они едва плелись и оказались возле полицейского управления только под вечер. Но там уже знали про нападение. Губернатор Свечин и помощник полицмейстера Шмыткин выбежали к подъезду, на руках внесли убитого в общую комнату и положили на диван. Явились все свободные от дежурства и окружили покойного. Было тихо, никто не мог вымолвить ни слова... Потом Свечин подошел к питейцу, неожиданно обнял его и с чувством сказал:

– Слава богу, хоть вы живы! Абрек оставил вас, чтобы передать сообщение?

– Да. Не думал...

– С жизнью уже простились?

– Именно так.

– Вы, Алексей Николаевич, не интересовали Динда-Пето. Он мстил кровнику, а вы лицо постороннее. Мог убить за то, что полицейский, но решил использовать как почтальона. Да... Вот так мы здесь и служим.

Лыков крепко взял полковника за руку и сказал, глядя в упор:

– Иван Николаевич. Я ведь даже не попытался сопротивляться. Пальцем о палец не ударил, не заступился за мальчишку. Как так? Георгиевский кавалер...

– Но...

– Хотел достать наган, так Абазадзе схватил меня за руку и держал.

– Вот! – обрадовался Свечин. – Что вы могли поделать?

– И мог, и должен был! – ожесточенно выкрикнул сыщик, не обращая уже внимания на то, что подумают окружающие. – Сражаться – вот что я

должен был делать! Но тогда лежал бы сейчас рядом с поручиком. И это, понимаете, это меня остановило. Я испугался за свою жизнь. И позволил убить мальчишку безнаказанно.

– Ваше геройство ничего бы не изменило, только погубило бы еще и вас.

– Хоть умер бы с честью.

– И что потом? Мертвый есть мертвый. Нет, живите. Помните об Арчиле, однако живите. Богу виднее, сколько отмерено вам на этом свете. Пока живой, вы можете сделать немало хорошего. Вот и делайте. А мусолить свою слабость... Думаете, я не трусил? Да нет такого человека, который никогда бы не отступал.

– Абазадзе держался храбро.

– Он вовсе не мальчишка, а офицер. Сознательно сделал выбор.

– Он-то сделал, а я?

Свечин осторожно высвободил руку и ответил:

– А вы теперь живите с этим. Понимаю, трудно. Но куда деваться? И поверьте, все мы рады, что хоть вы уцелели. Никто вас не осудит, разве какой дурак. Никто!

– Он, умирая, сказал то же самое, – вспомнил Лыков. – «Себя спасайте».

Тут сыщик сообразил, что это звучит как оправдание, и смутился. Но Свечин сам взял его за плечо, тряхнул и произнес:

– Видите, Арчил думал так же. Подвиг тоже должен знать время и место. Бессмысленная смерть – это не храбрость, а глупость.

Алексей Николаевич понимал, что его уговаривают, но все равно стало чуть легче. И тут пришло решение, определившее дальнейшие поступки сыщика.

– Господа, мне надо с вами поговорить!

Свечин и Шмыткин послушно двинулись за ним. В кабинете полицмейстера Лыков обратился к его помощнику:

– Мне нужны винтовка с патронами и лошадь.

– Кузьма Степанович, не вздумай! – тут же вскинулся губернатор.

– А и не вздумаю, я себе не враг, – ответил Шмыткин. – Командированного убьют, а грех на мне будет.

– Господа, вы не поняли. Я все равно это сделаю. С вами или без вас.

– Возьмите казаков, тогда я помогу, – предложил Иван Николаевич.

– Чтобы поставить на кон и их жизни? Нет, увольте.

– Алексей Николаевич, прошу вас взять себя в руки, – рассудительно начал коллежский асессор. – Ну, случилось так. С кем не бывает? Месть,

что вы задумали, добром не кончится. Застрелят и вас, без всякой пользы. Что вы сделаете? Динда-Пето в горах как у себя дома. Полиция и конная стража столько времени уже не могут его поймать. Тут вдруг полковник из Петербурга приехал и поймал... Разве так бывает?

– Я бывший пластун, турецких языков взял без счету.

– Это когда было? Двадцать пять лет назад?

Лыков повернулся к губернатору:

– А вы? Тоже не захотите меня понять?

Тот машинально сел, озираясь. Нашел возле себя пепельницу, вынул пачку папирос и закурил. На это у полковника ушло минуты две. Потом он сказал:

– Поехали к Чачибая.

Свечин и Лыков отправились на угол Ермоловской и Конюшенной, в казарму конвоя главноначальствующего. Там в богато обставленной служебной квартире они нашли ротмистра.

Тот, как оказалось, тоже знал о происшествии на шоссе. Он обхватил питерца длинными сильными руками, словно они были давние товарищи, и сказал с сильным акцентом:

– Хорошо, хоть ты остался живой!

Сговорились они, что ли, подумал с раздражением сыщик. Ему казалось, что тифлиscopy над ним издеваются. Но начальник конвоя выглядел искренне взволнованным. С кавказской непосредственностью он перешел с коллежским советником на «ты»:

– Мы, когда услышали, испугались за тебя. Арчил грузин, он знал, что делает, когда резал брата того абрека. А ты? Приехал по службе, обычаев не знаешь. Прости, что говорю... как это по-вашему? Фамильярно? Но у нас на Кавказе так.

– Арзакан Георгиевич, Лыков просит винтовку, – обратился к ротмистру губернатор.

Тот без раздумий кивнул:

– Дадим. Я понимаю, он решил мстить. Все дадим, вай, нельзя отказывать джигиту в таком деле!

– Винтовку, пятьдесят патронов, коня, – начал загибать пальцы сыщик. – Еще горскую одежду, самую простую, ношеную. Я заплачу.

– Зачем сказал «заплачу»? – рассердился Чачибая. – Все так получишь, ни абаса не возьмем.

– Еще мне нужны сведения, где скрывается Динда-Пето.

– Это не ко мне, – развел руками ротмистр.

– Трембель все знает, пусть скажет, – встрял полковник.

– А если он не захочет? – расстроился питерец.

– Я попрошу – сразу захочет, – уверенно заявил начальник конвоя. – Эту душонку беру на себя. – И тут же, без перехода, обратился к Лыкову: – Только возьми моих джигитов. Шестерых могу дать, больше не могу.

– Он собирается один, – пояснил Свечин.

Эмоциональный ротмистр накинулся на питерца:

– Вай, зачем один? Что ты там сделаешь один? Гор не знаешь, обычаев не знаешь.

– Арзакан, я скажу, а ты прими, – оборвал его Лыков. – Во-первых, спасибо за помощь. Никогда не забуду. А во-вторых, я пойду один. И это не обсуждается.

– Но почему, слушай?

– Хватит смерти Арчила Константиновича. Не стану я рисковать жизнями других людей.

– Но они на службе, им полагается рисковать.

– Тут личные счеты. Если хочешь – моя амбиция. Почему кто-то должен из-за нее подставлять голову?

Чачибая подумал и ответил:

– Это я могу понять. Но один! Бесполезно и глупо. Сколько у абрека людей?

– Там было восемь, он девятый.

– Ты же не сможешь перебить их всех в одиночку!

– Начну с кочи, а там посмотрим. Они еще не поняли, с кем связались. Чачибая со Свечиным переглянулись и одинаково покачали головами.

– Ай, плохо... Что мы скажем Плеве, когда ты пропадешь в горах?

– Вячеслав Константинович меня знает, он поймет. Если вы боитесь взыскания, то напрасно.

– Мы не взыскания боимся, Алексей Николаевич, – возразил губернатор. – Что оно, когда речь идет о жизни и смерти?.. Нам с Арзаканом Георгиевичем совестно отпускать вас одного. Извините, на верную гибель!

– Шайку ловят уже давно, – напомнил Лыков. – И без толку. Приду я с казаками или конвойными джигитами. Как поступит Динда-Пето? Опять укроется в Персии.

– Скорее всего.

– То-то и оно. А один я шуму не наделаю, пролезу незаметно. Что-то да разузнаю. Логово вычислю. Тогда сразу приду к вам за помощью.

Последний аргумент убедил тифлисцев. Сыщик простился с полковником Свечиным и пошел в арсенал. Но на пороге остановился:

– Иван Николаевич, совсем забыл. А что Багдасаров?

– Куда он денется! – отмахнулся полковник. – Я телеграфировал начальнику дивизиона. За штабс-капитаном присмотрят. Возьмем его сами, не тратьте на это время.

В арсенале конвоя питерец выбрал себе винчестер с магазином на семнадцать патронов – излюбленное оружие, хорошо ему знакомое. Еще взял простой, но надежный кинжал и наган-самовзвод. Позаимствовал также патроны и молодую кобылу по кличке Лала. Горский костюм Лыков решил купить утром на Армянском базаре.

Спал он плохо: снился поручик Абазадзе, который просил его беречь себя. Едва встал с больной головой, как в дверь постучали. Вошел Скиба.

– Алексей Николаевич! Я узнал, что вчера случилось. Как вы?

– Хуже некуда, Максим Вячеславович. Стыдно...

– За что стыдно? За то, что живы остались?

– Конечно. Застрелили парня на моих глазах, а я стоял по стойке «смирно» и помалкивал.

– А кому было бы лучше, если бы убили еще и вас?

– Пустые слова, Максим Вячеславович. Вы же понимаете мои чувства.

Скиба осекся. Подумал, наверное: а что чувствовал бы я на его месте?

– Хорошо, не будем об этом. Хочу вот что предложить: переселяйтесь ко мне. Комната свободная есть. Маша будет о вас заботиться. Семейный уют и все такое.

– Спасибо, но я завтра уезжаю.

– Куда? В Петербург?

– Нет, по делам в уезд. Когда вернусь, навещу.

Они спустились в ресторан, выпили чаю. Скиба пытался отвлечь питерца от дурных мыслей, но это плохо ему удавалось. Лыков уже планировал свою, как он ее назвал про себя, карательную экспедицию. При этом думал: действительно ли он готов мстить? Вот так, любой ценой, невзирая на опасность? Притом за смерть поручика, с которым едва успел познакомиться. А что будет с Варенькой, если его убьют в горах? Принцесса Шурочка укатила в Париж и сейчас в положении; в конце лета должна родить. Сыщик может так и не узнать, кто у него появился, внук или внучка. Один в горах – это почти верная гибель. И все ради амбиции? Но он вчера столько накудахтал, что сейчас сдавать назад было уже поздно. Особенно неловко становилось за фразу «они еще не поняли, с кем связались».

Скиба ушел. Алексей Николаевич простился с ним рассеянно: он размышлял. Краснобай! Когда убивали поручика, стоял и смотрел. Мог же

вырвать руку с наганом. Мог. Три-четыре секунды у него было, и за них сейчас особенно стыдно. Когда понял, что на дороге засада, и полез за револьвером, а парень перехватил и держал – вот тот самый роковой момент. Он, Лыков, георгиевский кавалер и бывалый человек, струсил. Понял, что если вырвет руку, тогда придется стрелять и умереть вместе с Абазадзе. И упустил эти секунды, сознательно дождался, когда уже будет поздно. Сделал вид, что не сообразил... Нет, так дальше не пойдет. Надо смыть позор. Стыдно перед тифлисцами, но еще больше перед самим собой. Значит, надо идти в горы. И пусть он так и не узнает, кто у него родился, но хоть умрет с честью. Если же сейчас отступит, проглотит унижение, то как потом жить?

Разобравшись в своих чувствах, Алексей Николаевич успокоился. Решение принято, и оно правильное. Он начал действовать. Пересек Эриванскую площадь и оказался на Армянском базаре.

Если Татарский Майдан после обеда пустеет, то Армянский базар шумит с утра до вечера. Здесь можно купить все. На пяти улицах есть любые предметы, которые могут потребоваться человеку, – от золотых изделий до подштанников. Лавки представляют собой три стены, открытые наружу. На столах или прямо на земле разложены товары. В бакалах^[19] предлагают раннюю черешню и сушеные фрукты, в пурнях^[20] – лепешки и лаваш; на синей бумаге красуются горки табака; рядом хурда-мурда^[21], где вперемешку с жалким барахлом попадают настоящие древности. Шампанское из Цинандали продается бочками! Серебряники выставляют украшения с прекрасной бирюзой так называемого «старого завоза» – ее почти не осталось, и предметы стоят дорого. По соседству бахмачи^[22] шьют сапоги прямо по ноге заказчика. Портные на швейных машинках строят платье на туземный вкус. Женщин на рынке почти нет, только иногда пройдет грузинка под вуалью. Поэтому заказчики без смущения раздеваются прямо на улице и примеряют обновки. Тут же торгуются посуда с русских фабрик, контрабандные специи, мануфактура и – из-под полы – боеприпасы. За полтысячи можно купить и винтовку. Толкотня невероятная, и такое же дикое смешение рас. Рыхлый армянин, татарин с красной бородой^[23], стройный перетянутый грузин и перс в аршинной смушковой шапке – все кричат и спорят о цене, отчаянно жестикулируя. То и дело слышны крики «хабарда!»^[24]. Муша – переносчик тяжестей – тащит на спине огромный тюк, а следом семенит покупатель. Жуликоватый кинто с подносом на голове предлагает рыбу и яйца. Его теснит на своей бочке тулухчи^[25]. Настоящий Восток...

Коллежский советник приобрел полный набор горской одежды: черкеску, бешмет, суконные шаровары, наборный пояс, мягкие ноговицы, вязанные чулки, башлык и бурку. Еще взял походное снаряжение: переметные сумы, котелок, чехол для винтовки, чай, сахар, консервы, спички, галеты. Нанял мушу и велел отнести все это в гостиницу. Пора было идти на совещание к Трембелю.

В приемной сыщика ждал полицмейстер Ковалев. Он, как и остальные вчера, первым делом заявил:

– Слава богу, что вы уцелели!

– Будет вам, Георгий Самойлович, – не сдержался питерец. – Что я за ценность такая?!

– Ну как же... – растерялся Ковалев.

Тут распахнулась дверь кабинета, и вышел Трембель.

– Хоть вы живы, Алексей Николаевич, – бухнул он с порога. – Очень рад! Плеве за вас голову бы мне отвернул.

– Позвольте перейти к сути дела? – тактично спросил сыщик.

– Да-да, конечно. Заходите.

Чиновники расселись, и статский советник тут же сообщил новость:

– Только что пришла телеграмма из Гомбор. Штабс-капитан Багдасаров убит.

– Убит?! – опешил Лыков. – Как, кем?

– У себя дома, в собственной постели. Вместе с женой и трехлетним сыном.

– Звери какие... – пробормотал полицмейстер. – Не пожалели малютку. Но чьих рук дело? Удалось установить?

– Пропал денщик штабс-капитана рядовой Плотников. А также ценности и деньги. Замок не взломан.

– Он один орудовал? – не поверил Ковалев. – Что дал осмотр места происшествия?

– В Гомборах только полицейский урядник, не очень опытный. Он сообщил, что улики никаких. Подозревает Плотникова. Денщика ищут, пока не нашли.

– А не может быть так, что заматают следы? – подал мысль Алексей Николаевич. – Я выехал его арестовывать, агенты «большой постирочной» каким-то образом узнали об этом и убрали Багдасарова.

Трембель строго посмотрел на сыщика поверх очков:

– Каким-то образом узнали?.. Вы на что намекаете – что у нас тут измена?

– Да по-другому было, – категорично заявил полицмейстер. – Мы же

сообщались с командованием дивизиона? Вот оттуда и утекло. Лейба-телеграфисты^[26] выдали, они за деньги мать-отца продадут.

– А ведь точно... – пораженный догадкой, вице-директор ударил кулаком по столу.

– Либо Плотникова подкупили, – подхватил сыщик. – Либо он тут вообще ни при чем.

– То есть? – не понял полицмейстер.

– Семью Багдасарова вырезали агенты «постирочной», а свалили на денщика. Прикончили беднягу, труп спрятали в горах. Инсценировали ограбление.

– Допускаю и такое, – скривился Карл Федорович. – Но о чем это говорит? О том, Алексей Николаевич, что ваша единственная ниточка оборвана. Как теперь искать то преступное сообщество, кое вы именуете «большой постирочной»?

– Теперь никак, – опять же категорично изрек Ковалев.

Питерец молчал. Да и что тут скажешь? Ниточка и впрямь была одна. У мертвого не спросишь.

– Что думаете делать, Алексей Николаевич? – сочувственно спросил Трембель. – Может, вам вернуться в Петербург? Мы возьмем эту историю на особый контроль. Чуть что узнаем – сразу сообщим. Агентуру мобилизуем, всю полицию на местах. Рано или поздно они попадутся.

– Сначала я отыщу Динда-Пето, – ответил Лыков. – А там будем решать.

Трембель нахмурился. Он буквально сверлил питерца взглядом.

– Я слышал о вашем намерении и отношусь к нему крайне отрицательно. Вынужден телеграфировать вашему начальству. Поймите, если с вами что-то случится, мы тут все ответим. Погоны полетят! А губернатор с начальником конвоя вчера позволили себе лишнее. Прошу вас передумать и не создавать нам дополнительных проблем. И без того голова кругом идет.

– Никакие погоны никуда не полетят, Карл Федорович, – отрезал сыщик. – Вы ни в коей мере не отвечаете за мою безопасность. Мне поручено министром вести дознание. Вот я и буду его вести – так, как считаю нужным.

– Не понял, – вскинулся начальник особого отдела. – Какая связь между убийством поручика Абазадзе, бандитом Динда-Пето и вашим дознанием? Вы что, думаете, это звенья одной цепи?

– Нет, я так не думаю, – терпеливо ответил Лыков. – Там, на дороге, абрек поджидал именно поручика. Обо мне он ничего не знал, пока не

прочитал полицейский билет. Видимо, те же лейба-телеграфисты выдали несчастного Абазадзе. И вы правы, я готовлю вульгарную месть. Но это мое право, Карл Федорович. Мое! Вы там не стояли под дулами винтовок, и на вас не лежит вина за смерть молодого человека.

– И на вас не лежит! Что вы тогда могли сделать?! – в один голос вскричали тифлисцы.

– Мог, но не сделал, – твердо ответил сыщик. – Но сделаю теперь. Дайте мне все, что у вас есть на Динда-Пето. Где его искать? Имеются у негодея сообщники или укрыватели?

Статский советник, неодобрительно качая головой, полез в стол. Достал папку, извлек из нее единственный листок.

– Ничего у меня нет, Алексей Николаевич. Почти ничего. Динда-Пето... Настоящее имя – Елизбар Чолоков. Уроженец селения Белоканы Закатальского округа.

– Так он джарский лезгин? – вскричал Лыков.

– Именно.

Джарские лезгины, населявшие Закатальский округ, имели на Кавказе самую дурную репутацию.

– Так, с корнями ясно, – констатировал Лыков. – Но где Динда-Пето может находиться сейчас? Есть сведения?

– Есть, – неожиданно обрадовал его статский советник. – По агентурным данным, абрек укрывается в селении Бочорма Тионетского уезда. А именно в доме крестьянина Фолат Гаджи Солтан-оглы, известного притонодержателя и местного разбойника.

– Почему же власти допускают Фолата жить спокойно у себя дома, если он известный разбойник?

– А у нас в горах каждый второй – разбойник. Прикажете всех переарестовать?

– Ну хоть самых наглых.

– Тюрем не хватит, и полиции тоже, – желчно парировал Трембель.

– Хорошо, я понял. Поеду и проверю, правду ли сообщил ваш агент. Спасибо за наводку.

На этом совещание закончилось. Лыков ушел, а полицмейстер остался. Когда Ковалев явился к себе в управление, оказалось, что питерец там его дожидается.

– Что-то еще, Алексей Николаевич?

– Так, пара вопросов, Георгий Самойлович. Скажите, что от вас потребовал Карл Федорович?

Полицмейстер смутился:

– Хм... Он просил держать в секрете.

– Трембель хотел, чтобы вы за мной проследили. Так?

– Так.

– Не надо этого делать, Георгий Самойлович. И не получится у вас, и вообще ни к чему.

– Но как же я не исполню приказ начальства?

– Скажете, что упустили из виду. Горы, то да се... Лучше покажите мне сейчас по карте, как добраться до этой Бочормы.

Два коллежских советника попросили чаю и сели за подробную карту губернии. В Грузии, как и в любой горной стране, мало дорог. Вот и в Тионети вел единственный тракт от Кахетинского шоссе. Других вариантов попасть туда не было.

– Ну, пожелайте мне удачи, – сказал на прощание Лыков. – Я сегодня съезжаю из гостиницы и ночую на квартире у Скибы. Это мой приятель, вместе служили в Петербурге.

– Я знаю.

– Завтра утром выступаю в Тионети. Не поминайте лихом, ежели что.

– С богом!

Полицмейстер крепко пожал сыщику руку. Видно было, что он мало верит в успех карательной экспедиции, но боится высказывать свои мысли вслух.

Ближе к вечеру Лыков переехал на Третью Водосточную улицу, вместе с кобылой. Лалу поставили во дворе, там нашлось пустое стойло. Алексей Николаевич посекретничал с хозяином квартиры. И когда стемнело, Максим Вячеславович вышел прогуляться – один, без гостя. Обогнул дом и быстро вернулся.

– Ну что? – налетел на него питерец.

– Один стоит на углу с Террасным переулком. Второй караулит на Крайнем подъеме.

– Значит, обходным маневром можно?

– Вроде бы да.

– Ну, Пресвятая Богородица, выручай!

Коллежский советник, одетый в горский костюм, спустился по черной лестнице во двор. Нагрузил на кобылу переметные сумы, вскочил в седло. Скиба тихо открыл заднюю калитку и вывел всадника в переулок. Там было темно и пусто. Стараясь не шуметь, Лыков двинулся в ночь. Он объехал своих караульчиков и долго пробирался на Бебутовскую улицу. Потом спустился по ней к Татарскому Майдану, безлюдному в это время. Справа над ним нависали скалы Сололаки, на фоне неба едва угадывались башни

Нари-калы. Улицы ночного Тифлиса были плохо освещены, но сейчас это играло на руку сыщику.

Он не решился пересечь Куру по Метехскому мосту – слишком людное место. Спустился ниже, к Мнацакановскому, и уже по нему попал на левый берег. Собачья деревня встретила одинокого всадника такой темнотой, что хоть глаз выколи. Сообразно названию, из-за каждого забора доносился залиvistый лай. Лыков пришпорил кобылу. Несколько раз он сбивался с пути, плутая по темным проулкам. Спросить дорогу было не у кого, а те, кто попадался, смахивали на бандитов. Свистки паровозов подсказали направление, и в конце концов сыщик увидел справа казармы Драгунского Нижегородского полка. Здесь они проезжали тогда с Абазадзе... Отсюда лежал прямой путь через Гомборы в Кахетию.

На выезде из города, миновав казачью заставу, Алексей Николаевич оглянулся. Позади переливался огнями Тифлис. Впереди были темнота и возможная гибель. Лыков вынул винтовку из чехла и повесил за спину. Потом сжал шенкеля:

– Вперед, Лала!

Глава 6

В горах

Лошадь шла по шоссе ровной рысью. Сыщик был настороже. Темно и неуютно, зато никого вокруг. Сейчас бы сюда Калину Голунова, друга и наставника. Вот кто видел в ночи, как кошка... Но Калину давно зарыли в сахалинскую землю^[27]. Подошел бы барон Таубе, другой никталоп^[28]. Но он в Маньчжурии, воюет с японцами. Придется справляться самому.

Лыков не зря заметал следы. Он был уверен, что ему не дадут благополучно добраться до Бочормы, где-то окажется засада. От Тифлиса до селения шестьдесят верст. Большая часть пути идет по Кахетинскому шоссе. Позавчера на нем середь бела дня появился абрек Динда-Пето с шайкой из восьми всадников. Дерзость его удивила полицейских. Но второй раз на том же месте – это вряд ли. С Лыковым наверняка поступят иначе. Шоссе дадут проехать, но у селения Сасадило ему придется свернуть налево – там начинается дорога на Тионети. От поворота до старинной крепости Бочорма шесть верст или около того. Вот где устроят ему ловушку.

Идея сыщика состояла в том, чтобы оказаться на дороге раньше разбойников. Обследовать ее и найти место, наиболее подходящее для нападения. Вряд ли таких много. Абрек со своими людьми явится позже. Скорее всего, сейчас в одном с Лыковым направлении, но впереди него скачет другой всадник. Он везет Динда-Пето записку, в которой сообщаются планы питерца. Абрек узнает, что его противник выступит поутру и достигнет поворота на Тионети не раньше десяти часов до полудня. Шайка пойдет по тропе колонной в затылок друг другу. Лыков с винчестером встретит их на полпути – там он и посмотрит, чья возьмет. Первая пуля будет главарю... Тифлисскому начальству сыщик обещал поймать абрека, но сам уже решил, что убьет.

Так он ехал всю ночь, с перерывами, чтобы лошадь отдохнула. Дважды ему попадались какие-то люди: сначала двое, потом четверо. Они были очень подозрительны – явно искали добычу. Лыков передергивал затвор. Двое сочли за лучшее уйти в лес. Четверо начали было окружать одинокого всадника. Лыков не стал тянуть – выстрелом поразил ближайшего. Не убил, только ранил, но это даже лучше. Остальные обступили раненого и, поддерживая под руки, увели в темноту. Нечего налетать на бывшего

пластуна!

Лала держалась молодцом. В утренних сумерках коллежский советник свернул с шоссе на боковую дорогу – она была разработана много хуже, и лошадь сразу сбавила скорость. Да и утомилась уже, бедняжка. Но сыщик был доволен: он проехал Сасадило, никем не замеченный. Теперь осталось так же скрытно определить место засады и затаиться там.

Место он обнаружил почти сразу, в полутора верстах от селения. Дорога шла вдоль Иоры. Справа возвышалась гряда Гомборского хребта. Оттуда тяжело спускаться, туда трудно подниматься. Нападавшие явятся со стороны реки, чтобы можно было быстро уйти в лес. Но для этого нужен брод или мост. И Лыков нашел этот брод. Тропа с правого берега Иоры выходила на левый очень удобно: у стыка дорог густо рос кустарник. Идеальное место для засады.

Питерец спрятал кобылу за двести саженей, в полугоре. А сам сунулся было в кусты у пересечения дорог, но передумал. Пролезть в чащу, не оставив следов, – задача невыполнимая. Он собьет росу с травы, и разбойники могут это заметить. Тогда Лыков спустился в реку и поднялся в кустарник по крутому берегу, не задев росы. Осмотрелся, прилачился – и замер. Патрон в патроннике, кинжал и револьвер под рукой. Он был готов к бою и рассчитывал победить.

Противник появился всего лишь через час. Вовремя сыщик занял позицию! К его удивлению, шайка не пришла, враг был один. Верховой с замотанным лицом осторожно пересек Иору, держа наготове винтовку. Выехал на берег, отвел коня в лес и пролез в кусты. Встал там, где и предполагал Лыков, – у соединения троп. В результате сыщик оказался прямо у него за спиной, всего в десяти шагах. Убийца не замечал питерца. Он пристально всматривался в дорогу, держа ее на прицеле.

Пора! Лыков бесшумно приблизился к горцу, приставил ствол винчестера к его лопаткам и тихо приказал:

– Брось оружие.

Разбойник дернулся от неожиданности. Алексей Николаевич едва не нажал на курок. Но сдержался и добавил:

– Брось! Не то застрелю.

Убийца выпустил винтовку и поднял руки.

– Расстегни пояс с кинжалом.

Горец повиновался.

– Теперь три шага вперед.

Когда обезоруженный разбойник выполнил и этот приказ, Лыков скомандовал:

– Сними башлык и обернись.

Нехотя тот повернулся, и сыщик опешил. Перед ним стоял... Имадин Алибеков! Чеченец, который встретился ему в Забайкалье двадцать один год назад и в чью сестру Хогешат Лыков влюбился без оглядки^[29]. Тогда «демон»^[30] – а сыщик выдавал себя за уголовного – отпустил брата и сестру в Америку. Вместе с приятелем из настоящих уголовных, Яковом Недашевским по кличке Челубей. Яков отбил у сыщика невесту; так они и уехали втроем. Хогешат умерла потом родами, а Имадин вернулся на Кавказ. Год назад Алексей Николаевич услышал об этом от Челубея, который служил теперь военно-морским агентом САСШ в Германии. Недашевский сказал, что давно потерял след горца. И вот теперь тот обнаружился – на мушке у сыщика. Постаревший, обросший седой бородой, но все же узнаваемый.

Лыков закинул винтовку на плечо и воскликнул вполголоса:

– Имадин! Ты ли это?

Чеченец, изумленный, всматривался в лицо захватившего его врасплох человека. Потом спросил:

– Кто ты? Я тебя знаю?

– Я Лыков. Ну? Неужели ты забыл меня?

– Алексей? – Горец не верил своим глазам. Тут сыщик не выдержал, шагнул к нему и крепко обнял его:

– Имадин! Дорогой Имадин...

Алибеков прошептал пораженно:

– Ведь я пришел убить тебя.

– Вряд ли это тебе удалось бы, – счастливо рассмеялся сыщик.

Он поднял с земли пояс с кинжалом, протянул чеченцу, следом вручил винтовку:

– Пора уходить отсюда. Нам есть о чем поговорить, правда?

Лыков ошалел от радости. Минуту назад он едва не нажал на курок. Мог убить человека, которого любил, уважал и не раз вспоминал. Но сейчас Имадин был по другую сторону. Требовалось срочно разобраться в новых обстоятельствах.

– Тебя прислали сюда в засаду, чтобы подстеречь меня. Так?

– Так. Но если бы я знал!

– Кто послал, Динда-Пето?

– Нет, Фолат Солтан-оглы. Он главный разбойник в окрестностях, но подчиняется абреку.

– Ты, выходит, тоже теперь абрек?

Чеченец вспыхнул:

– Нет, я разбойник!

И спросил встревоженно:

– Ты знаешь разницу?

– Да, – ответил сыщик. – Разбойник убивает, лишь защищая свою жизнь. А вот абрек убивает, когда захочет.

– Именно так. Русский, а понимаешь... Я не абрек, нет. Да, живу в горах. Живу разбоем, это правда. Но за все годы отчаянной жизни я убил только двоих, и они сами были разбойниками. Хотели прогнать меня и занять мой перевал. Пришлось их наказать.

– А других? Пойми, я сыщик, мне очень важно знать, что ты натворил в годы отчаянной жизни. Может, удастся получить помилование?

Имадин сник:

– Какое помилование? Нет мне выхода, я пропащий человек. Пятнадцать лет жил кинжалом.

– Но не резал людей?

– Говорю же, нет. Ведь я не абрек! Они отдавали свои деньги, имущество. Никто ни разу не пробовал сопротивляться. Если бы пробовали, может быть, я пролил бы кровь. Но Аллах сжалился, позволил мне удержаться на самом краю.

Лыков посмотрел пристально на чеченца и сказал:

– Однако сейчас ты приехал, чтобы убить. Незнакомого тебе человека, и потому лишь, что так тебе велел Солтан-оглы.

– Солтан ничего не может мне велеть, – возразил чеченец. – Но ты прав в главном: я подошел к краю. Делать нечего, иначе смерть. Пятнадцать лет в горах – это очень трудно. Мне сорок лет, здоровье... как по-русски? Износилось. Сердце щиплет. Я был у хакима^[31], он говорит – надо лечиться. В русскую больницу я пойти не могу. Нужны деньги, чтобы уехать в Баку и там найти доктора. Еще паспорт. Солтан сказал: застрелишь русского – получишь от Динда-Пето пятьсот рублей. Я думал-думал и согласился. Вот, стал бы абрек. Спасибо, что удержал меня, не дал.

– Скоро рассветет, на дороге появятся путники, – встревожился Лыков. – Пойдем отсюда в тихое место, договорим.

Они взяли лошадей в повод и полезли по горной тропе на перевал. Тропа была крутая, наверху стояла одинокая башня. Когда поднялись, сыщик увидел на соседней вершине развалины большой крепости.

– Это Бочорма? – спросил он.

– Да. Раньше там был значительный город. Но двести лет назад люди ушли оттуда. Теперь Бочорма просто аул, он дальше, в долине Иоры. А в

крепости остался храм. Там икона с локтем Святого Георгия...

– Что такое икона с локтем? – не понял сыщик. – В иконе находятся
мощи?

– Да, мощи. Поэтому там людно.

– А что за одинокая башня на этой горе?

Алибеков пожал плечами:

– Верно, сторожевая. Но здесь пусто и тихо, нам никто не помешает.



Они уселись так, чтобы заранее увидеть, если кто-то поднимется на гору. И начали серьезный разговор.

– Значит, ты теперь разбойник, – констатировал Лыков. – А когда расставались, был честный человек.

– Увы. Я вернулся в свой аул и не нашел пристанища. Саклю разрушили кровники. Девушка, которую я любил, вышла замуж за другого джигита. Хуже всего, что тот стал выживать меня из аула. Боялся, наверное, что она убежит со мной. Аксакалы судили-рядили и постановили мне уйти. Тот богатый, он подкупил аксакалов... Никто, ни единый человек, не поднял голоса в мою защиту. Почему так? Я обиделся на общество и вышел из него. Сказал: вы мне больше не земляки. В Усть-Каре чужие люди помогали, а здесь свои гонят.

– Ну, с тобой поступили несправедливо. Бывает. В жизни много несправедливого. Это еще не значит, что надо становиться разбойником.

– Меня оговорили, сказали, что я бежал с каторги. Хотя, ты же знаешь, мы с сестрой поехали туда по своей воле, следом за братом. Участковый начальник не стал разбираться и велел меня арестовать. Только в Темир-Хан-Шуре установили истину, отпустили. Но я уже разозлился на весь мир. Хотите, чтобы я стал разбойником? Ну, так и быть! Но сначала пошел добывать марганец в Чиатурах. Знаешь, какой это ад? Едва не погиб там, завалило в шахте, товарищи раскопали. Мы добывали «черный камень» по восемнадцать часов в день. С трудом я заработал на лошадь и перешел в чалвадары^[32]. Тоже трудно: ползешь-ползешь по горной дороге и думаешь, кто быстрее сдохнет, лошадь или ты. А приемщик всегда обвешивает! Кончилось тем, что я продал лошадь с повозкой и купил винтовку. Старую однозарядную винтовку Крынка. И стал зарабатывать на жизнь ею. Знаешь, Алексей, уже через месяц у меня были и сильный конь, и магазинка^[33], и кинжал в серебре!

Лыков покрутил головой:

– Эх, простая душа... Как же освободить тебя от наказания? Сколько людей ты ограбил за пятнадцать лет?

– Слушай, я не маленький, не надо меня обманывать и утешать. Говорю же, пути назад уже нет. Только в Сибирь, на каторгу за мои проступки. Но туда я не пойду, лучше умру.

Сыщик пропустил слова разбойника мимо ушей – он думал. Потом лицо его просветлело:

– Есть же способ!

Имадин недоверчиво смотрел на него.

– Есть! Ты забыл, что идет война с японцами.

– Ну и что? Здесь, в горах, какое дело властям до войны с японцами? Опять ты меня утешаешь.

– Слушай меня, Имадин. Все еще можно исправить, если ты действительно никого не убил.

– Клянусь памятью отца с матерью, только тех двух негодяев. Но они сами были хуже зверей.

– Князь Орбелиани формирует Отдельную Кавказскую конную бригаду. Там будет двенадцать сотен, по национальностям. В том числе и чеченцы. Берут охотников ^[34] от двадцати до сорока лет, в виде исключения можно и старше. Неопороченных, трезвого поведения.

– Вот видишь! Кто возьмет в армию разбойника?

– Возьмут, – веско сказал Лыков. – Если я попрошу.

– Ты теперь такой большой человек? – не поверил Алибеков.

– Ну, не генерал пока. Однако чиновник особых поручений Департамента полиции в чине коллежского советника. Это как полковник.

– И что?

– Сюда я прибыл по распоряжению министра внутренних дел Плеве.

– Да что мне с того? – выкрикнул Имадин.

– Ты дослушай. Плеве готовит к Высочайшему докладу бумаги. На таких, как ты, – замаравших себя разбоями, но готовых раскаяться. Сейчас их пятнадцать человек. В виде исключения им разрешат пойти на войну. И если они уцелеют, то будут помилованы. Грехи им простят, люди смогут вернуться к обычной жизни. Хотя прежде они совершали преступления.

– Ага! Кажется, я понимаю тебя...

– Наконец-то. Будешь шестнадцатым. Это я смогу, уговорю министра.

– Неужели так можно? – усомнился чеченец. – А как было бы хорошо больше не прятаться... Трудно в горах, очень трудно. Мне сорок годов, а я уже старик.

– Помоги мне выполнить поручение, и Плеве все сделает. Ведь не в санаторию ты поедешь, а на войну. Сам понимаешь, тебя могут там убить.

– Я согласен! – эмоционально воскликнул Имадин. – Что для этого надо сделать?

– Для начала – перестать кричать. Не то нас услышат с дороги.

– А еще? – усмехнулся разбойник, понизив голос.

– Есть шайка, которая помогает грабителям «отмывать» деньги и доходные бумаги. Она где-то здесь, на Кавказе. Меняет «грязные» бумаги на «чистые».

– Слышал, – кивнул чеченец. – Они берут от пятнадцати до двадцати процентов, так?

– Да... Но...

– Это делают армяне, а подмешивают деньги в Тифлисском казначействе.

Лыков не поверил своим ушам:

– Армяне? В казначействе столицы края?

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Среди разбойников это давно известно. Плати и получай услугу.

– Но почему именно армяне?

– Там теперь все замешаны, а с чайканского^[35] народа просто началось.

– Расскажи мне в подробностях.

Имадин удивился:

– Ты действительно не слышал об этом промысле? Он со всей России деньги собирает.

– Говори же!

– Тоже мне, а еще полковник. Началось с дашнаков. О том, что они обложили данью всех богатых армян, тоже не знаешь?

– Об этом слышал. Но какая тут связь?

– Сейчас объясню. Сначала отдельные фабриканты не хотели платить. И один, дело было в Шуше, дал им деньги, а номера купюр сообщил в полицию. А полиция поймала боевика, когда тот пришел в банк за разменом.

– Храбрец этот фабрикант.

– Был храбрец, – поправил сыщика разбойник. – Его тут же зарезали. Но дашнаки обожглись. Они стали думать, как не попасться, если уловка повторится. И наняли Козюлькина.

– Погоди, погоди. Действительный статский советник Козюлькин – губернский казначей. Ты о нем говоришь?

– О нем.

– Ну и ну... – поразился Алексей Николаевич. – Мы там все столицы прочесали, ничего не нашли. А здесь каждый голодранец знает, к кому идти, чтобы добычу «отстирать».

– Видишь, как полезно иметь друзей среди разбойников! – рассмеялся Имадин.

– Продолжай, пожалуйста.

– Так вот, Козюлькин начал помогать дашнакам. За процент,

разумеется. И подумал, или кто его подучил, что такая услуга нужна многим. В первую очередь вора и разбойникам. А еще тем, кто против царя. Как их? Революционерам.

– Тем же дашнакам.

– Не только, – возразил чеченец. – Есть еще поляки. У армян имеется партия «Гнчак», у нее свои боевики, которым нужны средства. Эсеры – так их зовут? – также пользуются казначейством. Большевики какие-то, этих я вообще не знаю, кто они, но туда же в очередь. У них есть армянин по кличке Камо, он хуже любого абрека. Этот Камо шляется на Александровскую улицу, как к себе домой.

– Александровскую улицу? – не понял сыщик.

– Ну, там в одном доме и казенная палата, и губернское казначейство. Я и сам туда ходил.

– Ты? Зачем?

– Надо было разменять три сторублевых бумажки, из добычи.

– И тебе разменяли?

– В тот раз побоялись, отослали в банкирскую контору Цовьянова, что на Сионской улице.

– И что Цовьянов?

– По их записке поменял. Двадцать процентов взял, собака!

– Стало быть, помимо самого казначейства, в «большой постирочной» участвуют еще и банки, и банкирские конторы?

– Где-где?

– Мы в полиции назвали это предприятие «большая постирочная», в том смысле, что там отмывают «грязные» деньги, – пояснил приятелю Алексей Николаевич.

– А-а... Да, там сейчас много народу кормится. Контора Читахова тоже в деле. Другие разбойники говорили мне, что и банк Тифлисского городского кредитного общества. Но сам я им не пользовался.

– Другие разбойники... Имадин! Вот чем ты можешь мне помочь. Мне и закону. Тебе расскажут то, что никогда не сообщат полиции. Ты же один из них.

– Предлагаешь мне стать доносчиком?

– А как иначе ты собираешься получить прощение от властей?

Чеченец замялся:

– Эх... А нельзя иначе? Доносчик – дурное занятие. Хуже ничего нет.

– Хорошо. Расскажи все, что знаешь. Фамилии, имена, кто пользуется услугами казначейства. Кто в самом казначействе заправляет, кроме Козюлькина.

– Да я знаю мало.

– Сыпь все, что есть.

– Я имел дело с кассиром первого разряда Баграм-беком Макинским. Но он мелкая сошка для таких, как я, разбойников-одиночек. Крупные клиенты ходят повыше. Самые крупные – прямиком к Козюлькину.

– А кого ты называешь крупными?

– Того же Елизбара Чолокова.

– Динда-Пето?

– Ага. Он кочи, атаман большой шайки, у него бывает крупная добыча. Еще Зелимхан, Дали-Али, Юсуф, Абдурашид Тепкучев, Улухан. Все серьезные абреки идут в Тифлисское казначейство.

– А Трембель ничего не обнаружил! – в сердцах вскричал Алексей Николаевич.

– Кто такой Трембель? – заинтересовался чеченец.

– Начальник особого отдела по полицейской части канцелярии главноначальствующего. Старший над всей кавказской полицией.

Имадин пожал плечами:

– Полиция всегда все узнает последней. Впрочем, у этой, как ты ее назвал, «большой постирочной» высокие покровители. Иначе ее давно бы уже закрыли. Может быть, твой Трембель поэтому ничего не обнаружил?

– Может быть. Я как-то раньше об этом не задумывался... Действительно, множество людей знают об этой возможности, пользуются ею. Ты, извини, не первый головорез на Кавказе...

– Не первый, хвала Аллаху, – поддакнул Имадин.

– ...а сам ходил туда разменивать купюры. Но власти ничего не замечают уже много лет. Бывает ли такое?

– На Кавказе и не такое бывает, – осадил друга разбойник. – Русская администрация никогда не знала, как на самом деле живут местные.

– Так, – вздохнул коллежский советник, – кое-что стало яснее. Значит, началось с армян, а теперь там весь интернационал столуется?

– Кто-кто? Слушай, говори понятно!

– Ну, жулики разных национальностей. Ты сказал, есть даже поляки?

– Да, из Варшавы приезжают фартовые. В Тифлисе земляки помогают им выйти на нужных людей. И не только фартовые, но еще... как их? Террористы. Правильно я сказал?

– Правильно. Имадин, вот что я думаю: твои слова к делу не пришьешь. Максимум, кого я могу арестовать, – это кассира первого разряда. И того затем отпустят, потому что показаний одного свидетеля, да еще и опороченного, мало. А требуется взять головку. С ней имеет дело

Динда-Пето. Помоги мне его арестовать, и я тут же обращусь к министру. Чтобы тебя послали на войну.

Алибеков ответил без раздумий:

– Этого негодяя мне не жалко. Но как мы его арестуем?

– Ты придешь сегодня ночью к Солтан-оглы и скажешь, что выполнил заказ. В доказательство предъявишь мою лошадь с переметными сумами и винтовку.

– Он захочет увидеть труп.

– Скажешь, что бросил его в горную расщелину.

– Хм. Это можно. Вот лошадь, вот оружие русского. Как иначе они могли ко мне попасть? Это можно. А что дальше?

– Солтан-оглы даст тебе пятьсот рублей?

– Нет, конечно. Откуда у него такие деньги?

– Вот! – повеселел сыщик. – Ты заявишь ему, что хочешь получить оплату быстро.

– Понял, – хлопнул в ладоши Имадин. – И потребую сообщить, где сейчас Динда, чтобы я взыскал с него долг. Правильно?

– Молодец. У меня с этим подонком, если желаешь знать, теперь личные счета.

– Расскажи, – потребовал чеченец.

– Ты слышал об убийстве поручика-грузина на Кахетинском шоссе три дня назад?

– Слышал. Солтан-оглы говорил, он был в той шайке.

– Вот как! Знаешь, я тоже там был. Рядом с офицером, в одном фаэтоне.

– Я это уже понял, – сказал Имадин. – Фолат сказал, что полицейских было двое. И одного, русского, велели не трогать, только напугать. А потом что-то изменилось, и этого второго тоже приказали убить. Для чего и наняли меня.

– И они знали, когда я поеду по тропе, так?

– Так. А ты оказался хитрее.

Алексей Николаевич был обескуражен. В тот раз его велели напугать, но не убивать! Это была не просто засада на кровника, с которым абрек решил свести счета. Кто-то хотел помешать аресту Багдасарова. Полицейских, поехавших за ним, остановили на полпути в Гомборы. Динда-Пето отомстил храброму поручику, а заодно не дал задержать агента «большой постирочной». Пока Лыков вытирал сопли, штабс-капитана прикончили, замаскировав убийство под обычное ограбление. Несчастный денщик удачно подвернулся, и сейчас лежит где-нибудь на леднике высоко

в горах. Да, Имадин прав: у «постирочной» есть влиятельные покровители. Они всё знали о планах сыщика. Сначала решили не трогать чиновника, прибывшего по личному распоряжению министра. Застрашаем, ниточку оборвем, авось он сам с перепугу сбежит обратно в столицу. Однако Лыков не сбежал и собирался продолжить дознание. И тогда они наняли разбойника, чтобы застрелить коллежского советника. Тот как раз направился в горы в одиночку, на верную погибель. Ну, попал под выстрел – иначе и быть не могло... Никакой Плеве не подкопается. Все хором уговаривали дурака отказаться от авантюры. Но он не смог побороть амбицию. Похоже на Лыкова? Похоже. А дознание? Скорее всего, начальству станет не до него. Потом, когда-нибудь, поручат другому сыщику... За это время мошенники наедятся досыта и закроют лавочку.

Итак, покровители. Кто знал о задании Абазадзе и Лыкова? Множество людей. А о поездке сыщика ночью в горы? Тоже немало. Кто-то из них работает на «постирочную». Надо взять Динда-Пето и допросить. Душу вынуть, но получить имена. И уже потом пристрелить при попытке к бегству. Отомстить за поручика.

– Слушай, Имадин. У меня на глазах убили Арчила Абазадзе. Молодого храброго человека, моего товарища-полицейского. А я смотрел и молчал. Испугался.

– И ты не вступился?

– Нет. Их было девять человек, стволы смотрели прямо в грудь.

– Понимаю... Хорошо, что ты уцелел. Что толку от бессмысленной смерти?

– Все твердят одно и то же. Что толку, что толку... Толк в том, что нельзя быть трусом, смотреть, как убивают человека, и пальцем не пошевелить. А теперь оказывается, что все еще хуже. Это был спектакль, фарс. Никто и не думал меня убивать, пока я дрожал от страха.

– Зато потом они послали меня. Значит, ты сделался опасен?

– После того, как решил не спускать, – да. Теперь я тем более опасен, потому что отыскался ты, мой старый друг. Человек из одной с ними среды, разбойник с пятнадцатилетней выслугой. Извини, но надо решиться. Ты мои глаза и уши в этом зверинце. Или нет? Все еще не хочешь быть доносчиком?

Имадин долго смотрел на сыщика, потом вздохнул:

– Много лет назад ты спас меня и сестру из лап Бардадыма. Рисковал жизнью ради нас. Помог уехать в Америку. И как я тебя за это отблагодарил? Устроил засаду и хотел застрелить. Только твоя опытность спасла меня от страшного греха. Конечно, я помогу тебе.

– Вот и хорошо! Тогда начнем мстить. И за мой страх, и за поручика Абазадзе, и вообще за всех жертв этих сволочей. Пора раздавить змеюшник.

– Я отправляюсь к Солтан-оглы? С твоим конем и оружием?

– Смотри, не выдай себя чем-нибудь. Например, излишним любопытством. Если он откажется сразу сказать, где абрек, не настаивай. Схитри. Мол, я буду ждать там-то и там-то, пусть придет человека с деньгами. Они очень нужны, для доктора в Баку...

– Не бойся, я для них свой. Никто же не знает, что Имадин Алибеков и Алексей Лыков с давних пор друзья.

– Когда ты вернешься?

Чеченец прикинул:

– В дом к Фолату я могу явиться только ночью. И вскоре уйду – либо с адресом Динда-Пето, либо без.

– В любом случае уходи оттуда побыстрее.

– К утру вернусь. Сиди в башне, никуда не ходи, костер не жги... Впрочем, чему я могу тебя научить? Сам все знаешь. С той стороны есть ручей, от жажды не умрешь. Лаваш я тебе дам. И возьми из вещей набади^[36], ночью пригодится.

– Не бойся, я тут пока отдохну. Место тихое и труднодоступное – кто сюда полезет? Ну, ступай.

Имадин спустился вниз, к реке. Осмотрелся: тропа пуста. Он выстрелил на воздух, чтобы в округе услышали, и посидел чуток в тени. Затем сел на своего коня, а Лалу привязал к луке седла. Лыков наблюдал за другом сверху. Когда тот скрылся за деревьями, сыщик спрятался в башне и прилег на бурку. Он ехал всю ночь и очень устал.

Алексей Николаевич проспал полдня, не выпуская нагана из рук. Слух старого пластуна был настороже. Он дважды просыпался: сначала от криков на дороге, потом от горной козы, забредшей на вершину. До захода солнца никто больше не потревожил его. Вода и лаваш подкрепили силы, а бурка защитила от ночного холода.

Утром, когда темнота сменилась белесым туманом, появился Имадин.

– Ну как, не замерз? Я принес немного чачи – согрейся.

– Скажи лучше, что узнал? – нетерпеливо потребовал сыщик.

– Солтан-оглы поверил. А чего бы не поверить?

– И что?

– Когда я потребовал денег, он сразу отослал меня к Динда-Пето. Сказал, что тот поехал в Закаталы. Пересидит в горах, пока не утихнет шум.

– Отлично! А где? Он ведь родом из Белокан.

– Нет, в Белоканах опасно. Если будут его искать, то именно там. Фолат сказал, что абрек спрячется у кунака в селении Кахи. Кунака зовут Исмаил Боров.

– Молодец, Имадин! То, что требовалось. Спасибо тебе. Если не хочешь или боишься, я поеду в Закаталы один.

Чеченец фыркнул:

– Вот глупость сказал. Как так один? Теперь мы вместе. Пока я не отправлюсь на войну.

– Еще раз спасибо. Теперь давай свою чачу, а то зуб на зуб не попадает. Винтовку с вещами верни по-хорошему! Ишь, разбойничьи привычки... А еще расскажи, как попасть в Закаталы. Жаль, абрек отобрал у меня документы. Придется доказывать свою личность по телеграфу.

– Зачем? – поинтересовался Имадин.

– Ну как же? Мы явимся к начальнику округа. Два незнакомца, смахивающие на бандитов... Я потребую содействия в аресте Динда-Пето, а начальник спросит: ты сам-то кто такой?

– Ну тогда держи, – усмехнулся чеченец и протянул сыщику его полицейский билет.

– Вот это здорово! Откуда он у тебя?

– Старый Фолат дал. На, говорит. Пусть все вещи дохлого уруса будут в одних руках. Я и взял. Только часы твои он оставил себе.

– Вот скотина, – расстроился сыщик. – Они у меня золотые, с гербом. Подарок царя за то, что я охранял его на коронации. Доберусь я когда-нибудь до этого оглы! Вот закончу дела, приду и скажу: отдавай мои часы.

Уцелел и открытый лист за подписью Плеве, дававший сыщику большие полномочия.

– День подарков! Теперь нам ничто не мешает выступать. Поедем, или хочешь передохнуть?

– Передохнем и обсудим, – рассудительно ответил Имадин. – Я принес баранины, сейчас разожжем костер и поедим горячего. И ослабим лошадям подпруги.

– Нас же увидят!

– Увидят дым, да. Но все уже знают, что разбойник Имадин убил уруса и встал лагерем на этой горе. Жители разбегутся, никто сюда не придет. Даже движение по дороге остановится до полудня. Мы перекусим и уйдем в аварские горы. В Закаталы лучше спуститься со стороны Дагестана.

Глава 7

Закаталы

Друзья скитались по горам три дня. За это время Лыков убедился, какого незаменимого спутника подкинула ему судьба. Имадин знал всех, и все знали его. Или как минимум слышали о нем. У разбойника среди туземцев особенная репутация. Он окружен ореолом героизма. На Кавказе разбой считается не преступлением, а уважаемым ремеслом. Молодые мечтают стать головорезами. Убийство – настолько заурядное событие, что ни у кого не вызывает осуждения.

Сразу возник вопрос: что за русский состоит при Алибекове? Имадин говорил всем, что это дезертир из запасных, которого призвали на войну с японцами, а он ударился в бег. Таких стало много, и легенда никого не удивляла.

Чеченец выбирал для ночлега лишь те жилища, где ему гарантировали укрытие. В каждом ауле, как уяснил Лыков, было несколько таких домов. Существовала целая сеть притонов, которые передавали беглых друг другу по цепочке. Если у человека не было денег, его все равно прятали, только в долг. Обязательства соблюдались строже, чем в высшем обществе по карточной игре. Это был не долг чести, а долг жизни. Разок не вернул – и тебе откажут в приюте. Поэтому разбойники, разжившись, первым делом гасили задолженность. Иногда бывало так: объедет бандит после удачного грабежа всех своих кредиторов – и опять сидит без копейки. Его снова кормят. Часто дают подработать: напасть с местными на почту, угнать овец у соседей... Потом он перейдет к тем же соседям и украдет лошадей у своих вчерашних укрывателей. И это никого не смущает.

Лыков подмечал вещи, которые никогда не увидит русский чиновник. Так, в любой сакле имелась винтовка. Закон это запрещал, но горцы не могли без оружия, слишком опасна была жизнь вокруг. В каждом ауле имелась своя банда, и ее главарь – был весьма уважаемый человек. Ему полагалось нанести визит, сообщить новости, сделать скромный подарок. В ответ приезжий тоже узнавал что-то интересное. В горах не было газет, и их заменяли кочующие разбойники.

На четвертый день Имадин с Алексеем Николаевичем прибыли в Закаталы. Они заранее разделились. Чеченец укрылся в туземной слободке под городом. А Лыков поехал сразу в крепость. Ему пора было воскреснуть

из мертвых. В Тифлисе, как он полагал, его уже похоронили. Кое-кому сильно не понравится, если он вдруг оживет...

Алексей Николаевич поднимался в крепость по узкой дороге, с двух сторон обсаженной вековыми на вид чинарами. Экая распушенность! Нападавшие могли расстреливать из засады всех, кто решит выйти наружу. Давно, видать, здесь не воевали.

Крепость на вершине горы оказалась значительной по размерам. В воротах стоял часовой, он не обратил на всадника в туземном костюме никакого внимания. Внутри все выглядело привычно для опытного глаза Лыкова. Он много раз бывал в подобных укреплениях. Посредине имелся плац, вокруг него по периметру – управление начальника округа, комендатура с гауптвахтой, казарма, конюшни, почтово-телеграфная контора, несколько домиков для офицеров и чиновников, баня, казначейство и крохотный скверик, в котором, к удивлению гостя, обнаружился памятник. Подъехав, сыщик прочел надпись. Это оказался памятник генералу Гулякову – покорителю мятежных земель джарских лезгин.

Осмотревшись, приезжий заметил и другие особенности. Двор крепости был выложен плитами. В углу, вокруг церкви, находился погост с добротными крестами на офицерских могилах и с покосившимися – на солдатских. И сразу две тюрьмы, одна деревянная, другая каменная. Зачем им столько?

Алексей Николаевич беспрепятственно залез на стену и осмотрелся. Красота снаружи поразила его. На Кавказе виды один лучше другого, но тут было что-то особенное. Лес подступал прямо к укреплениям. Гигантские сосны окружали окаймленное стенами плато, словно морские волны остров. Чуть ниже виднелись три сотни домов типичной туземной архитектуры. Это и был город Закаталы, выросший из крепостного форштадта.

Лыков как старый кавказец знал кровавую историю крепости. Русские появились тут в 1803 году. А спустя шесть десятилетий, в 1863-м, в округе вспыхнуло восстание. Его поднял Хаджи-Муртуз, и начал удачно. Половина гарнизона вышла на сенокос, не взяв с собой оружия. Джарцы внезапно напали на русских и всех убили. А потом двинулись к почти беззащитной крепости. Но один мулла, сохранивший верность правительству, сел на коня и предупредил русских. В последний момент солдаты успели разобрать винтовки и прибежать на стены... Штурм был отбит. Несколько недель ослабленный гарнизон выдерживал осаду и в итоге все же отстоял Закаталы.

Налюбовавшись пейзажем, сыщик спустился вниз и направился в храм. По-прежнему никто вокруг не обращал внимания на горца с револьвером и кинжалом на поясе, и на то, что он шлялся по укреплению.

Ну и чудеса... Батюшка удивился появлению в церкви туземца. Но тот попросил благословения на чистом русском языке. Помолившись, Лыков двинулся к окружной канцелярии.

У входа часовой попытался преградить ему путь. Сыщик скользнул по солдатику начальственным взглядом и бросил, не останавливаясь:

– К полковнику.

В большой комнате сидел и скучал одинокий канцелярист. Гость протянул ему полицейский билет и сказал:

– Секретный разговор к начальнику округа.

Чинуша увидел страшные слова «Департамент полиции» и опрометью бросился в кабинет. Оттуда быстро вышел пожилой полковник в белом летнем кителе с Владимирским крестом.

– Кто вы и что вам угодно?

– Я бы предпочел сообщить об этом при закрытых дверях.

Они вошли внутрь, и там уже сыщик представился.

– Позвольте, – удивился начальник округа, – вас же убили третьего дня. Я читал об этом в телеграмме генерала Фрезе. Вернее, что вы пропали без вести, но ясно, что убиты.

– Так было нужно в интересах дознания, – пояснил гость. – Как видите, я жив-здоров. Мне необходима ваша помощь. С кем имею честь?

– Полковник Павлов Андрей Павлович.

Лыков протянул ему открытый лист. Павлов прочитал и сразу подтянулся.

– Все силы округа в вашем распоряжении, господин коллежский советник.

– Алексей Николаевич, с вашего дозволения. Все, что я сообщу, носит крайне секретный характер.

– Понимаю.

– По личному распоряжению министра внутренних дел я дознаю случаи разбойных нападений с захватом крупных сумм. Их на Кавказе что-то особенно много. Деньги эти, даже будучи записанными по номерам и сериям, не помогают схватить преступников при предъявлении. Кто-то ловко разменивает их, минуя банки.

– Ого... По-ни-маю... – протянул полковник.

– Одним из таких преступников является уроженец Закатальского округа Елизбар Чолоков, абрек, известный под кличкой Динда-Пето.

– Есть такой негодяй, – подтвердил начальник округа. – Мы ловим его, но безуспешно. Пока. Когда-нибудь попадется, конечно.

– Где он сейчас?

Павлов развел руками:

– Никто не знает. Осведомление в Закаталах невозможно. Горцы не выдадут своего.

– Динда-Пето сейчас здесь. В селении Кахи.

– Неужели! Может, вы и дом назовете?

– Назову. Он прячется у кунака Измаила Борева.

Полковник вскочил в волнении:

– Ах они, негодяи! Два сапога пара! Этот Боров – контрабандист. Но чтобы прятать абрека... Вы хотите, чтобы я арестовал Чолокова?

– Я сам его арестую. При вашей поддержке, разумеется.

– Давайте я приглашу старшего помощника. Он занимается такими делами... Под моим руководством.

Явился молодой стройный грузин, чем-то похожий на покойного Абазадзе.

– Позвольте представиться: старший помощник начальника Закатальского округа капитан Гвелисиани Александр Николаевич.

Лыков стал объяснять ему задачу и понял, что тот понимает все с полуслова. Коллежский советник с капитаном быстро договорились. Павлов сидел рядом и важно поддакивал. Потом спросил:

– Не вызвать ли князя Вачнадзе?

Гвелисиани пояснил питерцу:

– Это начальник Кахского участка. По регламенту, он должен руководить арестом. Но лучше поручите мне.

– Поручаю, – не моргнув и глазом, ответил сыщик.

Капитан сразу повеселел и ответил начальнику:

– Князя мы известим в нужное время.

– А...

– В его канцелярии много лишних ушей.

Полковник хотел выдать очередное «понимаю», но передумал.

– Если кого и звать, то штабс-ротмистра Хан-Елисуйского, – продолжил капитан.

– Хана? – удивился Лыков. – Зачем нам здесь туземная титулованная особа?

Гвелисиани начал объяснять:

– Закатальский округ труднодоступный. Его потому и создали...

– Почему «потому»? – встревожился полковник Павлов.

– Ввиду неудобства управления.

– А-а...

– Так вот, – продолжил капитан, – местоположение округа диктует его специфику. Он расположен как бы в углу, у южной подошвы Главного Кавказского хребта. С северо-востока нас запирает Дагестанская область с ее высотами. С юго-востока – река Алазань. С запада – Тифлисская губерния. Округ состоит из трех полос, и в каждой свой собственный климат. Север горный, середина почти ровная, болотистая, а на юге безводная малонаселенная местность, которая годится лишь для выпаса скота. Девяносто три процента жителей округа исповедуют ислам. По большей части это джарцы и ингилойцы, то есть омусульманившиеся грузины. – Гвелисиани скривился и продолжил: – Костяк населения составляют так называемые джарские лезгины, или джарцы. Эта народность появилась от смешения трех рас: грузинской, лезгинской и татарской. Смесь получилась крайне неудачной. Как часто бывает у метисов, они взяли от народов-праотцев лишь их дурные качества, откинув хорошие. Вышло самое разбойное племя на всем Кавказе... Прошу вас не путать, Алексей Николаевич, джарских лезгин с благородным племенем лезгин аварских. Ничего общего! – Он перевел дух и продолжил: – Для чего я все это вам говорю? Чтобы вы понимали, как тут живет русская власть. А живет она на лезвии кинжала. Так вот, на западном склоне Дагестанского хребта расположено особое Елисуйское ханство. Его бывшие владельцы давно поступили на коронную службу. Правда, среди них были перебежчики к Шамилю, но теперь они являются нашей опорой в округе. Джарцы с ними считаются больше, чем с русскими.

– Вы хотите привлечь елисуйцев к аресту абрека?

– Нет, к его выдворению из округа. Вы же повезете его в Тифлис, так?

– А что, армия с этим разве не справится? – удивился Лыков. – Сейчас не времена Шамиля. На календаре тысяча девятьсот четвертый год. И ханы ваши – уже анахронизм.

Капитан нахмурился:

– Вы сейчас, господин коллежский советник, рассуждаете как приезжий, не знающий местных особенностей. У вас, конечно, открытый лист...

– Расскажите про Динда-Пето, – перебил его сыщик. – У него есть тут сторонники?

– И немало! Он личность популярная в Закаталах. Поэтому я и предлагаю, чтобы туземца конвоировали туземцы. Так будет спокойнее.

– Теперь я вас понял. Но для этого абрека надо сначала арестовать. А

ведь он далеко отсюда.

– Да, Кахи в тридцати верстах.

– Там достаточно полицейской силы для ареста?

– Нет, что вы. Начальник участка, да при нем три стражника. Борев с Чолоковым раскидают их, как котят...

– Значит, надо подъехать нам с казаками. Сколько сабель возьмем?

Грузин ухмыльнулся:

– Зачем казаки? Одного негодяя вам, второго мне. Чем меньше людей, тем лучше. А то пойдут слухи, Динда и улизнет.

Полковник возмутился:

– Что еще за авантюризм, Александр Николаевич? Вы всегда были храбрый, это общеизвестно. Но идти на Динда-Пето один на один...

– А я согласен с капитаном, – категорично заявил Лыков. – Он прав: чем меньше в операции участвует народу, тем меньше риск, что разболтают. Только нас будет не двое, это действительно перебор. Возьмем еще третьего.

– Кого? – сразу насторожился старший помощник.

– Имадина Алибекова. Слышали про такого?

– Разбойник? Я ловил его в прошлом году в Тушетии. Не поймал – ловкий малый. Этот головорез поедет с нами? Каким образом?

– Я знаю Алибекова двадцать лет. Познакомились в Забайкалье, вместе воевали там с варнаками. И вот теперь он разбойник... Я ручаюсь за него, господи. Он помогает полиции, в частности, именно Алибеков выяснил местопребывание Динда-Пето. И готов содействовать нам в его аресте. Ловкий малый не помешает в таком деле, Александр Николаевич?

Капитан был обескуражен.

– Разбойник – и с нами заодно? Предательство дурно пахнет.

– Алибеков давно мечтал вернуться к мирной жизни. Он стареет, нуждается в лечении, хочет покинуть горы. А его знания абречества изнутри весьма нам на руку.

– Но как преступник, да еще с таким прошлым, вернется к мирной жизни? – возразил начальник округа. – Вы обещали ему невозможное, это нечестно.

Закатальские бюрократы начали нравиться сыщику. Он рассказал им свой план, как помочь чеченцу. И добавил:

– Я беру его с собой на операцию. Под мою ответственность.

– Ну, ежели так... – развели руками офицеры.

– А ваше предложение, Александр Николаевич, насчет привлечения елисуйцев я вовсе не отвергаю. Но мы обсудим это потом. Сегодня ночью

предлагаю навестить Елизбара Чолокова. И доставить его с кунаком в крепость. Там я проведу первый допрос. Иногда, обескураженные неожиданным арестом, преступники делаются разговорчивыми.

– Не тот случай, Алексей Николаевич, – возразил Павлов. – Динда-Пето прожженный.

– Да уж, сволочь первый сорт, хоть ставь на него синий штамп^[37], – поддержал начальника его помощник.

– Есть один аргумент, – поделился с хозяевами гость. – Чолоков застрелил полицейского поручика у меня на глазах. Поскольку Тифлисская губерния уже два года как на положении усиленной охраны, абрека ждет военный суд. Если расскажет, что интересует нас с министром Плеве, может быть, тот выхлопочет ему у государя пожизненную каторгу. А не расскажет – повесим.

– Да, это сильный аргумент, – согласился Павлов. – Вот только на каторге абреки долго не живут. Или гибнут от дурной пищи и тяжелого климата, или сбегают. Нам в горах Динда-Пето не нужен. Пусть лучше сдохнет. Эшафот вернее.

На этом разговоры закончились и началась подготовка к опасному задержанию. Чолоков убил много людей, власти уже сбились со счета. Терять ему было нечего. В том числе и поэтому Алексей Николаевич не хотел привлекать посторонних. Казаки, конечно, по приказу головы под пули подставят... И их жалко. У сыщика же имелся свой интерес, он шел на заряды сознательно. Имадин тоже никого не боялся – ему надо было зарабатывать прощение. А капитан Гвелисиани – похоже, родная душа с поручиком Абазадзе. Из этих соображений питерец сообщил Александру Николаевичу, что произошло на Кахетинском шоссе. Храбрый грузин свел брови и ничего не сказал. Но задумался.



Вдвоем они спустились на форштадт. Там было полдюжины магазинов, стояли мечеть и армянская церковь. Рынок уже закрывался, народ расходился по домам. В глазах рябило от татарских папах. Лишь иногда в толпе мелькали русские и армяне, их было издалека видно по фуражкам.

– Однако у вас тут халифат, – поразился сыщик.

– Я же сказал: девяносто три процента. В городе меньше, а в деревнях

только мусульмане. Так что арест единоверца им не понравится.

– Какая вера у абрека?! – возмутился Алексей Николаевич. – Он уж и дорогу в мечеть забыл. Перед любым богом виноват, даже перед Аллахом.

– Все равно Динда-Пето им свой, а мы нет, – возразил капитан.

– Но не всякий же мусульманин поддерживает абречество.

– Не всякий.

Для Гвелисиани это была, видимо, важная тема. Он остановился и придержал сыщика за рукав.

– Я много об этом думаю. Ислам – великая религия, спору нет. А религия может стать великой лишь тогда, когда она гуманна. Так или не так?

– Вроде бы так, – ответил Лыков, но неуверенно.

– Но если это так, почему только ислам дает фанатиков?

– Не только он. Я знаю очень культурных и интеллигентных иноверцев. И знаю православных фанатиков самого дурного пошиба.

– Фанатики есть и у нас, – раздраженно подтвердил грузин. – Но они не кидаются на людей другой веры с ножом. А магометане кидаются.

– Армяне тоже балуются террором, – возразил Лыков. – И поляки с латышами и финнами.

– Это другое, это национальный вопрос, – не согласился капитан. – А мы говорим о религии. Поляки-католики режут русских за то, что те православные?

– Нет.

– А мусульманские фанатики режут. Вон что с несчастными армянами турки выделывают. А курды? Я скажу больше: скоро эта дрянь заведется и в России. В Закаталах в том числе.

– Для мирного магометанина крайности тоже неприемлемы, – упрямо продолжил спор сыщик. – Коран не поощряет кровопролития. Извращенные толкователи великой книги находят в ней то, чего там нет. А вы обвиняете религию целиком.

– А почему в нашем с вами Евангелии этого никто не находит?

Они так и не договорили, потому что пришли к убежищу Имадина. Тот скрывался у ингилойца, который держал духан на форштадте. Капитан и коллежский советник зашли внутрь. Мусульманские духаны отличаются от грузинских. Там так же чисто и вкусно, провизия всегда свежая, но нет вина. Выпив по чашке кофе, офицер и сыщик попрощались друг с другом. Капитан ушел, а сыщик остался. И через минуту уже беседовал с другом-чеченцем.

– Мы обо всем договорились, – сообщил он. – Сегодня ночью берем

Динда-Пето. Втроем: мы с тобой и вот этот капитан. Он сказал, что ловил тебя в прошлом году в Тушетии.

– Гвелисиани? – обрадовался Имадин. – Он порядочный человек. Только немножко самонадеянный: думает, что самый умный. Я завел его в ущелье и там оставил. Сутки капитан оттуда выбирался, ха-ха!

– Никого там не подстрелил?

– Ты что? – возмутился чеченец. – Говорил же, что не пролил крови честных людей. Мы побегали немного туда-сюда, я над ними посмеялся и ушел.

– Для капитана ты разбойник, понимаешь?

– Так я для всех разбойник. Еще никто не знает, что ты меня... – чеченец замялся.

– Завербовал, – подсказал Лыков.

– Нет, это нехорошее слово. Ты меня переубедил, вот.

– Пусть так. Гвелисиани еще долго будет относиться к тебе настороженно. Причем не только он.

– Понимаю. Людям не нравится, когда кто-то меняет веру. Это как предательство. А теперь я должен буду выдать своих пусть не товарищей – они никогда ими не были – но тех, с кем делил чурек у костра. Больше скажу: когда станет известно, что я перешел на твою сторону, мне лучше будет уехать с Кавказа.

– Вот к докторам и поедешь.

– Сначала на войну.

Они посидели еще какое-то время. Имадин нервничал, отвечал односложно, долго смотрел в одну точку. Переживал. Сегодня ночью чеченец должен перейти Рубикон. Помочь полиции схватить абрека. Обратной дороги уже не будет – на Кавказе за такое убивают. Да, Лыков ему друг и всегда поможет. Но жить Имадину придется в обществе, среди других людей. На нем будет клеймо предателя. Он станет изгоем и у таких, как Динда-Пето, и у таких, как Гвелисиани. Это тяжелый крест.

В полночь из Закатал на юго-восток выехали три всадника. Помощник начальника округа тоже оделся в горский костюм. Черные тени быстро летели по дороге. На мосту через Талачай их окликнул караул. Капитан что-то сказал вполголоса, и их пропустили.

По ночам на кавказских дорогах пусто. Не ездит почта, не ползут обозы, путники стараются сидеть по домам. Если стучат копыта, то это почти наверняка разбойники. Заслышав шум, все живое убегает в сторону. Вот и теперь три человека ехали рысью и никого не встречали.

Через несколько часов показались плоские крыши Кахи. Тут на мосту

через Курмухчай всадников тоже встретил караул. На этот раз чеченец сказал одну короткую фразу, и гостей впустили в селение.

– Где сакля Борева? – шепотом спросил Лыков у товарища.

– В том конце.

Троица разделилась. Имадин ехал первым, не скрываясь. Двое других, таясь, следовали за ним на расстоянии в сто саженей. Чеченец уверенно выбирал дорогу. Вот он остановился, слез с коня. Сразу залаяли собаки.

– Проклятье, – скрипнул зубами капитан. – Про собак мы не подумали. Как будем подбираться?

– Подберемся... – безмятежно ответил питерец.

Стукнула дверь, раздались приглушенные голоса, и гость исчез в доме.

Полицейские выжидали, и не зря. Вскоре на улицу вышел туземец и долго стоял, прислушиваясь. Потом скрылся внутри.

– Идем, – бросил сыщик и уверенно направился к сакле. Гвелисиани шел рядом. Он на ходу вынул из кобуры револьвер. Покосился на Лыкова – тот шел с пустыми руками. Грузин поколебался и тоже убрал оружие.

Алексей Николаевич уже завелся. Вот-вот он встретится с негодяем, который убил Абазадзе. Вот-вот он с ним поквитается. Еще немного... Собаки пришипилась, словно поняли, что не их час. Сыщик подошел к двери, сильно пнул ее ногой. Дверь полетела на пол. Лыков ворвался внутрь, увидел, как кто-то шарит по стене – там на крючках висело оружие. Он двинул в голову, не разбираясь, и повернулся ко второму. Динда-Пето! Абрек стоял посреди комнаты, опешивши, и крутил головой. Наконец спохватился и тоже метнулся к винтовке. Но Имадин сбоку ударил его по шее, и детина повалился навзничь. Пока он хрипел, чеченец ловко связал пленного.

Алексей Николаевич нагнулся ко второму противнику. Измаилу Борову сильно досталось: он был без сознания. Схватка закончилась меньше чем за минуту.

Гвелисиани присвистнул:

– Ну вы даете! А я тогда зачем пришел?

Трое незваных гостей стали хозяйничать в кунацкой. Оружие сложили в один угол, связанных бандитов усадили в другой. Александр Николаевич занял шестиугольный туземный столик и принялся составлять опись вещей. В бедной сакле обнаружили дорогие меха, серебряная посуда, пачки банкнотов. Гвелисиани опознал «николаевскую» шинель с бобровым воротником. Ее недавно отобрали у графа Доливо-Добровольского-Евдокимова на дороге в Телави. Вот и еще одно преступление раскрыто.

Через час раздался топот копыт, и перед саклей спешила целая

кавалькада. Это явилось подкрепление из Закатал. Вновь прибывшие продолжили обыск в хлеву и в жилых комнатах, пошли за понатыми, начали складывать на арбу воровскую добычу. Сразу сделалось шумно. Сбежались соседи и молча смотрели на действия властей. Динда-Пето с кунаком вывели наружу. Абрек плюнул в сторону Имадина:

– Собака!

И тут же получил оплеуху от Лыкова. Такую, что полетел кубарем. Сыщик, казалось, только ждал повода. Он накинулся на пленника и начал жестоко избивать его. При этом приговаривал:

– Это за Арчила! А вот это за мое унижение. Теперь снова за Арчила!

Окровавленный, с выбитыми зубами и выдранной бородой, абрек только охал. Никто и не пытался остановить Лыкова. Наконец прибежал маленький грузин с погонами капитана и закричал:

– Что вы делаете?!

– Кто такой? – спросил у него сыщик, отпустив джарца.

– Я начальник Кахского участка князь Вачнадзе. А вы кто и по какому праву своевольничаете в моем участке?

К нему приблизился Гвелисиани и с насмешкой сказал:

– В вашем участке скрывался абрек Динда-Пето. Вот он, у вас перед глазами. Почему не сообщили? Почему не арестовали?

– Я... я не знал.

– Плохо! Вы не знали, и мы, благодаря вам, тоже. А вот коллежский советник Лыков приехал из Петербурга – и узнал. Как так?

– Лыков? Из Петербурга?

– Кстати, познакомьтесь. А сейчас помогите оформить все протоколы, а потом пишите рапорт.

– Какой еще рапорт?

– На имя начальника округа. В нем и объясните, почему вы позволили абреку разгуливать под вашей юрисдикцией.

Князь окончательно смешался и отошел в сторону. А сыщик сказал капитану:

– Теперь нас много, можно ехать в Закаталы. Трофеи пусть не спеша соберут, опишут и доставят позже.

– Согласен, батоно.

Группа всадников триумфально вернулась в крепость. Сам полковник Павлов выбежал на плац встретить храбрецов. Алексей Николаевич представил ему Имадина и сообщил, что тот лично схватил главного преступника. Гвелисиани подтвердил это. В результате чеченцу выделили место в гостевом домике, в одной комнате с Лыковым, и поставили его на

довольствие. Начальник округа хотел сразу же телеграфировать в столицу края о крупном успехе. Но Лыков заявил:

– Сначала я допрошу Чолокова.

Обоих арестантов посадили в новый корпус тюрьмы, причем порознь. Коллежский советник не спеша отобедал, вздремнул часок и отправился на допрос.

Динда-Пето глядел на него волком. Сыщик не обратил на это внимания. Он сел напротив абрека, вынул из кобуры наган и положил на стол.

– Поговорим?

– С-собака...

– Ты, дурак, повторяешь одно и то же. Как заевшая граммофонная пластинка.

– Шакал! Ослиный сын!

Сильный удар сбил пленника со стула. Динда-Пето с трудом поднялся: и хотя смотрел на Лыкова с той же ненавистью, уже помалкивал.

– Тебе жить незачем. Будь моя воля, пристрелил бы прямо здесь, – сказал ему сыщик. – Хотя постой! Зачем откладывать? Воли моей вполне достаточно. Скажу, что ты напал на меня, а я защищался. Как думаешь, съедят?

Абрек смотрел озадаченно.

– Конечно, съедят. Потом, даже если и усомнятся, что с того? Ты известная сволочь, полицейского недавно убил. У меня на глазах. – Голос сыщика стал предельно жестким: – Никто мне слова не скажет. Даже одобряют. Потому зачем тебе жить? А?

– Я абрек, я никого не боюсь, – хрипло ответил Чолоков.

– Вот сейчас и проверим.

Лыков вытряхнул из нагана патроны, оставив в барабане только один.

– Ну, поиграем в рулетку? Буду крутить барабан до тех пор, пока не прострелю твою дурную башку. Хоть развлекусь. Или...

Головорез побледнел, но по-прежнему молчал.

– Или пока ты мне не скажешь, кто выдал нас с поручиком. Ну, дошло? Ведь кто-то выдал. Ты ждал нас на дороге, ты точно знал, когда мы поедем в Гомборы. – Он крутанул барабан.

Пленник застыл, не сводя глаз с револьвера. Лыков приставил ствол к его лбу и добавил:

– А когда я один поехал в горы, ты тоже знал. Послал убийцу. Ну, решайся. Раз... два... три!

Динда-Пето сжался в комок и закрыл глаза. Выждав секунду, сыщик

спустил курок. Раздался щелчок, но выстрела не последовало.

– Первый раз мимо, – констатировал питерец. – Повезло тебе, скотина. Посмотрим, когда твое везение кончится.

Он снова закрутил барабан. Тут абрек не выдержал и крикнул:

– Шмыткин!

– Что Шмыткин? Он тебя предупреждал оба раза?

– Да, он.

Лыков быстро сочинил протокол допроса и протянул Динда-Пето. Тот не глядя подписал.

– Ну, уже лучше. Шмыткин помогает разбойникам «отчищать» добычу?

– Да.

– А кто еще?

– Я не знаю, я простой абрек.

– Врешь! Козюлькин тоже в деле? Он главный?

– Не знаю никакого Козюлькина.

Коллежский советник осуждающе покачал головой и потянулся к револьверу.

– Безвуглый все знает, спроси Безвуглого! – взвизгнул кочи.

– Это еще кто?

– Первый в Тифлисе бандит. Он меня свел со Шмыткиным, он предложил и купоны поменять меченые.

Алексей Николаевич задумался. С одной стороны, есть результат: абрек начал давать показания. Правда, он пытался юлить. Его можно было сейчас дожать и выбить еще что-нибудь. Но с другой стороны, стоило ли перегибать палку? Допрос опытного преступника – целое искусство. Надо подготовиться, посмотреть захваченные в кунацкой улики, ловить на противоречиях. Понадобится помощник, чтобы вымотать арестанта. Сыщик понял главное: Динда-Пето боится смерти. И на этом его неминуемо удастся сломать. Притом делать это лучше в Тифлисе, поближе к агентам «большой постирочной», чтобы сразу производить аресты.

– Ладно, Елизбар. Будешь сотрудничать – тогда получишь шанс. Но учти, за убийство полицейского офицера тебе полагается виселица. Только чистосердечное признание и помощь в аресте сообщников могут тебя спасти. И то, если государь захочет.

Чолоков напрягся, не сводя с сыщика глаз.

– На государя влияет министр внутренних дел. Тот, кто послал меня сюда. Он ждет рапорта по завершении дознания и прислушается к моему мнению. Значит, Елизбар, твоя жизнь зависит главным образом от меня.

Понимаешь?

– Угу...

– А ты очень меня разозлил, очень. Шанс твой крохотный.

– Они заставили убить кровника, заставили. Я не хотел.

– Кто заставил?

– Большие люди, – глухо сообщил абрек.

– Какие? Назови имена, должности.

– Я же говорю, не знаю. Простой абрек, кто мне скажет? Они давно уже используют Динда-Пето. И не только. Все разбойники в крае платят, чтобы их не поймали. Не будешь платить – стражники тебя убьют. Шмыткин сказал: если я не кончу того поручика, покровительство снимут.

– И что тогда?

– Тогда конец. Рано или поздно застрелят. Шмыткин приказал – я исполнил.

– Это полиция? Покровительство за деньги оказывает полиция?

– Полиция или кто еще – какая нам разница? Они не представляются. Мы видим лишь посредников в низких чинах. Но все очень строго. Плати десять процентов и делай, что хочешь. Однако так не везде. В Закатальском округе покровительства нет. В Горийском уезде тоже.

– А обмен меченых купонов?

– Там другие расценки. Пятнадцать процентов было, а теперь они повысили до двадцати. Любые бумаги и любые суммы.

– Почему повысили?

– Шмыткин сказал, стало труднее. В Петербурге пронюхали, послали сюда сыщика. Тебя, значит. Вот расценки и выросли.

Алексей Николаевич вернул пленника в камеру и пошел на телеграф. Там он отбил депешу: «Губернатору Свечину, сс Трембелю. Абрек Динда-Пето мною арестован. Завтра будет доставлен в Тифлис. Данной министром внутренних дел властью приказываю задержать помощника полицмейстера Шмыткина. Принять меры к его изоляции. Кс^[38] Лыков».

После этого питерец навестил начальника округа. Тот читал протокол изъятия вещей у Борева.

– Однако награбили ребята, – сказал он, отодвигая бумагу. – Спасибо, Алексей Николаевич. Пришел, увидел, победил. Вот это я понимаю: сыщик. А мы тут...

Лыков вспомнил слова абрека, что в Закаталах ему покровительства нет. И смягчился. Павлов, при всем его стариковстве, был честный служака. А капитан Гвелисиани просто молодец.

– Андрей Павлович, я завтра возвращаюсь в Тифлис. Нужен конвой.

Мы, помните, говорили про елисуйцев?

– Помню. Штабс-ротмистр Магрурыбал Хан-Елисуйский будет здесь через сорок минут.

– Без меня прошу не начинать.

В ожидании хана коллежский советник пошел к товарищу. Он вывел Имадина за ворота и спросил, указав вниз:

– Видишь это?

К форштадту спускалась дорога, по обеим ее сторонам росли платаны.

– И что?

– Завтра утром мы будем спускаться по этой дороге. Где бы ты поставил засаду?

– Слева, на полпути вниз.

– Я бы тоже. Мишени некуда будет деться. А стрелку легко убраться в лес.

– Что ты предлагаешь?

– Встань там с полуночи и будь наготове.

Чеченец усмехнулся:

– Хочешь, чтобы я поймал их, как ты поймал меня?

– Думаю, стрелок придет один. Но возможно все. Может, дать тебе напарника? Капитан Гвелисиани – храбрый человек, он не откажется.

Имадин задумался, потом произнес:

– Храбрости мало, нужна еще опытность. А капитан стоял когда-нибудь в засаде шесть часов? И чтобы ни одна ветка под ним не хрустнула?

– Не знаю. Можно спросить.

– Нет, тут требуется разбойник.

– Или бывший пластун, – засмеялся Лыков, имея в виду себя.

– Бывший пластун? – не понял чеченец. – Такой, как Безвуглый?

– Ты знаешь этого бандита? Расскажи мне о нем. Он тоже из пластунов?

– Да. Очень опасный. Дезертир, сбежал из Четвертого Кавказского пластунского батальона. Причем был там унтер-офицером.

– Не может быть! Кто же пустил такого в унтера?

Алибеков пояснил:

– Кажется, у вас это называется инструктор. Он обучал новобранцев пластунским приемам. Лучший стрелок округа, а также победитель в соревновании Тифлисского гарнизона по рукопашному бою. Еще Безвуглый любит криви, это грузинский кулачный бой. В Сурп-Карапетовском овраге дерутся на деньги. И в чидаоба участвует, это уже борьба. Она бывает в саду «Италия» на Михайловском проспекте. И там, и

там пластун часто побеждал.

– И что же сбило его с пути?

– Видать, был гнилой, вот и треснул. Как-то его поставили в воскресенье под ранец по пьяному делу. Он рассердился, ударил фельдфебеля. Угодил на гауптвахту. Откуда сбежал, перебив караул.

– Недооценили? – понял сыщик.

– А кто знал, что он такой? Теперь вот знают, а поймать не могут. У Безвуглого шайка в несколько человек, собрал из дрянных солдат. И другие ему помогают.

– Шайка из военных? Плохо.

– Чего уж хорошего... – согласился чеченец. – У них знакомства по всем полкам. В каждом найдется кто-нибудь с гнильцой. При оружии, и полиции в казармы вход запрещен. Они собираются на грабеж, а потом раз! – и нету их.

– Где искать Безвуглого, знаешь?

– Сидел в Шантахе, но теперь куда-то скрылся. Он осторожный, часто меняет адреса.

– Ясно. Ну, готовься.

Лыков пошел на совещание. У начальника округа уже сидел туземец воинственного вида, затянутый в португую. Он говорил по-русски очень плохо, и Гвелисиани помогал ему объясняться.

Коллежский советник потребовал выделить ему в конвой десять опытных людей.

– Как повезете пленников? – спросил Павлов.

– Пленника, – поправил его питерец. – Измаил Боров ваш, нас он не интересуется.

– Ну, пусть одного Чолокова.

– Верхами до станции Цнорис-Цхали железной дороги Баку – Тифлис. Придется проехать Белоканы и Лагодехи, переправиться через Алазань. Допускаю засаду.

Хан-Елисуйский посерьезнел.

– Когда выступаем?

– Завтра в семь утра.

– Я сам возглавлю конвой, – заявил хан.

Офицеры одобрительно кивнули. На этом совещание закончилось. Лыков вывел помощника начальника округа в сквер и рассказал о задании Имадина. Добавил:

– Он будет там без поддержки. А стрелков может быть двое-трое.

– Я встану вместе с ним, – сразу же заявил капитан.

– Сначала, Александр Николаевич, мы вас испытаем. А то все испортите.

Имадин усадил офицера на землю прямо в сквере и вынул часы. Через пятнадцать минут тот не выдержал и пошевелился. И чеченец тут же его забраковал:

– Не выйдет из тебя разбойника, капитан. Один пойду.

Раздосадованный Гвелисиани потребовал испытать самого Имадина. Лыков сел с ним на пару, и они застыли. Терпения грузина хватило на час. Сыщик и бывший разбойник сидели как изваяния.

– Ну, теперь поняли? – спросил Лыков, поднимаясь и отряхиваясь. – Однажды на турецкой войне я провел так полдня. И взял офицера.

День тянулся бесконечно долго. Вечером полковник Павлов сообщил, что неизвестные перерезали линию телеграфа. А Гвелисиани добавил, что в туземной части города неспокойно. Джарцы собираются группами и о чем-то договариваются. О чем именно, установить не удалось.

Начальник округа приказал выставить на ночь усиленные караулы, но это не уберегло от происшествий. В полночь на форштадте вспыхнул пожар. Его быстро потушили, но нашли на пепелище три трупа. Неизвестные ограбили посудно-мебельный магазин, убив хозяина-армянина вместе с женой и дочкой.

Поутру ворота крепости распахнулись, но из них долго никто не выходил. Елисуйцы толпились на плацу, нетерпеливо переругиваясь. Лыков ждал, и лишь капитан Гвелисиани знал, чего именно. И сыщик дождался. В тумане грохнул одинокий выстрел. Офицеры во главе с питерцем побежали вниз. На дороге стоял Имадин с дымящейся винтовкой.

– Где он?

Чеченец молча кивнул в чашу. Лыков за ноги выволок из кустов тело горца, уложил на обочине.

– Давайте сюда Динда-Пето!

Привели абрека. Сыщик спросил:

– Знаешь его?

– Алляс Байрам-оглы.

– Кто он?

– Из шайки Сабин-гуса. Лучший стрелок, всегда попадает в цель.

– Отпопадался, – сплюнул на дорогу коллежский советник.

Имадин вышел из-за плеча абрека и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Он был хороший разбойник. Я его не услышал. Только когда Алляс начал изговариваться...

Лыков недобро осклабился:

– Как думаешь, Елизбар, в кого он собрался стрелять? В меня? Это глупо. Ты уже схвачен, следствие и суд неизбежны. Моя смерть ничего не изменит. Сообразил?

Динда-Пето не отвечал.

– Тебя он хотел убить. Чтобы замолчал навеки. Вот так большие люди распорядились твоей жизнью, – сказал Лыков.

После этого прозвучала наконец-то команда «По коням!». Отряд быстро пролетел город и выступил на юг, к железной дороге. Через два часа миновали Белооканы. Здесь Закатальский округ заканчивался, следующее село – Лагодехи – уже находилось в Кахетии. С полей исчезли татары в шапках грибами, и появились грузины вперемешку с русскими переселенцами. К обеду конвой подъехал к переправе через Алазань. Кажись, вырвались...

Они прибыли на станцию Цнорис-Цхали за полтора часа до поезда. Пассажиров собралось немного. Вдалеке виднелась горстка домов на горе, под развалинами старой крепости. Это был Сигнах. Сколько же крепостей в Грузии?

Лыков приказал оцепить буфет первого класса и никого туда не пускать. Чолоков сидел особняком, ему поднесли полный обед. Елисуйцы, гордые данным им поручением, ходили по платформе и звенели шашками. Штабс-ротмистр присоединился к сыщику и его приятелю и уплел бараний бок. Даже выпил украдкой стакан вина и повеселел.

– Мы можем доконвоировать тебя до самого Тифлиса, – сказал он Лыкову. – Только оплати нам проезд в оба конца и... как это? Суточные. Каждому джигиту по рублю и десять мне.

Алексей Николаевич вынул бумажник.

– Буфетчик! Накормить весь конвой. Что у тебя есть?

– Форель, только что в Алазани плавала, ай, вкусная!

– Тащи.

Всадники повеселели и радостно расселись за столы. Хан-Елисуйский вкрадчиво спросил:

– Ну как, мы договорились?

– Нет, штабс-ротмистр. Мы уж сами.

Когда вдали появился поезд, Алексей Николаевич лично вручил каждому конвойцу по рублю. Всем, кроме хана.

Втроем они заняли пустое купе. Динда-Пето, кажется, уже смирился с неизбежным и сразу уснул. Имадин на всякий случай не сводил с него глаз. А сыщик смотрел в окно. Там во всей красе раскинулась Алазанская долина. По обеим сторонам полотна тянулись сплошные поля ячменя и

пшеницы, на склонах гор зеленели виноградники. Синее небо, синяя река, золотое солнце... Благословенное место...

Он любовался, а сам думал. В Тифлисе надо еще суметь доставить абрека в тюрьму. Большие люди не бросят попыток прикончить опасного свидетеля. На вокзале могут подстеречь или нападут на экипаж. Поэтому, когда они прибыли в город, коллежский советник сразу отвел арестанта в жандармский пункт. Оттуда его выпустили через служебный ход и усадили в закрытую коляску. Имадин сел рядом с кучером и держал винтовку наготове.

Так они приехали в городское полицейское управление.

Глава 8

В Тифлисе хуже, чем в горах!

Полицмейстер Ковалев радостно шагнул навстречу сыщику:

– Слава богу! Ну вы, Алексей Николаевич, ловкий человек! Обещали доставить Динда-Пето – и доставили. А мы уж вас схоронили. Сообщили министру, что его чиновник пропал без вести и наверняка погиб. Получили от него по выговору – все, начиная с генерала Фрезе. Вон оно как... Слава богу!

– Погодите, Георгий Самойлович, – остановил его коллежский советник. – Шмыткина арестовали?

Полицмейстер сразу погрузился:

– Не успели.

– Что значит не успели? Вы его упустили?

– Шмыткин застрелился.

– Как это получилось? Откуда он узнал об аресте?

– Ведется дознание, – доложил Ковалев. – Лично мною ведется. Ума не приложу, Алексей Николаевич, что вы там раскопали. Но мой помощник выстрелил себе в сердце. Он дежурил в Казенном театре, был старшим по наряду. Получив вашу телеграмму, я сначала глазам не поверил... Думал – ошибка какая-то. Уж извините, говорю, как есть. Но делать нечего, подумал, надо идти в театр. Пока шел, речь сочинил. Так, мол, и так, Кузьма Степанович, тут явно недоразумение. Мы, конечно, разберемся. Но ты пока сдай шашку и посиди дома под караулом. Такой вот спич сложил. Но он не пригодился. Потому как, придя в театр, Шмыткина я обнаружил уже мертвым.

– Точно он сам себя? Пояс ожога есть на теле? Платье оплавлено?

– Все признаки налицо.

– Где Шмыткин покончил с собой?

– В комнате для реквизита.

– Записки не оставил?

– Нет.

– Что дал обыск в его доме?

Ковалев вздохнул с тоской.

– Что молчите? Краденое нашли, деньги?

– Точно так. Двадцать тысяч в доходных бумагах. Вот скажите,

Алексей Николаевич, откуда у коллежского асессора такие суммы? А пять золотых часов откуда? И для чего они ему? Их же все пять не нацепишь. И носить по очереди не будешь, потому что сразу появятся вопросы.

Ковалев замолчал с тоской. Питерец дал ему небольшую передышку, а потом сказал:

– Динда-Пето надо поместить в тюремный замок. Лучше в Метехский.

Метехский замок являлся отделением губернской тюрьмы. Считалось, что он лучше охраняется и побег оттуда невозможен. Однако из-за тесноты и непригодности он вмещал малое число узников.

– Там места нет, даже для самых отчаянных не находим, – возразил Ковалев. – Разве только в общую.

– В общую ни в коем случае!

Началась обычная в таких случаях волокита. Пленный сидел пока в арестном помещении полицейского управления. Георгию Самойловичу пришлось телефонировать вице-губернатору Алышевскому. Тот категорически заявил, что свободных камер в Метехи нет. Только что в замок поместили борчалинцев, отъявленных бунтовщиков. Жители селения Акпет отказались подчиниться решению Окружного суда по иску князя Баратова. Когда судебный пристав в сопровождении полиции явился для исполнения решения, на них набросились триста жителей селения во главе со священником! Стражей порядка побили и прогнали. Вчера двенадцать зачинщиков этого возмутительного мятежа заключили в Метехи, в том числе и батюшку. Поэтому Динда-Пето пусть селится на Эриванском шоссе. Он со всеми своими кровавыми подвигами не дорос до такой чести, его место в губернской тюрьме. Только там тоже нет пустых одиночных камер. Пусть посидит в общей, черт с ним.

Питерец был иного мнения о том, как надо караулить абрека. Тот слишком много знал. И Алексей Николаевич отправился в Метехи, прихватив с собой полицмейстера. Помощник смотрителя князь Чиковани повел гостей по казематам. Действительно, тесно, арестанты сидят друг у друга на головах. Но Лыков не отступал. В крохотной одиночке он обнаружил бородатого дядьку с бешеными глазами.

– Кто такой?

– Арутюн Далаков, убийца дворянина Араса Шаверова, – доложил помощник смотрителя.

– А чего он у вас сидит, как важная персона?

– Распоряжение следователя Лорийского участка.

– Тоже мне. Переселить его в губернскую тюрьму, а Динда-Пето – на его место.

– Но...

– И чтобы никакого общения с другими заключенными!

Чиковани замялся. Тогда сыщик вынул свой открытый лист и молча протянул князю. Тот стал читать, а когда дошел до подписи Плеве, вытянулся во фрунт:

– Все будет исполнено, господин коллежский советник!

– То-то.

Разобравшись с этим вопросом, Лыков перешел ко второму.

– Георгий Самойлович, – сказал он полицмейстеру, – покажите мне деньги, что нашли у Шмыткина.

– Они в моем кабинете.

– Едем.

– Алексей Николаевич, вы так и не ответили на мой вопрос. Я жду.

– Что я узнал от Елизбара Чолокова о вашем помощнике?

– Ну конечно.

– Именно он навел абрека на поручика Абазадзе. Сообщил время поездки, маршрут и дал команду убить Арчила.

Ковалев опешил:

– Как может помощник полицмейстера дать команду абреку?

– Оказывается, может. Динда-Пето рассказал мне много интересного на первом допросе... Расскажет еще больше, когда мы возьмемся за него вместе со следователем. Не хотите поучаствовать?

– Хочу, – заявил коллежский советник, почувствовав в словах питерца скрытый смысл. – Все же Шмыткин был моим помощником. Что я в нем не разглядел? Сапоги вот он, правда, носил с жандармскими шпорами... Но тщеславие – невеликий грех.

– Скажите лучше, было ли соперничество между ним и Абазадзе?

Полицмейстер ахнул:

– А ведь точно! Кузьма Степанович, сказать по правде, человек вчерашний. Из казаков, а те известные любители трофеев.

– В каком смысле? – уточнил Лыков.

– Вещи при обысках пропадали, – пояснил Георгий Самойлович. – Короче, решил я Шмыткина заменить. Но Арчил был еще молод. – Тут голос полицмейстера дрогнул, но он взял себя в руки. – Молод, говорю, для такой должности. Стал я парня растить. Уже придумал как. В Тифлисе десять полицейских участков, и на трех нет пристава. Вакансии. Никто не хочет идти на такое мизерное содержание. А кто готов, тех я не хочу. Вот и решил я назначить Абазадзе приставом на пятый участок. Не успел...

– То есть, – продолжил его мысль питерец, – вы хотели вырастить из

Арчила Константиновича нового помощника. Годик в приставах, а там, если справится, и к себе забрать?

– Да.

– Шмыткин знал об этих ваших планах?

– Догадывался. Он был не умный, но хитрый.

– Получается, убрал конкурента. Руками абрека Динда-Пето.

– Получается так, – согласился полицмейстер. – Но это не дает ответа на мой вопрос. Как мог Шмыткин что-то приказать абреку? Кто он для этого?

– Ваш помощник состоял в агентах «большой постирочной», – пояснил сыщик. – Поэтому я и хочу разобрать доходные бумаги, что вы нашли у него на квартире. Если среди них отыщутся краденые, помещенные в списки разыскиваемых, – вот вам еще одно доказательство его причастности.

Они приехали в управление полиции, и Алексей Николаевич сразу взялся за дело. Ковалев достал из тумбы стола пять или шесть пачек, перевязанных бечевкой. Из одной пачки чуть-чуть высывались краешки. Лыков потянул за них и вытащил два закладных с выигрышем листа Дворянского земельного банка.

– Странно... Будто их потом вложили, наспех.

Ковалев лишь пожал плечами. Сыщик стал развязывать пачки и раскладывать бумаги на столе.

– Плохие по большей части, – снова обратился он к хозяину кабинета.

– Я в этом ничего не понимаю, – признался Ковалев. – Жалованья на жизнь не хватает, не то что на банковские операции.

– А я вынужден разбираться, – вздохнул питерец. – Будучи опекуном лесного имения. Оно дает доход, нужно правильно им распорядиться.

Полицейстер покосился на сыщика с уважением:

– Значит, вы могли бы и не служить?

– Мог бы. Даже выходил в отставку... По семейным обстоятельствам^[39]. Но вернулся. Скучно без службы, Георгий Самойлович.

– Эх! – вздохнул полицмейстер. – Будь у меня лесное имение – ни дня бы не раздумывал. Прочь отсюда, и заниматься собственным делом. Вот ей-богу, Алексей Николаевич, ни дня!

– Но бумаги все-таки паршивые. Как будто их нарочно так подбирали – ни одной первоклассной.

– Чем же они плохи? – заинтересовался Ковалев, разглядывая радужные бланки. – Купонов вон сколько необрезанных...

– Сейчас на рынке кризис, уже четвертый год подряд. Лично я покупаю для вложения только государственные и железнодорожные облигации, они надежнее. И так поступают все настоящие игроки. А тут провинциальные банки, металлургические заводы, даже долговые расписки ссудно-сберегательных товариществ. Мусорные бумаги, как выражаются биржевики.

– А те две, что лежали особняком?

– Они из списка краденых, – вспомнил Лыков. – Похищены у статской советницы Шнелге в Арзамасе.

– Вот и доказательство, – оживился Георгий Самойлович. – Значит, мой покойный помощник действительно агент «большой постирочной»! Ну и дела... Я, признаться, до сей поры в нее не верил.

Полицейские помолчали, потом Ковалев спросил:

– Что еще сообщил вам Динда-Пето?

– Абреку велено было убить лишь поручика Абазадзе, а чиновника из Петербурга не трогать.

– Вот как? А почему?

– Кто знает... Думаю, им не к масти был труп столичного полковника. Дознание начнется, не ровен час из Петербурга сыщики приедут. Хотели меня напугать, а еще оборвать концы. Ведь штабс-капитана Багдасарова явно зарезали по приказу тех же людей.

– Это вам тоже Чолоков сказал?

– Нет, сам догадался, – покачал головой Лыков. – Уж больно вовремя напал на него собственный денщик. Именно тогда, когда офицера решили арестовать.

– Но сейчас-то вы уже не нужны им живой, – сообразил полицмейстер. – И значит, находитесь под ударом.

– Так и есть. Имадина Алибекова послали, чтобы меня убить. Команду дал все тот же Шмыткин.

– Не делайте из Кузьмы Степаныча демона зла, – махнул рукой Ковалев, словно отгоняя муху. – Не тот у него был калибр.

– Так об этом и надо думать, Георгий Самойлович. Коллежский асессор и по характеру, и по занимаемой должности на крупную фигуру не тянет. Так, надзирающее око главного организатора в тифлисской полиции.

– Главного организатора? Ну-ка, подробнее, пожалуйста.

– Подробнее пока не могу, – усмехнулся сыщик. – Только домыслы и предположения. Позвольте изложить их на совещании у статского советника Трембея. Собраться предлагаю сегодня вечером. А после того, как я изложу свои соображения, думаю, всем нам захочется побеседовать с

Динда-Пето. Он что-то подтвердит, что-то от него самого скрывают. Но в любом случае вам станет понятнее, как устроена «большая постирочная». А теперь, Георгий Самойлович, пусть ваши люди составят опись шмыткинских трофеев. Возьмите ее с собой к Трембелю, в ней есть некоторые подсказки.

Лыков ушел из кабинета полицмейстера задумчивый. Не зря ли он откровенничал с Ковалевым? Вдруг и тот – агент преступников? Ведь такое большое предприятие возможно лишь при покровительстве властей. Причем с самого верха, уровня ближайшего круга главноначальствующего. Есть уезды, где разбойникам дают грабить безнаказанно – только делись. И начальник уезда не боится, что его снимут за бездействие. Это как? Кроме того, полиция края усердно разыскивала следы подмены денег в казначействах. И ничего не нашла. Похоже на заговор. Ковалев, как и Трембель, был у Алексея Николаевича на подозрении – они оба тянули на заправил «большой постирочной». Но нельзя же им прямо так и заявить! Он вынужден будет вести дознание при активном участии этих двух чиновников. Скрытно наблюдая за ними и ожидая подвоха или тайного противодействия.

Днем Лыков с Имадином сидели в номере и беседовали. Чеченец старался меньше бывать на людях, он еще не привык к легальной жизни. В дверь постучали, и тут же ворвался Скиба – всклокоченный и радостный.

– Алексей Николаевич, дорогой вы мой! Как я рад увидеть вас снова! А мы тут... Сами понимаете...

– Пришлось ненадолго помереть, Максим Вячеславович, – улыбнулся сыщик. – Для пользы дела.

– Очень-очень! Нет слов как.

– Позвольте представить моего товарища. Алибеков Имадин Алибекович.

Отставной разбойник и отставной сыщик познакомились. Оба держались настороженно, но вежливо. Скиба пригласил приятелей в гости. Лыков согласился, но только завтра вечером. Прощаясь, трамвайщик сказал:

– Виктория тоже очень обрадовалась, когда узнала, что вы живы.

– Какая Виктория? – не понял Лыков.

– Которая Павловна. Врач Фомина-Осипова – позабыли? Встречались у меня дома.

– Ей-то что за дело? – не поверил коллежский советник.

– Ну как же. Вы популярный человек в нашей маленькой компании. Я много лет о вас рассказываю всякие диковинные вещи. Вот она и

вдохновилась. Но тут вдруг человек-легенда погибает в горах... Виктория расстроилась, даже плакала. И неожиданно вы вернулись с того света! Подтвердив тем самым правдивость моих рассказов. Абрека Динда-Пето на веревке притащили! Которого вся полиция поймать не могла...

– А откуда вы знаете про Динда-Пето?

– Трембель вчера в клубе сообщил. А что, нельзя было?

Лыков махнул рукой:

– Вы отставной коллежский советник из Департамента полиции, вам все можно.

– Так что сказать Виктории Павловне?

– Э-э...

– Алексей Николаевич, куйте железо, пока горячо, – подмигнул Скиба. – На Фомину пол-Тифлиса заглядывается, в ее спальню пролезть хотят. А вы кочевряжитесь.

– Ну мы же условились завтра вечером.

– Часов в восемь?

– Да.

– Так и передам супруге... И Виктории Павловне. Имадин Алибекович, вас тоже ждем.

Когда посетитель ушел, Имадин хмыкнул:

– Куй железо... Ишь, ковальщик.

– Кузнец, – поправил друга сыщик.

– Может, мне не ходить? А то еще помешаю.

– Думаешь, барыня увлечется тобой больше, чем мною? А что, романтический герой... Разбойник, бунтарь... У тебя тоже есть шанс.

– А кто она? – заинтересовался чеченец.

– Жевешка, то есть женщина-врач. Служит в городской управе, санитарией занимается.

– Не пойду, – сразу заявил Имадин. – Развейся один, а я тут посижу.

– Только на улицу не суйся без меня, – предостерег коллежский советник.

– Я что, маленький? В горах выжил, а уж в Тифлисе.

– В Тифлисе хуже, чем в горах. Ты для многих опасных людей изменник – забыл?

– Алексей, что же теперь делать?!

Чеченец сел и принялся нервно тереть скатерть.

– Сегодня я решу этот вопрос, – стал успокаивать его сыщик. – С самым главным по полиции и с полицмейстером Тифлиса. Выправим тебе документ, и поедешь на войну. Только чуть-чуть поможешь мне в одном

деле.

– В каком? – вскинул голову Имадин. – Еще кого-то предать?

– Бывший пластун Безвуглый, по-твоему, хороший человек?

– Он вообще не человек.

– Я хочу его поймать. Очистить город от этой дряни. Неужели не поможешь?

Алибеков задумался.

– Но это в последний раз? Поймаем, и я уеду на войну?

– Да.

– Хорошо. Что я должен делать?

Лыков сел напротив друга, положив руку ему на плечо.

– Понимаю, тебе это противно. Но если бы ты сдавал полиции приличных людей. А тут... Сам говоришь, что Безвуглый не человек.

– Что я должен делать?

– Подумать. Где может прятаться атаман? У него, ты сам говорил, целая шайка. Нужны притоны, барыги, наводчики. Ты часто бывал в Тифлисе?

– По разбойничьим делам? – уточнил Имадин. – Нет, два или три раза всего. Слишком опасно.

– Но Динда-Пето утверждает, что от здешней полиции можно откупиться.

– Таким, как он – может быть. А я одиночка, никогда не добывал больших денег... Нет, меня ловили всерьез.

– Хорошо. Где ты останавливался в Тифлисе? Человек, которого всерьез ищет полиция.

– Есть темные постоянные дворы, там не требуют прописки. Плати рубль в день, и живи, сколько хочешь.

– Хм. Это для приезжих. А наш пластун давно живет в городе.

Чеченец задумался:

– Понимаешь, про рубль в день это я так сказал. На самом деле на таких приезжих хозяин зарабатывает больше всего. Есть захочешь – плати. Сбыть добычу – плати. Точнее, отдай за полцены и будь доволен. Бабу надо – плати. И все будет стоить дороже, чем для других.

– К чему ты это говоришь?

– К тому, Алексей, что укрывать Безвуглого, да еще с целой шайкой, – очень выгодное дело. Они тоже платят за все, причем по высшему тарифу. Иначе продадут.

– Так. И что дальше?

– Нельзя скрыть, когда у тебя прячется пять-семь человек. Тифлис –

маленький город, это не Москва или Петербург. Все соседи знают, и околоточный тоже рано или поздно узнает...

– Ага!

– Да, рано или поздно. Тогда или менять притон, или...

– Купить околоточного, – закончил за чеченца Лыков.

– Правильно. Еще это точно окраина. Не на Головинском проспекте спрячется атаман с шайкой.

– Понятное дело, – кивнул сыщик. – А если учесть, что он из военных...

– Соображаешь, – рассмеялся Алибеков. – Вот ты и очертил круг. Слобода на окраине, где продажный околоточный и много военных.

Сыщику пора было уходить на совещание, но тут чеченец встревожился:

– А что сейчас с Динда-Пето?

– Сидит в Метехском замке.

– В одиночке?

– Конечно.

– Его нельзя никак сажать в общую камеру. У любого абрека много кровников. Если кто-то из них окажется рядом – убьют.

– Не бойся. Елизбар в изоляции, и я строго-настрого запретил любое с ним общение.

Лыков отправился на улицу Петра Великого. Его уже ждали Трембель с Ковалевым. Статский советник торжественно пожал руку коллежскому:

– Впечатлен! Урок сысского мастерства – вот что вы нам преподнесли, Алексей Николаевич. Я, признаться, не поверил Скибе.

– Скибе?

– Тот заявил: вы из таких передраг вылезали, что хоть романы пиши. Правда, будто бы однажды вас завалило в пещере? Вы несколько дней там просидели, чуть не застрелились с горя. А потом взяли и вылезли...

– Было такое^[40].

– И вот снова утерли всем нос, – восхитился Трембель. После чего посерьезнел и указал рукой на стул: – Прошу. Надо о многом поговорить. Начнем с того, что вам рассказал Динда-Пето. Мы его сейчас, конечно, допросим. Но первые сведения хочется услышать немедленно.

– Самое главное, господа, что абрек обрисовал мне общие контуры «большой постирочной»...

– Ух ты! Он тоже в деле?

– Как один из посредников. Дайте мне перо и бумагу, Карл Федорович. Буду сейчас рисовать.

Сыщик положил перед собой чистый лист и начал чертить на нем схему. Но вдруг отложил перо.

– Первые сведения о деле я получил все же не от Чолокова, а от Имадина Алибекова. И обещал ему за это помилование. Давайте решать, как быть.

– Ай-ай, какое легкомысленное обязательство, – сощурился начальник особого отдела. – Вы еще не государь, чтобы обещать такое.

– Способ получить прощение есть, и он в руках у Плеве, – напомнил ему Лыков. – Вы же готовили документы на тех пятнадцать человек, что уходят на войну?

– Готовил, – подтвердил статский советник.

– Где пятнадцать, там и шестнадцать.

– Ну, если вы берете разговор с министром на себя...

– Еще как беру. От вас, Карл Федорович, честно говоря, в этом деле ничего не требуется. Только выдать Имадину временное удостоверение личности.

– С разрешения министра – хоть завтра.

– Вы его пока подготовьте, – жестко закрыл тему питерец. – Скоро понадобится.

И опять взялся за перо.

– Значит, так. Базисом «большой постирочной», как я и предполагал, является Тифлисское казначейство. Финансовым покровителем лавочки состоит господин Козюлькин.

– Не может быть! – ахнул Ковалев.

А Трембель ударил кулаком по столу:

– Факты есть? Бросить такое обвинение против губернского казначея!

– Допросим Елизбара Чолокова и получим факты.

– Слова полуграмотного туземца? – покачал головой Трембель. – Против слов действительного статского советника.

– Что же, дэ-эс-эсы^[41] уже не могут совершать преступлений? – язвительно осведомился Лыков. – Они все святые?

– Без фактов – да. А слов абрека недостаточно, пусть предъявит доказательства. Расписки или что-то подобное.

– Карл Федорович, а как вы представляете себе такую расписку? Я, Козюлькин, взял у бандита Чолоковаворованные деньги, сумма прописью, и обменял их на «чистые». Так, что ли?

– Ну, тогда хотя бы несколько свидетелей!

– Прикажете вызвать их из горных убежищ в суд? Какие могут быть свидетели в таком деле?

– Господин коллежский советник, – начал Трембель, задыхаясь от возмущения, – вы действительно собираетесь арестовать губернского казначея на основании показаний одного преступника? А если это оговор?

– Нет, господин статский советник, я не так глуп, – парировал сыщик в том же тоне. – Пока нет веских доказательств, арест невозможен. Мы начали говорить о том, как устроено преступное предприятие и кто им заправляет.

– Но это лишь ваши предположения!

– Разумеется. Вы вольны их оспаривать, подвергать сомнению, требовать проверки. Мы так и собирались поступить, разве нет? Идет дознание. В его рамках я сообщаю непроверенные сведения, полученные путем допроса арестанта. Постепенно наше дознание будет продвигаться вперед. Непроверенных сведений станет меньше. А подтвержденных фактов – больше.

Сыщик уговаривал начальника особого отдела, словно няня – капризного малыша.

– Хорошо, – согласился Трембель, – продолжайте излагать ваши непроверенные сведения.

– По словам двух лиц – Алибекова и Чолокова, – «постибочная» существует уже около трех лет. Началось все с услуги, которую Козюлькин оказал дашнакам.



Статский советник дернулся, но промолчал. Сыщик продолжил:

– Он тогда впервые обернул деньги, полученные боевиками путем шантажа. А потом понял, что спрос на такую услугу высокий и ее можно предложить многим.

– Кому еще? – подал голос полицмейстер.

– Кроме дашнаков, еще партии «Гнчак». Той, что покушалась на князя Голицына. Вообще же клиенты идут с трех сторон.

Трембель схватил карандаш и навис над столом.

– Первые – это террористы-революционеры. Они добывают средства или вымогательством, или экспроприациями. И там, и там деньги могут быть помечены, и возникает необходимость заменить их на «чистые».

– Это дашнаки, «Гнчак», а кто еще? – требовательно спросил статский советник.

– Еще эсеры, анархисты и большевики. От тех обменом занимается некий Камо. Слышали о таком?

– А то как же. Симон Тер-Петросян, сын подрядчика из Гори. Он сейчас в губернской тюрьме.

– Давно?

Начальник особого отдела задумался:

– Так... Когда бишь я его допрашивал? В сентябре прошлого года. С тех пор и сидит.

Странно, подумал сыщик. Имадин сказал, что Камо часто ходит на Александровскую улицу, дверь в казначейство ногой открывает. А он уже восемь месяцев находится в тюрьме. Действительно, слова приятеля надо перепроверять.

– Из политических все?

– Еще поляки. От них сюда приезжают курьеры и через соотечественников выходят на «большую постирочную».

Трембель черкнул что-то и сказал:

– Этих можно вычислить. Есть два человека, которые переписываются с Пилсудским. А я их донесения читаю. Теперь все?

– Из политических вроде все, – согласился Лыков. – Таким образом, это начиналось как армянский гешефт, а выросло в сложное и доходное дело.

– Вы сказали, клиенты идут с трех сторон, – напомнил Ковалев.

– Да. Вторая группа – это здешние разбойники. Их представляет Динда-Пето, он главный посредник между ними и казначейством. Абреки со всего Кавказа меняют «грязные» деньги через него.

– Ну это он нам скоро сам расскажет. А кто третий?

– Третий – некто Безвуглый, – сообщил питерец.

Полицмейстер сразу оживился:

– Беглый пластун? Давно мы эту сволочь ищем! Он тоже «стирает»?

– Безвуглый является посредником от российских бандитов. Те везут добычу в Тифлис, передают пластуну, который и совершает обмен.

Лыков нарисовал кружок и три стрелки.

– Это часть схемы. Надо добавить сюда еще несколько посредников,

которых мы пока не знаем. Одним из них был убитый Багдасаров. Но не единственным!

– А он от кого получал заказы? – поинтересовался Трембель.

– Ну как же, Карл Федорович. Вспомните, с чего все началось. С квитанции в кальсонах Степки Латунного, первого домушника на Выборгской стороне. Думаю, штабс-капитан отвечал в «постирочной» за столицу.

– Может быть. Что еще известно?

– Известна фамилия одного из мошенников в Тифлисском казначействе: кассир первого разряда Баграм-бек Макинский. Но он занимается небольшими суммами, по мелочи.

– Откуда сведения, от тех же двух абреков?

– Имадин не абрек, а разбойник, – поправил Трембеля сыщик.

– А! Какая разница... Если сведения от этих двоих, значит, они так же бездоказательны.

– Пока да.

– Ну вот видите, Алексей Николаевич. На основании голословных обвинений мы никого арестовать не можем.

– Не можем, – согласился Лыков. – В том числе и банкиров.

– Каких еще банкиров? – удивились собеседники.

– В деле участвует не только казначейство. В сговоре с преступниками состоят также банковские конторы Цовьянова и Читахова, а еще банк Тифлисского городского кредитного общества.

– Черт, а я в нем свои деньги держу... – пробормотал статский советник. – Надо срочно забрать.

Тут он опять ударил кулаком по столу:

– Алексей Николаевич! Это что же выходит? Никому нельзя доверять, все продались?

Лыков лишь молча пожал плечами.

– Куда деньги-то переложить? – плаксивым голосом продолжил чиновник. – Семь тысяч триста пятьдесят рублей. Все, что успел скопить. А? Черти суконные!

Питерец деликатно откашлялся и пририсовал к кружочку еще три стрелки.

– Все? – устало спросил Трембель.

– Нет.

– Я так и знал... Вы хотите сказать, что у «большой постирочной» имеются здесь сильные покровители. Правильно?

– Карл Федорович, эта мысль лежит на поверхности. Вы говорили мне,

что делали негласную проверку в казначействах края. И она ничего не обнаружила.

– Козюлкин, сукин сын, – вздохнул Ковалев. – Он же сам себя проверял. Потому и не обнаружил. А вы, Карл Федорович, требуете доказательств. Вот лучшее доказательство!

– М-да... – статский советник схватился за голову. – Что я скажу князю-главноначальствующему?

– Но ведь он уехал? – спросил сыщик.

– Да, убыл в Петербург. Теперь до августа не покажется, а то и до сентября.

– Ну и не забивайте себе голову. Фрезе нормальный, он... – Лыков замешкался, подыскивая слово.

– Он поймет, – подсказал полицмейстер. – И поможет, чем надо.

– Да, помощь Александра Александровича понадобится, – согласился Трембель. – Ваше дознание, Алексей Николаевич, выводит дело на новый уровень. Замешаны такие фигуры, в генеральских чинах... Надо готовить секретную операцию, пора разоблачить мошенников. Берем в разработку кассиров вместе с их начальником: смотрим их формуляры, соответствие расходов доходам, счета в банках, что записано на родственников...

– Дело не в одном Козюлкине, – осторожно начал сыщик. – Динда-Пето сказал, что здешняя полиция продажна. Отдавай ей десять процентов добычи и грабь, сколько хочешь.

– Что?!

– Абрек так сказал, не я.

Кавказцы переглянулись, и Ковалев спросил:

– А фамилии он назвал? Кто потворщик?

– Сейчас пойдем и узнаем! – грозно заявил начальник особого отдела.

Трое полицейских приехали в Метехский замок уже под вечер. Их встретил растерянный князь Чиковани. Лыков сразу понял, что случилось неладное. Он взял помощника смотрителя за рукав:

– Не уберегли?

– Ва... ваше высокоблагородие...

– Как это вышло? Я велел никого в камеру не пускать.

– Парашечники, ваше высокоблагородие. Они, сволочь.

– Яснее, князь, яснее!

Трембель и Ковалев начали одновременно наливать красным цветом. Статский советник рывкнул так, что Чиковани отпрянул:

– Доложить, что произошло!

– Арестант Елизбар Чолоков отказался выносить из своей камеры

парашу. Абрек, им не полагается. Я... виноват, не подумал. Приказал вынести ее дежурным по этажу. Они зашли, двое. При надзирателе, как положено. И один из них, арестант Хочолава, ударил абрека ножом.

– Убил?

– Так точно, убил.

– На глазах у всех? – не поверил Трембель.

– На глазах... Сказал на допросе, что он кровник Динда-Пето и мстил за смерть двоюродного брата.

Лыков повернулся и направился к экипажу. Начальник особого отдела окликнул его:

– Куда же вы, Алексей Николаевич? Надо дознать все, как было.

– Дознавайте, – вяло ответил сыщик. – Я вам такого «языка» привел...

Дошел до фаэтона, постоял, потом плюнул в сердцах и двинулся в одиночестве за ворота. На душе было мутно. Имадин говорил про кровников. И угадал. Неужели правда? С одной стороны, так могло быть, конечно. У каждого абрека длинный список злодеяний. Это на Руси убили, и убили. Мстить доверяют полиции, пусть она ловит, царь ей за это жалование платит. Но тут, на Кавказе, все иначе. Весь род потерпевшей стороны считает своим долгом найти и покарать злодея. Даже в тюрьме на глазах у стражи.

А с другой стороны, опять оборвана важная ниточка. Багдасаров, Шмыткин, теперь вот Динда-Пето. Как только он, Лыков, находит важного свидетеля, тот сразу погибает. И все это цепь случайностей? Не может быть.

– Имадин! – сообразил сыщик и стал ловить извозчика. Ведь чеченец сейчас единственный живой свидетель. Он менял краденые купюры, ходил в казначейство... Значит, постараются устранить и его.

Когда Алексей Николаевич ворвался в номер, Имадин сидел под настенником и читал газету. Практиковался в русском языке.

– Уф! Все в порядке?

Чеченец поглядел на друга и спросил в ответ:

– Что-то случилось с Динда-Пето?

– Да.

– Его зарезали в камере, будто бы кровник. Так?

– Так.

– Ловко.

Алибеков отложил газету и задумался.

– Я... – начал было сыщик, но отставной разбойник жестом остановил его. Так в молчании прошла минута, потом Имадин поднял глаза:

- Мне надо спрятаться.
- Согласен. Потребуются документы, но их я сделаю.
- Тут в дверь постучали, и вошел полицмейстер.
- Алексей Николаевич, Имадин Алибекович, едемте ко мне.
- Зачем?
- За документами. Сами понимаете...

Имадин бросил быстрый взгляд на друга, тот кивнул: вот видишь!

Через полчаса в кабинете полицмейстера хозяин протянул Лыкову бланк.

– Это вид на три года, с полицейской явкой^[42] города Тифлиса, моей подписью и печатью. Чистый. Впишите туда вымышленные имя и фамилию, так, чтобы даже я их не знал.

Алексей Николаевич как раз об этом и хотел просить Ковалева, только не решил, как сказать.

- Спасибо, Георгий Самойлович!
- Еще понадобится оружие.
- Я дам Имадину маузер Динда-Пето.

Тут чеченец запротестовал:

- Оставь его себе, это хорошая штука. Сто рублей стоит!
- Прикажешь дать плохую? – рассердился сыщик. – Твоя жизнь в опасности!

– Ну и что? Она давно уже в опасности, лет двадцать как. Но и твоя, кстати, тоже. Я-то уеду и спрячусь. Ты один будешь знать где. А куда спрячется Лыков?

– Никуда, – поддержал Имадина полицмейстер. – Алексей Николаевич, мы можем приставить к вам человека. Ненадолго. Но что это даст?

– Я сам буду себя охранять, – заявил коллежский советник. – Так не возьмешь маузер?

– Пока вы ходили по совещаниям, я уже купил себе браунинг, – чеченец вынул из кармана пистолет и показал его. – Так что вооружать меня не надо.

Ковалев нахмурился:

- А... Простите мой вопрос, Имадин Алибекович...
- Где купил? На Армянском базаре. У кого – не скажу.

Полицмейстер сник.

- Да-да, конечно. Но хоть цену назовите.
- Шестьдесят рублей, вместе с патронами.

– Денег я дам, – тут же влез Лыков. – И жди, пока я тебя вызову. Думаю, на войну ты уйдешь раньше, чем понадобишься в качестве

свидетеля. Судя по тому, как идет дознание, легким оно не будет. – Подумал и добавил: – Телеграмму Плеве я уже отбил, завтра жду ответ. Но не сомневаюсь, что в отношении тебя он будет положительный. А вот мне его высокопревосходительство даст по шапке...

– За что?

– Свидетели мрут как мухи. А я все брожу в потемках.

– Вы только начали и уже многое узнали, – возмутился Ковалев. – Нельзя требовать невозможного.

– Вы готовы объяснить это Вячеславу Константиновичу?

Полицмейстер замялся, и друзья поторопились с ним проститься. Уже ночь, самое время Имадину исчезнуть.

Сборы заняли несколько часов. Опять консервы, спички, чай плюс бурдюк с водкой. Алексей Николаевич выгреб из бумажника все, что было, – оказалось двести рублей с небольшим.

– Банки откроются только утром, – извиняющимся голосом произнес сыщик.

– Хватит на первое время. А потом я кого-нибудь ограблю и опять стану при деньгах. – Имадин увидел отчаянное лицо приятеля и засмеялся: – Шучу, шучу.

– Где ты решил спрятаться?

– Есть селение Старая Сунжа, две версты от Грозного. Для таких, как я, очень хорошее место.

– Преступное? – догадался Лыков.

– Самое что ни на есть. Это выселок чеченского аула Харачой. Сорок лет назад его спустили с гор за разбои и воровство. Но ничего не изменилось. Как грабили, так и грабят, только теперь город и нефтяные промыслы.

Осталось придумать Имадину новое имя. Посоветовавшись, друзья вписали в документ: Муса Ростамов Талашев, крестьянин селения Бердыкаль Грозненского округа Терской области. Чеченец порылся в карманах и вытащил замызганную бумажку.

– Давай сюда еще впишем.

– Что это? – заинтересовался Алексей Николаевич.

– Увольнительный билет Четвертой Кавказской стрелковой туземной дружины.

– Где ты его взял?

– Где-где... Сам-то как думаешь? В горах, конечно.

– Отобрал у жертвы?

– Ну.

– Зачем он тебе сейчас? Есть паспорт, новый, красивый.

– То-то и оно, что новый, – со знанием дела сказал бывший разбойник. – Полиции подозрительно. Нужны еще бумаги, старые, как эта. Вытравлю хлоркой прежнюю фамилию и впишу Талашева. Так будет лучше.

В два часа ночи питерец с чеченцем вышли через задний ход во двор. Там охранитель закона мастерски открыл воровской отмычкой замок в калитке, и они проникли в соседнее владение. Так же, крадучись, пробрались переулками на Лорис-Меликовскую, где шмыгнули в конюшню комендантского управления. Здесь еще утром Имадин оставил лошадей, дав на лапу конюхам. И вскоре два всадника выступили в ночь.

Через Саперную улицу они спустились в Артиллерийскую слободку. Покрутились чуток, не заметили ничего опасного и поднялись на Верийский спуск. Потом по Ольгинской проехали всю Веру. На мосту через одноименную речку скучал постовой городской, он проводил всадников подозрительным взглядом, но промолчал.

За памятным крестом Тифлис кончался. Справа мелькнули тусклые огни – это были казармы гренадерской артиллерийской бригады. Казачья застава на выезде заинтересовалась путниками. Пришлось предъявить документы. Увидев чин Лыкова, станичники откозыряли и пропустили ночных всадников. Вот она, Военно-Грузинская дорога. Дальше Имадину предстояло ехать одному.

– Телеграфируй в гостиницу, там всегда будут знать, где я, – сказал Алексей Николаевич на прощание.

– А обо мне спрашивать помнишь кого?

– Шейха Бамат Гирей-хаджи.

Чеченец пояснил:

– Это очень уважаемый аксакал, его все знают. – Подумал и добавил: – Вообще-то он тайный правитель Чечни. Но вам, русским, об этом знать не положено.

Лыков от души обнял друга и отпустил его. Имадин прищепил коня и скоро исчез из виду. А коллежский советник отправился обратно. Снова потянулись редкие огни, казаки на заставе торопливо погасили папиросы при виде начальства. Вот и Верийский мост. Тут сыщик остановил Лалу. Постового на мосту не было. Что за черт? Отошел справить нужду? Или...

Он стоял и не решался продолжить путь. Ему казалось, что на том берегу кто-то прячется. Проторчав так несколько минут, Алексей Николаевич вернулся к казакам.

– Урядник, дай мне одного человека. Что-то на мосту неладно.

– Может, одного мало? – насторожился старший. – Разрешите, я тоже с вами!

Они двинулись втроем. Только приблизились к реке, как с той стороны раздались выстрелы. Над головой засвистели пули.

Казаки мигом спешили и ответили. Лыков не стал торопиться. Он вынул маузер Динда-Пето, который теперь носил с собой, и присмотрелся: ночь, ни зги не видать – фонарь разбили первым же выстрелом. Вспышки то тут, то там: нападающие меняли позицию. Казаки целились – и не успевали. Так можно до утра воевать с нулевым результатом. Пора было вмешаться...

Алексей Николаевич засек очередную вспышку, мгновенно навел на то место маузер и повел стволом влево-вправо. Бах! Бах! Бах!

Через секунду он услышал топот ног и, не раздумывая, бросился вперед. Но темнота была на руку противнику. Топот затих под мостом – не лезть же в ущелье. Сыщик скорее почувствовал, чем увидел, темное пятно. Подошел, потрогал, не отводя пистолет. Лежит человек, в крови, и прерывисто дышит. Тут только подоспели казаки. Урядник зажег спичку:

– Кончается. Вы ему в башку угодили... – Нагнулся ниже и добавил: – Ваше высокоблагородие, да ведь это армяшка! Ай, негодный какой народ. На полковника бросился – так тебе и надо.

Тут до Лыкова дошло, что их вели от самой гостиницы. И только ждали, когда друзья расстанутся, чтобы прикончить по одному. И что сейчас на дороге убивают Имадина.

– Урядник, за мной!

Не спрашивая ни о чем, казак полетел за коллежским советником. Они миновали выезд и оказались на Военно-Грузинской дороге. Темнота вокруг стала какой-то особенно плотной и жуткой. То и дело сыщик ждал выстрела, а еще боялся споткнуться о труп товарища. Черт, как же они так неосмотрительно? Путали следы, путали, и все без толку.

Целый час Алексей Николаевич гнал лошадь по шоссе рысью, не разбирая дороги. И никого не встретил. Урядник наконец подал голос:

– Ваше высокоблагородие! Только коней загубим... Надо возвращаться. Через час светать начнет, тогда опять поищем. А сейчас чего?..

Они вернулись к заставе на заморенных конях. Урядник спешил и стал прямо на коленке писать рапорт. Лыков незаметно для других сунул ему в руку «красненькую»:

– Спасибо.

– Рад стараться...

Подъехал на фаэтоне заспанный полицмейстер.

– Вы как, Алексей Николаевич?

– Я в порядке. Труп опознали?

– Да, сразу же. Известная личность.

– Дашнак?

– Из них, верно, – кивнул Ковалев, громко зевая. – Среди ночи разбудили; такой сон хороший снился. О чем уж я?

– О дашнаке.

– Точно. Зовут его Унан Тер-Азарьев. Боевик, в Турции приговорен к смертной казни за убийство полицейского офицера. У нас в Эриванской губернии тоже отметился: зарезал участкового начальника. А вы ему пулю в лоб! Ночью, с тридцати саженой. Теперь эти ребята на вас сильно обидятся...

Тут только Ковалев разглядел лицо сыщика и спросил, понизив голос:

– А где Имадин Алибекович?

– Мы расстались в Сабуртало. Я поехал домой, смотрю – на мосту нет городского...

– Да, его заманили в духан и напоили, – вставил полицмейстер. – Я уже выгнал этого ишака со службы.

– Ну, боязно ехать... Стоял, стоял, все пытался разглядеть, нет ли засады.

– То есть вы что-то почувствовали?

– Да. Обругал себя за трусость, решил было прорываться. Но все же вернулся за казаками. И как оказалось, не зря.

– Вы, Алексей Николаевич, взаправду легендарная личность, – одобрил Ковалев. – Я, когда слушал Скибу, думал, он привирает. А вы опять всех объегорили. Но что с Алибековым?

– Не знаю. Когда закончился бой, мы одного казака оставили, а сами с урядником помчались по шоссе. Но никого не нашли. И это очень меня беспокоит.

– Если бы ваш товарищ ехал, как собирался, вы бы его догнали, так?

– Да, Георгий Самойлович. Дорога одна, свернуть некуда. Мы гнали что есть мочи целый час. Имадин пропал.

– Возвращайтесь в гостиницу и постарайтесь немного поспать, – посоветовал полицмейстер. – Сейчас уж ничего не изменить; что случилось, то случилось. В час дня совещание у Фрезе. Вопрос один: как дальше вести дознание? В свете новых обстоятельств.

– Заметьте, Георгий Самойлович, на меня покушались дашнаки. Те, с кого началась вся лавочка. Имадин сказал правду.

Но Ковалев не стал слушать:
– Немедленно в кровать!

Глава 9

В свете новых обстоятельств

Лыков явился к Фрезе с больной головой. Генерал от инфантерии накинулся на него с напускным раздражением:

– Ну и затеяли вы тамашу!^[43] Так было в Тифлисе тихо и спокойно.

– Вот-вот! Три года в Тифлисе для всей России ворованные деньги «отстирывали». Пока власть дремала. А теперь я вам покой нарушил, – съязвил Лыков в ответ.

– Ну, господа, начнем.

На совещании присутствовали Трембель, Ковалев и два новых лица. Генерал представил их питерцу:

– Члены Совета главноначальствующего: от МВД действительный статский советник Устрялов, а от министерства финансов – тайный советник Султан-Крым-Гирей.

Устрялов сразу попытался взять быка за рога:

– Я правильно понял результаты дознания коллежского советника? Вы обвиняете во всем Козюлькина. Но улики не предъявляете. Если не считать слов каких-то абреков.

– Один из которых убит, а второй пропал. Возможно, тоже уже того, – поддакнул Трембель.

– Кстати, Карл Федорович, – обратился к нему Лыков. – Разрешение министра получено. Начинайте готовить бумаги на помилование Алибекова.

– Где же он сам? – желчно парировал статский советник. – Как я без него бумаги сделаю? Он должен подписать присягу, представить метрику. Какая ему теперь, жмурику, присяга? Прикажете на покойника оформлять?

– Пока не увижу труп Имадина, буду считать его живым, – категорично заявил питерец.

Трембель покосился на Фрезе. Тот приказал:

– Делайте, что вам говорят.

Затем генерал ответил Устрялову:

– Прямых улик против Козюлькина нет, вы правы. Но как минимум халатность он проявил. «Большая постирочная» действительно существует и опирается на Тифлисское казначейство.

– Из чего это следует? – вскинулся Устрялов. – Опять слова? А где

факты?

Лыкову надоело это препирательство, и он обратился к генералу:

– Александр Александрович, хоть этот человек и из МВД, а ведет себя, словно он одного ведомства с мошенниками. Давайте спросим настоящего финансиста, как тот оценивает ситуацию.

– Давайте, – согласился Фрезе. – Николай Александрович, выскажитесь. Прав Лыков насчет вашего Козюлькина?

Султан-Крым-Гирей ответил лаконично:

– Прав.

– А если подробнее?

– Мы начали подозревать, что в казначействе нечисто, с Пасхи. Но Козюлькин прикрывал его, говорил, что все на контроле, он глаз не спускает, нарушений нет. Однако вчера я получил доклад от управляющего Тифлисской казенной палатой Михайлова. Во Владикавказе нашли купоны к облигациям, украденным у фабриканта Дракопуло. Списки с номерами облигаций разосланы по всем финансовым учреждениям Кавказа. И несмотря на это, купоны отыскиались в платежах за проведение трамвая! Сумма была перечислена из Тифлисского казначейства.

– Кто печатывал пачку? – оживился Ковалев. – Вот сейчас и вычислим злодея!

– Не выйдет, прошло уже больше недели. Пачку давно вскрыли, а бандероль выбросили.

– Так-так, – повеселел сыщик. – Значит, след ведет, куда я и говорю. Правильно, ваше превосходительство?

– Увы, – кивнул Султан-Крым-Гирей. – Хоть это и стыдно признавать, господин коллежский советник, но ваши подозрения верны.

– Значит, надо отстранить губернского казначея на время расследования. Прислать нам в помощь ревизию из Петербурга. И накрыть всех.

– Еще раз увы. Козюлькин вчера сел на пароход в Одессе и уплыл в Марсель.

– В Марсель? – поразился Фрезе. – Кто же его отпустил?

– Да вы и отпустили, Александр Александрович, – ответил Султан-Крым-Гирей. – С моего ведома. Мы с вами оба тогда не знали, к чему приведет дознание господина Лыкова. Теперь казначей собирается пить воды в Виши. Вернется через два месяца... Если вообще вернется.

– Мать его так! – выругался Фрезе. – И что теперь делать?

– Арестовать его временного преемника, – предложил полицмейстер. И пояснил сыщику: – Фамилия у него славная: Гонзаго-Павлючинский. А в

душе жулик. Он у Козюлькина правая рука. Тот сам-то краденые купюры в пачки вряд ли подкладывает. Технически, так сказать, все наверняка поручено Гонзаге. Вот и надо его накрыть.

– Как же мы это сделаем? – спросил Фрезе. – Поставим возле каждого кассира по солдату? И что это даст?

– Теперь поздно ловить что казначея, что исправляющего его обязанности, – поддержал генерала Трембель. – Вся организация настороже. Операции с подменой бумаг они свернули. Нить оборвана со смертью абрека Чолокова.

– Есть другая нить, – напомнил сыщик. – Казначеев и впрямь не ухватишь: один уплыл, второй лег на дно. Будем ловить рыбку поменьше. Она даст показания на главную акулу. Появятся улики – мы вашего Козюлькина арестуем прямо на водах. Точнее, это сделает французская полиция по нашему запросу. Но нужны факты.

– Алексей Николаевич, вы кого имеете в виду под мелкой рыбешкой? – насупился генерал. – Уж объясните.

– Карл Федорович пусть следит за поляками, у него кое-кто есть под наблюдением.

Трембель кивнул. А сыщик продолжил:

– Мы же с Георгием Самойловичем начнем искать главного тифлисского бандита.

– Безвуглого?

– Да. Ведь он помимо того, что бандит, еще и агент «постирочной». Отвечает за связь с русским уголовным элементом.

Ковалев раздухарился:

– Давно пора взять гадину!

– Тогда и получим те самые факты, которые требует господин Устрялов. Обязательно надо захватить агента живьем. И потом караулить как следует, а то снова проспим.

Фрезе повеселел. Есть еще ниточки!

– Итак, господа, за дело. Все свободны.

Сыщик с полицмейстером вышли вместе.

– Ну что, едем ко мне? – спросил Ковалев.

Алексей Николаевич ответил:

– Давайте завтра начнем, Георгий Самойлович. Сегодня у меня дела до самого вечера, а с утра я в вашем распоряжении.

– Хорошо. Приходите на квартиру к восьми. А я пока подумаю над мерами, которые следует предпринять.

Полицейские расстались, и Лыков вернулся в гостиницу. Он сел

сочинять для Плеве большую телеграмму. В ней содержались одна просьба и одно предложение.

Вчера сыщик едва не погиб. Его спасли от верной гибели казаки. И собственная осторожность тоже, но что бы она дала без казаков? Если дашнаки взялись за командированного, они так легко не отступят. Похоже, устроители «большой постирочной» наняли их, чтобы избавиться от питерца. Поэтому тот собирался обзавестись собственной вооруженной силой. И для охраны, и для проведения тех операций, что он наметил. С некоторых пор Лыков не доверял никому в Тифлисе, в том числе полиции. А как ей доверять? Динда-Пето успел рассказать о продажности властей. И потом, все ниточки, о которых становилось известно тому же Ковалеву, подозрительно быстро обрывались. Вот сейчас они вместе станут ловить атамана шайки дезертиров. Однако мертвый тот бесполезен. Длинный ряд покойников уже оставило за собой дознание Лыкова. Сколько их еще будет? Нужна сила, которая находится в прямом подчинении коллежского советника и слушается лишь его команды.

Такой силой в Тифлисе могли бы стать пограничники. Они люди бывалые, в боях с контрабандистами не соскучишься. В городе находился штаб 6-го округа ОКПС^[44]. А корпус подчинялся министру финансов, который в первую очередь заинтересован в успехе лыковского дознания. И сыщик попросил своего министра переговорить с Коковцовым. Пусть тот распорядится подкрепить командированного.

Это была просьба. Следом шло предложение. Лыков задумал секретную операцию по выявлению мошенничества в Тифлисском казначействе. Секретную и от здешнего начальства тоже. Месяц назад в Одессе была ограблена банковская контора Сиюза. В числе прочего она занималась скупкой ценных бумаг. Бумаги хранились в сейфе, его и взломали грабители. Пропали железнодорожные облигации на сумму сто девяносто семь тысяч рублей. В газетах писали об этом деле. Но неделю назад грабители были пойманы вместе с добычей. Взяла их петербургская сыскная полиция. Сообщение об этом не давали в прессу, чтобы не спугнуть сообщников.

Алексей Николаевич предлагал направить в Тифлис сыского агента под видом одесского грабителя. Приехал человек с ворованными бумагами на большую сумму и хочет их обернуть. Весь фартовый мир в курсе, что здесь оказывают такие услуги. Никто, включая даже Фрезе, не будет знать, что это агент. Только Лыков. Тогда есть гарантия, что продажные полицейские не сорвут операцию.

В качестве исполнителя Лыков предлагал привлечь своего помощника

Азвестопуло.

Долго сочинял коллежский советник телеграмму и еще дольше шифровал. Когда закончил, отнес на полицейский телеграф, после чего повеселел. Мы еще поглядим, кто хитрее!

У Лыкова неожиданно образовалось свободное время. Вечером он собирался в гости к Скибе. Намеки бывшего сыщика обещали ему романтическую интригу. Алексей Николаевич еще не решил, как повести себя с жевешкой. Однажды на Кавказе его уже обхаживала одна такая... Тоже держалась свободно, тоже строила глазки. Теперь это верная супруга лучшего друга Витьки, баронесса Таубе. Иногда они со смехом вспоминали начало их знакомства. А Фомина-Осипова? Одинокая женщина, разводка, и все еще хороша собой. Как удержаться? И надо ли удерживаться? Уже много лет, с несчастного случая в Ташкенте^[45], сыщик не позволял себе увлечений на стороне. Но, может быть, пора оскоромиться? Там видно будет, решил он.

До визита к Скибе оставалось еще полдня. Лыков не находил себе места из-за вчерашнего. Жив ли Имадин? Если напали на него самого, значит ли это, что и чеченец в списке? Он опытный человек. Пятнадцать лет в горах, не в ладах с законом, научили его выживать. Но из засады легко убить кого угодно, даже бывалого разбойника. Нужен только хороший стрелок.

От темных мыслей следовало отвлечься. Здесь возникали сложности. Выходить без нужды в город Лыков опасался. Вряд ли дашнаки сегодня смогут мобилизоваться и опять напасть. Потеряли человека, выдали себя. Пока спрячутся, потом наладят слежку... Несколько дней вроде можно не опасаться. Но риск все равно оставался. Вон как ловко их вчера выследили. Ни он сам, ни его друг не заметили хвоста. Лучше посидеть в гостинице, не лезть на рожон.

Алексей Николаевич спустился вниз, сгреб целую кучу газет, что лежали на стойке, и отправился в курительную. Давно уже он не интересовался новостями. Ну-ка, что там делается в мире?

Больше всего писали, конечно же, о войне. Первые полосы были заняты сводками из Маньчжурии. Там отбили японцев с большими для врага потерями, тут провели успешную разведку. Но почему-то все время отступали... Трудно Куропаткину. Это вам не по гарнизонам разъезжать в поисках прогонных!^[46] А как воевать, генерал-адъютант, видать, уже забыл. Лыков искал в сводках фамилию Таубе. Когда началась кампания, барон бросил должность в Генеральном штабе и отправился на фронт.

Сейчас он командовал пехотной дивизией из запасных. Даже кадровую не дали, для себя оставили. Но японцы одинаково успешно били и тех, и этих. Виктор, конечно, человек хорошо подготовленный. Настолько хорошо, что самураи об него зубы обломают! Но если бы исход кампании решался на его участке... Полковые командиры у нас хороши, ротные опытные, нижние чины храбры. Старый вояка, Алексей Николаевич знал сильные стороны русской армии. Их много, армия первоклассная. Во всем, кроме генералов... Когда юный вольноопределяющийся воевал с турками в Кобулетском отряде, он посмотрелся на людей с лампасами. Их как будто месили из другого теста, чем простых офицеров. Или лампасы меняют что-то в голове?

Тут имелся и личный момент, трудный для семейства Лыковых. Сыновья-то уже выросли! В июле закончат училище и выйдут в строй подпоручиками. Оба героя написали рапорт с просьбой направить их в действующую армию. Варенька сдонила мужа, и Лыков пошел в Военное министерство на коленях просить, чтобы юных дураков не пустили на войну. Благо там остались приятели Таубе в штаб-офицерских чинах. Те посмеялись, напомнили Алексею Николаевичу, в каком возрасте тот отправился драться с турками. Сказали: ну теперь ты понял, каково тогда было родителям? Теперь понял, ответил он. В результате ему обещали, что обоих балбесов направят в Туркестан. Там тоже несладко, наедятся трудностей полной ложкой. Главное, чтобы они никогда не узнали, кто порвал их рапорта...

Газеты между тем ввали безбожно. Лыкову попала совсем уж глупая заметка. Казаки атаковали японский разъезд, и некий орел зарубил троих врагов, а командира проколол пикой насквозь. Так, что пику потом не удалось вытащить! Японские офицеры бегут с поля боя. А чтобы сподручнее было драпать, сбрасывают сапоги. Наши герои со смехом поднимают их и показывают друг другу... М-да. Еще сообщали, что в армии микадо много женщин, одетых в мужское платье. Что они там делают? Далеко ли до греха?

Были и другие сообщения. Внимание Лыкова привлекло следующее. «Отношение к русским раненым такое, что сначала с поля боя выносят их, а потом своих. К пленным – самое хорошее, к офицерам – уважительное. Отношения между японцами и русскими таковы, что после войны, как и после Севастополя с французами, возможна искренняя, основанная на взаимном уважении дружба. Все зверства над ранеными совершают не японцы, а китайцы». Хорошо, если бы так... Но в другой газете писали иначе: русские пленные страдают, японские конвоиры добивают

обессилевших, а над здоровыми издеваются. Кому верить, непонятно.

Наши тоже обзавелись пленными. Тысячу японцев намерены разместить в Полтаве, для чего срочно приспособливают казармы. Ближе нельзя было найти казарм?

Известный певец Собинов признан врачами здоровым и должен явиться в Воронеж, где его призовут на воинскую службу. И отправят в Маньчжурию. Общественность негодует и требует освободить гения от такой гражданской обязанности. Пусть черная кость воюет...

В Петербурге открылось Центральное справочное бюро о военнопленных под началом профессора Мартенса. Сведения оно получает через французское посольство в Токио, и пока лишь об офицерах: где попал в плен, как состояние здоровья. Надеются скоро наладить работу и по нижним чинам. В бюро безвозмездно работают пятнадцать человек из высшего общества.

Французы вообще близко к сердцу принимают нашу войну. Вот деньги стали собирать в помощь раненым. На середину мая пожертвовано уже 640 174 франка и 10 сантимов...

Были новости диковинного свойства. Например, сообщалось об изобретении крестьянином Камбийской волости Юрьевского уезда особого средства. С его помощью можно привести воду в необыкновенное волнение. Изобретатель подал правительству прошение, где предлагал купить у него это средство и использовать в войне с японцами. А именно привести море возле неприятельских судов в такое состояние, что с них невозможно будет отстреливаться. Неужели купят?

В осажденный Порт-Артур пришло письмо из Австро-Венгрии на имя адмирала Того, на немецком языке. Почтовики отдали его нашему коменданту Стесселю. В письме было сказано: «Ваше превосходительство! В твердом уверении, что победоносный флот Японии до получения этих строк прогнал из Порт-Артура последнего русского, я позволяю себе передать наискорейшие благопожелания к героической стойкости вашего флота и с вами молить у неба скорой победы над врагом». Подписано каким-то австрияком. Поторопился, черт нерусский...

Сыщик перешел к местной уголовной хронике. Она поражала непривычным русскому глазу своеобразием. В духане Домоухова на углу Пушкинской улицы и Серебряного ряда повздорили Панашвили и Цамалашвили. Второй обиделся, сбегал домой за ножом и, вернувшись, распорол противнику живот... В Бакинской губернии произошла перестрелка конной стражи с шайкой персидских разбойников во главе с беглым каторжником Бейкалия Кербалая Абаса Кули-оглы. А возле станции

Квирилы Владикавказской железной дороги случилось уж вообще дикое происшествие. Некто Ребгаридзе ехал верхом домой. На переезде у 117-й версты его остановили – к переезду приближался поезд. Опустила шлагбаум сторожика Нина Лелуашвили в целях безопасности всадника. Но тот расценил поступок женщины как оскорбление, вынул револьвер и выстрелил ей в ногу. Вот джигит!

В Кутаиси приведен в исполнение приговор в отношении беглого каторжника Серапиона Кварацхелия. Он с братом Нестором и еще одним крестьянином убили князя Илью Дадияни и двух сопровождавших его лесников. Суд приговорил убийц к повешению, но государь своей милостью заменил двоим из них смерть на пожизненную каторгу; казнили только рецидивиста.

В Тифлисе отличился дворник Никита Галкин. Он стоял на посту в Нахаловке, на Авчальской улице, когда на него напал грабитель-туземец Иван Бекаури. Злодей трижды в упор выстрелил в дворника, но пули застряли в куртке. То ли патроны у Ивана были из дерьма, то ли куртка у Никиты – из брони...

Три тифлисских армянина возвращались из колонии Екатериненфельд. Близ станции Сандар Карской железной дороги из канавы вылез татарин и выстрелом из винтовки убил правую пристяжную. После чего потребовал отдать ему все ценности... Пассажиры беспрекословно подчинились. Добычей разбойника стали бумажники, часы и серебряный пояс. В канаве прятались еще трое, но их помощь злодею не понадобилась. По приметам, сообщенным потерпевшими, полиция заподозрила жителя селения Геурарх, двадцатилетнего Гумбата Ибрагима Халил-оглы. Во время обыска в его доме нашли бумажники ограбленных армян, а в яслях под камышом – берданку со следами свежего порохового нагара. А в подушке, на которой сидела мать грабителя Сакин Асан-кизы, отыскались вещи, похищенные путем разбоя у Людвигу Фердинанда в июле 1902 года и у Василия Жабина в июне 1903-го. Получается, что молодец гуляет с ружьем по окрестностям аж с восемнадцатилетнего возраста. А добычу не обращает в деньги, а кладет в материну подушку... Что за дурдом?

Много хуже вышло в Озургетском уезде. Торговец Кигурадзе с женой, служанкой и приятелем ехали в Потти в собственном экипаже. На них напали пятеро с револьверами. Уложили на землю, ограбили. Добыча получилась солидная: у одного только Кигурадзе взяли пятьсот рублей, а еще кольца, часы. Торговец отдал все без боя и умолял только не трогать их. Но один из разбойников в упор выстрелил ему в затылок, убив наповал. Служанка и кучер опознали негодяя – это оказался односельчанин

служанки Ивледи Тугуши. Раньше он служил на рыбных промыслах убитого им торговца. Военный суд приговорил всех пятерых к повешению; приговор приведен в исполнение.

Крестьяне селения Диди-Джижанши застрелили князя Ивана Цилукидзе. Тот продал им несколько лесных и пахотных участков, а потом заложил участки от своего имени в Михайловский дворянский земельный банк. Крестьяне сначала поступили по закону: подали на обидчика в суд. Но когда тот приехал мириться, прикончили.

А в Баку другой князь попался на разбое. Три бандита напали на артельщика, перевозившего деньги. Сначала выстрелили в воздух, а потом трижды ударили жертву кинжалом. После чего вырвали сумку с тысячью рублей и бросились прочь. На выстрелы прибежал тифлисский мещанин Степан Сараджев и отбил у бандитов сумку, а заодно задержал и одного из нападавших. Им оказался князь Георгий Соломонович Чхеидзе! Раненый помещен в больницу, титулованный бандит – в тюрьму. Ну и князя пошли...

В селении Хашми Тифлисского уезда восемь татар напали на сад и похитили несколько корзин винограда. При этом убили владельца сада Звана Чивадзе. Суд принял во внимание, что двое из бандитов были еще несовершеннолетними, и приговорил их к трем годам тюрьмы. Взрослые получили по четыре года каторги. Вдове Софии Чивадзе постановили взыскать с осужденных, поровну и с круговой порукой, по девять рублей ежемесячно со дня их ареста и до смерти вдовы, либо до ее нового замужества.

Лыков читал и ужасался: что происходит на Кавказе? Есть ли здесь вообще законы? Оказалось, что есть. И даже иногда чересчур мягкие. На шоссе между Сигнахом и Телави трое ограбили правительственную почту. Кучер уверенно опознал грузина Барата Канашвили и двух татар, Поро Мугаило Союн Измаил-оглы и Ниязда Намаз-оглы. Суд приговорил всех к каторжным работам. Но те подали апелляцию. Ловкий адвокат заболтал свидетелей и поймал их на противоречиях, в итоге разбойников оправдали!

А в окрестностях стеклянного завода барона Кученбаха пять конных вооруженных татар обобрали множество людей, угрожая им убийством. Десятки потерпевших опознали их в зале суда. Но адвокат предоставил свидетелей: начальника Шурангельского участка Карской области, его помощника и делопроизводителя. Те, не моргнув глазом, подтвердили под присягой, что все пять разбойников во время налетов неотлучно находились в участке. Аж полтора месяца с места не сходили. И громилы были оправданы.

Наконец хорошая новость! Стража Лагодекского района убила известного абрека Улухана. Его напарник Магомед бежал, раненый, но попался в селении Ковахчел Закатальского округа. Пристрелили, и правильно сделали. А то потом придется отпускать, если разбойники снова наймут пройдоху-адвоката.

Лыков решил перевести дух и снизошел до бытовых происшествий. Хоть там дать отдохнуть глазу... Жители Карса Пергузов и Тер-Степанов похитили из магазина Бархударова пять фунтов шпагата. Стоило ехать издалека за такой дрянью? Два крестьянина украли из лавки Мириманова на Армянском базаре девять медных тазов. Задержаны на месте преступления с поличным. Как они надеялись незаметно вынести столько посуды?

Вдруг в колонке мелькнула знакомая фамилия. Участково-думский врач Первого участка госпожа Фомина-Осипова закрыла буфеты в гульбищных садах в Вере. Попались три самых популярных: «Эдем», «Фантазия» и «Тилипучури». Смело ведет себя дамочка...

Дальше что? В номерах «Таврида» на Песковской улице у жителя города Нухи Зейнал Шабан Мамед-оглы украдено из хурджина 125 рублей старинной серебряной монеты... Нумизмат был Мамед-оглы? Прихватили еще разных векселей на 945 рублей. Воры не найдены.

Лыков с досады перешел в раздел международных новостей. Но и там не было ничего хорошего. Полковник Юнгхезбанд с отрядом англичан движется к Лхассе. Это ведь тот шильник, которого Таубе ловил в Памирах двадцать лет назад! В Салониках, при Джумай-бала повстанцы-четники режутся с турками, с переменным успехом. А в Париже полиция обнаружила «Клуб убийц». Каждый вступивший в него давал присягу в короткий срок убить человека...

Устав от глупостей и злодеяний, сыщик отложил газеты. И решил-таки прогуляться. Не жить же теперь в постоянном страхе. Он вышел на площадь, и ноги сами понесли командированного на Головинский проспект. Там былолюдно и бойко, прямо как на Невском. Вскоре Лыков заметил, чтоглядит с опаской на каждого встречного армянина. Даже если это толстый добродушный малый. Усилием воли он заставил себя не думать о дашнаках. Выпил кофе в кондитерской Науменко – в Тифлисе он повсеместно был очень вкусный. Изучил программу театра Артистического общества. А потом упрямо тряхнул головой и отправился на Армянский базар, к персам.

Персы издавна, еще с семнадцатого века, правили в Тифлисе. Когда Россия присоединила к себе Грузию, диаспора быстро уменьшилась. Но не

исчезла совсем. Древнейшие кварталы Кала и Абанотубани и по сей день изобиловали персами. Их духаны были даже чище грузинских, а кофе много лучше того, что варили греки. Сыщик прогулялся по базару, купил жене серебряные серьги с дивной бирюзой «старого завоза», выпил еще кофе. Страх исчез, и Лыков теперь одинаково спокойно смотрел на людей, кем бы они ни были.

Между тем уже наступил вечер. Пора было идти в гости к Скибе. Как там смелая барыня, нападет на сыщика или нет? Взбодрившийся Лыков летел, как на крыльях. Давно у него не было любовных приключений, таких, чтобы кружилась голова и что-то сладкое и притягательное копилось в груди.

Максим Вячеславович не обманул. Врачиха действительно обрадовалась питерцу. Так, что тому сделалось даже неловко. Она схватила его за руку и долго не выпускала, прижав к груди. Сердце ее часто-часто билось – такое не сыграешь. А впрочем, кто знает этих женщин? Еще Виктория Павловна проникновенно рассказала, как горько рыдала, узнав про смерть особенного человека, хоть и малознакомого. Но она успела понять, что Алексей Николаевич не как все, и тем больше была ее горечь.

Вечер у Скибы оказался посвящен Лыкову и смахивал на своего рода заговор. Были лишь Максим Вячеславович с супругой и Виктория Павловна. А хозяин вел себя как сводник. Коллежский советник, впрочем, был ему за это только признателен. Фомина нравилась сыщику все больше и больше. Внимание ее возвышало командированного в собственных глазах, а восторженный взгляд ободрял. Алексей Николаевич легко поддавался на расспросы и даже, возможно, сболтнул что-то лишнее. А как было устоять? Жевешка хотела знать все до мелочей. Каким образом столичный человек вышел живым из диких гор? И не просто уцелел, а привел с собой пленного абрека. Виктория Павловна пошла дальше и заинтересовалась дознанием Лыкова. Тот рассказал в двух словах о «большой постирочной». Так и так об этом знало множество людей – чего скрывать? Лишь когда любопытная барыня полезла в детали, питерец ловко перевел разговор на другое. Перспективы дознания он не хотел сообщать никому.

Волей-неволей речь зашла о национальном вопросе. Лыков обратился к хозяину, как к человеку, давно живущему на Кавказе: чего ждать завтра? Ничего хорошего, ответил тот. Гость потребовал разъяснить.

– Я прочитал здешние газеты за неделю и ужаснулся, – сказал Лыков. – Разгул преступности невиданный для России. Даже в столицах, где крайне много сброда, нет такого. А тут убивают с невиданной легкостью. И

особенно татары отличаются в разбое. А князь Голицын обрушил свои гонения на армян, самую мирную нацию. Почему так?

– Грузины тоже охотно идут в разбойники, – поправил сыщика Скиба. – Чаще других имеретинцы и мингрелы.

– Но до татар им далеко, тем более до закатальских.

– Алексей Николаевич! – воскликнул бывший сыщик. – Не ожидал услышать такое от вас. Разве есть на свете плохие нации и хорошие?

– Ну...

– Без всяких «ну», пожалуйста. Нет таких наций!

– Согласитесь, однако, что татары – наименее образованный из трех главных кавказских народов, – возразил питерец.

– Как посмотреть. Мусульманин обязан быть грамотным, чтобы читать и толковать Коран. Есть ли такое у нашего крестьянства? А власть называет татар неграмотными за то, что они не знают русской письменности. Да, в этом магометане пока отстают. Вокруг меня все больше грузин с армянами, получивших высшее образование и обратившихся к наукам. Врачи, ученые, преподаватели, артисты. Те, кого называют интеллигенцией. Но она нарождается и у татар. Дайте им время – будут не хуже других.

– А есть оно, это время? – тихо спросил Лыков.



Скиба погрузнел:

– Кто знает? Я уже говорил, что жду большой войны между татарами и армянами. Ее искусственно разжигает нынешняя политика властей. Это большая ошибка...

– Так власти сталкивают их лбами?

– А вы не видите? – взъелся Максим Вячеславович. – Армянские церкви ограблены, школы закрыты. На государственную службу армян

тоже не пускают.

– Но ведь не просто так начались репрессии. По словам администраторов, тут ответные меры за террор партии «Дашнакцутюн». Которую поощряют и финансируют церковные иерархи.

– Во-первых, мы с ними верим в одного бога. Конфессии пусть разные, а Христос у нас общий. Во-вторых, армяне активны и предприимчивы, склонны к умственной деятельности. В-третьих, у них огромные заслуги перед Россией. Вспомните адмирала Серебрякова, художника Айвазовского. А славные генералы? Мадатов, правая рука Ермолова и Паскевича. Князь Аргутинский-Долгоруков, Самурский Лев. Тергукасов и Лорис-Меликов, герои последней войны с Турцией. А? Их бы сейчас тоже записали в террористы?

– Армяне раздражают татар именно своей предприимчивостью, – напомнил Лыков. – Эта распря длится столетия, что может изменить в ней сегодняшняя власть? А тут еще религиозный момент...

– Власть, – Скиба поднял вверх указательный палец, – должна быть над всеми подданными. И всех их любить, уважать и защищать. У татар тоже много заслуг перед государством. А то, что твои подданные верят в разных богов, не повод делить их на своих и чужих. У русского царя все свои!

– Даже на бумаге не так, а на деле тем более.

– И это ошибка! Сейчас администрация действует по принципу «разделяй и властвуй». Оно плохо кончится. Вон евреев вывели из общего законодательства, и что получили? Среди революционеров их особенно много. Теперь, видать, решили пополнить их ряды кавказцами... А вспомните, что рекомендовал великий Пушкин! Он считал необходимым условием просвещения Кавказа распространение двух вещей: самовара и Евангелия. Причем ставил самовар на первое место. А нынешняя власть что творит?

– Максим Вячеславович, но ведь вы не станете отрицать, что кавказский сепаратизм существует?

– Существует, – вздохнул Скиба. – И неумелая самоедская политика князя Голицына его лишь подпитывает.

– Голицын помогает идее Великой Армении? – усомнился Лыков. – От Турции до Воронежа?

– Да это бред! Газетчики определенного толка раздувают сплетню, что армяне тайно готовят создание своего государства. Но почему именно до Воронежа? Откуда он взялся? Кто-нибудь видел бумаги, программные документы?

– Пусть про Воронеж загнули, – согласился питерец. – Но армяне ведь действительно думают о собственной стране. Сначала автономной области в составе Турции. Но как только она появится, что станет с русской Арменией? Эти две части неминуемо захотят объединиться. И вряд ли под нашим скипетром.

– Наш скипетр, как я только что сказал, умеет лишь наказывать. Кто же добровольно захочет в ярмо?

– Максим Вячеславович, не уходите от ответа. Мы с вами русские люди и, полагаю, верноподданные. Как нам относиться к кавказскому сепаратизму? Ведь следом за армянами независимости захотят и грузины, и татары. Не будет тогда русского Кавказа. Столько крови мы за него пролили... Я и сам проливал, не только чужую, но и свою. И что, все псу под хвост?

– Не знаю, – развел руками Скиба. – Однако есть пословица: насильно мил не будешь. Если здешние народы захотят жить своим умом, нам останется только стрелять. Разве это будет справедливо? Вы лично готовы стрелять в грузина, армянина, татарина, если те потребуют независимости?

– Нет, конечно, – отшатнулся питерец.

– И что тогда делать?

– Нам или власти?

– И нам, и власти.

– Я не знаю, Максим Вячеславович. Для того и завел разговор, чтобы узнать ваше мнение.

– И я не знаю, – вздохнул Скиба. – Власти надо стать одинаковой для всех. Не разъединять людей разного исповедания, а объединять. Не закрывать национальные школы, а, наоборот, поощрять их. Пусть внутри одной большой страны каждый народ живет своим обычаем, лишь бы исполнялись законы. И вообще, из хорошего государства никто не захочет уходить. Тем более на Кавказе.

– В каком смысле?

– Армянам с грузинами трудно будет решиться на самостоятельную жизнь. Ведь они окажутся в окружении мусульман. Вспомните, что толкнуло Грузию в лоно России. Панисламизм, по моим наблюдениям, набирает силу. И что будет с христианами тогда? Мы же только и делаем, что отталкиваем от себя местное население. Даже называем их оскорбительно: туземцы. Причем в официальных документах!

– Да, – смутился Алексей Николаевич, – это глупо. Я знаю много грузин и армян, которые образованнее меня, а в казенной переписке они туземцы.

– И опять обошли комплиментом татар, – заметил Скиба.
– Значит, от центральной власти зависит будущее империи? – сменил тему Лыков.

– А как иначе? Не будет государства, в котором хорошо, удобно и безопасно жить, – все разбегутся. Начиная с поляков и финнов и кончая нашими абреками.

– От центральной власти, – пробормотал сыщик вполголоса, – и от Его Величества.

– И от государя, и от его министров. Такие, как ваш Плеве, только ускоряют процесс распада империи. Он, как говорят в кавалерии, слишком затянут на правый повод^[47]. Но не только от царя зависит или от его ближайших слуг. Много людей ежедневно вносят свою лепту. Больше всех, конечно, полиция.

– Полиция?

– Разумеется. Ведь обыватель чаще всего сталкивается с властью в лице полиции. Нам ли с вами не знать? Так что, дорогой Алексей Николаевич, будущее империи зависит в том числе и от вас. А я провожу трамвай, от меня теперь ничего существенного не зависит. И знаете, так легче жить!

– То есть ответа на вопрос, что делать, у вас по большому счету нет, – констатировал Лыков.

– Можно и так сказать, если вам от этого станет легче, – покачал головой Скиба.

Женщины будто только этого и ждали. Серьезная беседа мужчин надоела им. Мария Ивановна на правах хозяйки объявила:

– Достаточно разглагольствований! Садимся за стол. Сегодня у нас люля-кебаб из баранины со свининой и свежие алазанские овощи. И вина, давайте выпьем вина. За чудесное воскрешение Алексея Николаевича. Я тоже, признаться, всплакнула, когда стало известно о его пропаже.

Разговор опять стал общим. Хозяйка всячески превозносила свою подружку. В частности, она похвалила Вику за храбрость особого рода. Сыщик удивился и потребовал разъяснить, что это за храбрость такая появилась у дамочек.

– На Масленую Вика в собрании танцевала кэк-уок!

Скиба, видимо, смутился и пошел на кухню за соусом. А Мария Ивановна воинственно подбоченилась:

– Да, кэк-уок. Назло ханжам.

– А как отнеслось к этому общество? – осторожно поинтересовался питерец.

– По-разному. Мужчины одобрили. А глупые бабы осудили. Галдели, как стая разъяренных гусынь. Я единственная поддержала Вику.

– А вы что испытывали в этот момент, Виктория Павловна? И зачем, простите мне мой вопрос, вам это понадобилось?

Жевешка ответила с вызовом:

– Захотела и станцевала.

– Но эпатаж, разве не так?

– Да плевать мне на гусынь! Я живу своим трудом, от бывшего мужа беру деньги лишь на содержание сына. Он ведь и его сын тоже. А все прочие расходы мои. И эти сибаритки, что сидят на шее своих супругов, будут мне указывать? Хочу – полюблю, хочу – разлюблю, хочу – танцую. Вот такая. Кому не нравится – может со мной не общаться.

Это было сказано специально для гостя. И тот прикусил язык. Здесь, на Кавказе, где у женщины прав еще меньше, чем в европейской России, Виктория Павловна выглядела вызывающе самостоятельной. Но это и привлекало...

Еще Лыков попытался представить себе Вареньку, танцующую неприличный танец в Благородном собрании. И не смог...

Разговор сменил русло, постепенно выпили все вино, за окном окончательно стемнело. Наконец хозяин вынул из кармашка золотые часы с гербом, откинул крышку и присвистнул:

– Мария, опять они отстают. Подведи, пожалуйста. И снеси все-таки в починку.

На этих словах Скиба отстегнул часы и протянул их жене. Лыков перехватил вещь и стал ее разглядывать.

– «Тиссот». У вас тоже из Кабинета Его Величества?

– Так по одному списку получали, – улыбнулся директор-распорядитель. – Забыли? За коронацию.

– Да-да, теперь вспомнил, – вернул часы Марии Ивановне гость. – Точно такие же, как и у меня были. А теперь вот с чем хожу.

Сыщик показал простенькие глухие часы на стальной цепочке.

– А где же ваши наградные? – удивился Скиба.

– Отобрал Динда-Пето. Там, на дороге.

По лицу питерца прошла тень. Все сразу замолчали. Вспомнили о молодом, так рано погибшем поручике Абазадзе – и тут же забыли опять. Скиба поторопился вернуться к часам:

– И что же, нет никакой надежды найти? Ведь абрек мертв. Вы искали в его вещах?

– Это не имело смысла. Часы, по словам Имадина, достались некоему

кочи по фамилии Солтан-оглы.

– Что он с ними может сделать? – воскликнул хозяин. – Слишком приметная вещь. С двуглавым орлом и императорским вензелем – да такие были одни на весь Тифлис. Я имею в виду свои. А ваши, получается, вторые. В ломбард их не отдашь. Самому носить? Первый же законопослушный человек сообщит в полицию. Зачем такая улика кочи?

– Боюсь, их давно уже смяли в золотой лом. Жалко! Так-то им в магазине цена сто пятьдесят рублей. Но то важно, что с гербом. Сейчас Кабинет Его Величества стал закупать наградные часы у торгового дома «Павел Буре», а нам еще достался «Тиссот» из старых запасов. Скажите лучше, Максим Вячеславович, зачем вы заставляете Марию Ивановну подводить стрелки? Силы вас покинули?

Теперь погрустнел отставной коллежский советник:

– Да тут другое. Я ведь старше вас на шесть или семь лет, верно? И что-то... Рано, конечно... Но не могу иной раз попасть ключом в скважину. Когда получается, когда нет. Руки дрожат. Так это незаметно, но мелкие работы выполнять мне уже не под силу. Вынужден Машу обременять.

Алексею Николаевичу пришлось менять тему разговора. Беспокойные пальцы хозяина он давно заметил, но не придал этому значения. Теперь выяснилось, что это не пустяки. Именно так и начинается дрожательный паралич...^[48]

Закончив с чаем, гости решили расходиться. Лыков, разумеется, проводил госпожу Фомину-Осипову до извозчика. А там и до дому. Они начали целоваться еще в фаэтоне. Докторша и впрямь оказалась женщиной решительной и не стала откладывать в долгий ящик...

Глава 10

Очерк фартового Тифлиса

Утром, как и обещал, Лыков явился на служебную квартиру полицмейстера. Георгий Самойлович жил наверху, в здании управления полиции. Несмотря на ранний час, он уже был в присутствии^[49]. Сыщик сразу понял, что произошло что-то неприятное. Вокруг суетились чины полиции с озабоченными лицами, в углу рыдала немолодая женщина. Ковалев что-то выговаривал высокому офицеру с петлицами пристава. Увидев питерца, он быстро отпустил собеседника.

– Несчастье? – спросил Лыков.

– Да. Надо же быть такой сволочью!

И полицмейстер рассказал совершенно дикую историю.

Вчера вечером, по окончании рабочего дня, три подружки вышли из ворот табачной фабрики Энфиаджинянца. И направились гулять. На Вокзальной улице с ними заговорила незнакомая женщина. Она протянула одной из девушек, Олимпиаде Матвеевой, кусок булки и сказала:

– На, съешь, помяни мою дочь.

Вручила и ушла. А девушка, которой было всего шестнадцать лет от роду, съела подаренную булку. Через несколько минут ей стало плохо. Работницу увезли в больницу, где она ночью и скончалась. Вскрытие показало, что бедняжку отравили мышьяком. И теперь вся полиция Тифлиса пыталась найти преступницу^[50].

Лыков выслушал историю и вздохнул:

– Никогда ни с чем подобным не сталкивался.

– Тифлис, Алексей Николаевич. Будь он неладен!

– Георгий Самойлович, поиск Беззуглого это ведь не отменяет.

– Не отменяет.

Ковалев завел питерца в кабинет, усадил напротив стола и спросил:

– С чего начнем?

– Расскажите мне о фартовом Тифлисе.

Полицмейстер задумался. Лыков решил ему помочь:

– Сыскного отделения у вас нет, так ведь?

– И никогда не было, – подтвердил Ковалев.

– Но обычно в таких случаях находят самого способного к сыскной работе человека и поручают ему. Неофициально.

– Так и у нас, – согласился Георгий Самойлович. – Всегда есть кто-то, более других годный к ловле жуликов. Сейчас это помощник пристава Второго участка коллежский секретарь Снитко.

– Толковый или на безрыбье?..

– Лучше все равно нет. Снитко честный, смелый, быстро схватывает. С ним на пару околоточный надзиратель Гайдуков из Девятого участка. Вдвоем они и ловят преступников.

– Вдвоем? – поразился Лыков. – В Тифлисе почти двести тысяч жителей. Что могут сделать два человека?

– А что могу сделать я? – рассердился полицмейстер. – Штаты не выделяют. Денег нет. Конечно, все помогают Снитко, кто чем может. Гайдуков правая рука, и тоже хорош: храбрый, как черт! Облава там или засада, тифлисская полиция подкрепляет заштатных сыщиков. Но им трудно. Алексей Николаевич, когда же выделяют средства на создание специальных отделений? Захлебнемся же в крови. Особенно у нас на Кавказе. Сами видите, что происходит. Доложите министру, а? Очень прошу.

– Такая работа давно ведется, – поделился сведениями Алексей Николаевич. – Готовится создание сыских отделений во всех губернских городах империи. Будет четыре разряда, в зависимости от численности населения.

– Когда? – лаконично спросил один коллежский советник у другого.

– Надеюсь, что скоро. Проекты штатов готовы, прошло слушание в департаментах Сената. Государственный совет рассмотрит дело осенью. Главное – Витте теперь не министр финансов. Коковцов, конечно, тот еще жмот, но он хотя бы в хороших личных отношениях с Вячеславом Константиновичем.

Полицмейстер покачал головой с видом крайнего недоверия и спросил:

– Ну я вызываю Снитко?

– И Гайдукова.

Ковалев смутился:

– Но тот даже не имеет чина. Как он будет говорить с коллежским советником из Петербурга?

Алексей Николаевич нахмурился:

– Второе лицо в сыске и не имеет чина?

– Но формально он всего-навсего околоточный надзиратель.

– Это классная должность ^[51].

Ковалев сокрушенно пояснил:

– Так устроено в Тифлисе. Половина околоточных надзирателей чина не имеет.

Алексей Николаевич промолчал. По всей Российской империи та же картина: власть экономит на полиции. Нашли, в чем скопидомничать, идиоты!

– Зовите обоих, – сказал он наконец.

Через полчаса неофициальные тифлисские сыщики явились.

– Коллежский секретарь Снитко Петр Анисимович, – представился старший, подтянутый, рослый, с точеным лицом и аккуратной бородкой клинышком.

– Околоточный надзиратель, не имеющий чина, Гайдуков, – назвался его помощник, приземистый, широкоплечий, похожий на ломового извозчика.

– А по имени-отчеству?

– Парамон Иванович, ваше высокоблагородие!

– Для вас обоих, господа, я Алексей Николаевич. Рад познакомиться. Господин полицмейстер сейчас сообщит вам задачу. Нашу общую задачу.

Ковалев в двух словах описал ситуацию. Надо найти бандита Безвуглого. Хватит с ним миндальничать, начальство недовольно, приказало пресечь. Особо полицмейстер подчеркнул, что взять злодея лучше живым. Потому что к нему много вопросов.

Снитко сразу встрепнулся:

– А если живым не удастся? Больно ловкий.

– Уж постарайтесь, – отрезал коллежский советник.

Гайдуков молчал, но по лицу было видно, что задание ему не нравится.

– Вы тоже считаете захват пластуна невозможным? – спросил у него Лыков.

– Так точно.

– Почему?

– Да не дастся он. Живым ему неинтересно: виселица светит за многочисленное.

– Тем не менее следует постараться, – настаивал питерец.

– Говорить со следователем Ванька тоже не станет. Пустая затея.

Полицмейстер заерзал, а потом вдруг выпалил:

– Я с ними согласен. Отчаянный. Хуже любого абрека. Шлепнуть гадину, и дело с концом.

– Господа! – Лыков повысил голос. – Подчеркиваю: берем атамана живьем. На острие пойду я, вы помогаете. Только выведите меня на

Безвуглого, дальше сам.

Помощник пристава и околоточный не без иронии покосились на начальство. Ковалев сказал:

– Алексей Николаевич только что сцапал в Закаталах Динда-Пето.

– Так это он? – с интересом спросил Снитко.

– Да.

– Тогда понятно.

– Прошу вас, господа, описать криминальную обстановку в Тифлисе, – сказал Лыков.

Полицмейстер начал излагать, а сыщики – помогать ему.

– В полицейском отношении город разделен на десять участков. Историческое развитие Тифлиса сказывается на их облике. Как правило, в русских городах в центре все прилизано, а шушера уголовная сидит по окраинам. У нас не то.

Лыков возразил:

– В Москве есть Хитровка, в Петербурге Вяземская лавра, и они тоже в центре.

– Да? – удивился Ковалев. – Не знал. Продолжаю. В каждом участке имеется, так сказать, господствующая национальность. Которая всем и заправляет. Самые спокойные – это те, где живут русские: Михайловский, Свято-Давидовский, Александровский, Новые Куки и почти весь Садовый. Грузины тоже народ спокойный, много хлопот полиции не доставляют. Поэтому Вера или Ваке – тихие места; разве что в духане кто спьяну подерется. Вот армяне с татарами – те да.

– Татары – Базарный участок, там, где Майдан? – уточнил питерец.

– Да, а еще их много в Харпухе.

– Татар в городе всего ничего, а преступлений они совершают чуть не половину от всех, – вставил Снитко.

– Каких? Грабежи?

Полицейские заговорили все сразу, но потом Ковалев взял верх:

– Грабежей у нас в Тифлисе почитай что не бывает. За городом опасно даже днем, увы. А в самой-то столице мы приглядываем. Татары – они укрыватели. Со всего Кавказа дружки-разбойники свозят сюда добычу. Значит, скупка, обслуживание лихих гостей, снабжение необходимым, изменение внешнего вида приметных вещей, сбыт, содержание притонов и подпольных ломбардов. Многие разбойники неделями живут в Тифлисе. Отсюда направляются некоторые шайки. К примеру, нападения на почту почти все планируются здесь, и в почтово-телеграфном округе у головорезов имеются сообщники. Ищем их, ищем, но пока не нашли. А с

начала года уже третью почту грабят.

– Изредка случается и людоедство, – вставил помощник пристава.

– За выкуп?

– По-разному. Когда за выкуп, когда для-ради шантажа. А то берут заложников из враждебного рода.

Лыков только головой покачал.

– Все с татарами? Давайте про армян.

Тут заговорил околоточный:

– Этих полгорода, и преступления у них разнообразны. Я вот слежу за Куками. Как уже сказал господин полицмейстер, Куки делятся на две части: Новые – русские, и Старые – туземные. В туземной имеется такая слободка, называется Шантах. Переводится как Собачья...

– Погодите, Парамон Иванович, – перебил Гайдукова питерец. – А вот на краю Авлабара тоже есть Собачья деревня.

– То другое. Там одни псарни, а криминала никакого нет. Но Шантах – место особое. Притон на притоне. Чего только не вытворяют. Фальшивые деньги делают, воровскую добычу скупают, вещи тоже перешивают, чтобы не узнали. Много незарегистрированных проституток, и с них содержатели взимают налоги. А еще воры в Шантахе сильны, как нигде. Целые шайки сложились, и эта у них, как ее?

– Специализация, – подсказал Снитко.

– Во! Есть домушники, есть карманников аж четыре шайки, которые между собой город поделили. Вокзальные воры сидят в Антониевской. Которые в конке работают, у них на Тамаринской притон.

– Послушать вас, так армяне выходят какой-то особенно преступной нацией, – заметил Алексей Николаевич.

– Уж больно предприимчивы, – вступился за армян Снитко. – Без дела не сидят.

– Мой приятель-разбойник Имадин Алибеков говорил, что Беззубый укрывался именно в Шантахе, – припомнил Лыков.

Полицейские переглянулись на словах «приятель-разбойник», но согласились с мнением чеченца:

– Запросто!

– А что греки? – наудачу спросил питерец. Тифлисцы сразу ухмыльнулись:

– У них тоже... специализация. Первое дело – это контрабанда вся из Потти и Батума через них идет. А еще они чай фальсифицируют.

– Чай?

– Точно так. Воруют его с Чаквинской фабрики удельного ведомства,

добавляют ивовую кору, а еще кавказскую бруснику и чуть ли не деготь. И продают в близлежащие русские губернии.

– М-да...

– Курды всех опаснее, – сказал вдруг Ковалев. Но заштатные сыщики ему тут же возразили:

– Что курды! Их всего-то пять сотен. С езидами, правда, побольше... Вот западные грузины, те о-го-го!

– Вы же сказали, грузины спокойные, – удивился Лыков.

– Так западные другие. Аджария, Кобулетия... Они мусульмане, причем дикие. Один абрек Микилайшвили чего стоит, да и остальные хороши. До недавнего времени еще дочерьми торговали!

– Э-э, в смысле?..

– В самом прямом, Алексей Николаевич. В турецкие гаремы да публичные дома продавали. Сейчас власти прикрыли, а раньше запросто.

Снитко не удовольствовался этим и дополнил:

– У аджарцев с абхазами есть даже свой воровской бог, и зовут его Эйрих-Аацных, то есть «видящий днем и ночью». Воры и разбойники все как один ему молятся. А возле села Ацы, между рекой Апстой и ручьем Дохури, святилище, туда полагается класть подарки. Или не будет удачи. За рекой Бзыбой имя бога меняется, его кличут уже Бугур-ных. У этого тоже имеется святилище, на отвесной скале за Гагринской крепостью. Вот до чего дошли!

– Ну не все там жулики, – возразил Лыков. – В городе Ардануг, например, очень честное население.

– Откуда вы знаете про Ардануг? – поразился коллежский секретарь.

– Воевал в тех местах.

– Да, это самое удивительное место во всей Аджарии, – подтвердил Снитко. – Целый город – и ни одного вора. Объяснить никто не берется.

– Пусть у себя дома западные грузины живут, как хотят. А здесь, в Тифлисе?

– Здесь они сгрудились вокруг Майдана и чувствуют себя татарами, а не грузинами. Занятия те же самые: за городом ограбить, а сюда привезти и сбыть.

– Поехали дальше, господа. Куки, я понял, место темное. А Чугуреты с Авлабаром?

– Если и светлее, то ненамного, – сразу заявил полицмейстер. Подчиненные с ним согласились. – Местность плотно населена армянами, но здесь они заняты преимущественно торговлей. Есть и притоны, например, похитителей оружия – для армян ходовой товар, его посылают в

Турцию. Много подпольных ссудных касс, а это главные скупщики краденного. Еще многие кормятся тем, что «обслуживают» армию.

– Вот теперь поподробнее, – попросил Лыков.

Тифлисцы объяснили командированному, что армия в Тифлисе вообще играет важную роль. В городе стоят знаменитые полки: Мингрельский и Тифлисский гренадерские, а также Драгунский Нижегородский. Много отдельных батальонов: 1-й, 2-й и 4-й стрелковые, 5-й Кубанский пластунский, Кавказский кадровый обозный, 1-й и 2-й саперные... Квартирует Кавказская гренадерская артиллерийская бригада. А еще расположены окружные парки: осадный инженерный и военно-телеграфный. Множество штабов. Арсенал, а поблизости Тифлисские окружные артиллерийские склады и мастерские. Пороховые погреба и патронная при них. Обмундировальная мастерская Кавказского военного округа. Казачья сотня для охраны городских застав. И жандармский дивизион. Всего на круг людей в погонах набирается семь тысяч. И среди них, конечно, есть разные, в том числе и преступных наклонностей. Чугуретские армяне наживаются на последних. Охотно возьмут у дрянного солдата сапоги за бесценок и вместо денег нальют дешевой чачи. За винтовку с патронами заплатят звонкой монетой. Солдаты тащат, что плохо лежит, а чугуретцы принимают. Все довольны, кроме начальства.

– А дашнакцаканы^[52] где прячутся? – заинтересовался Алексей Николаевич. Ведь последние напали давеча на коллежского советника.

– Этого никто толком не знает, – огорчил гостя полицмейстер. – Где угодно могут. Авлабар, Чугуреты, Куки. В Ходживанке за деньги черта пропишут... Поди сыщи. А народ скрытный, не скажут.

– Жаль. Что окраины, в каком они состоянии?

– В окраинном, – сострил Гайдуков. Поймал неодобрительный взгляд начальства и пояснил: – Хуже всего в Навтлуге. Там сплошь сады: Орточалы, Дарсичалы... А в садах тех притоны для воров и скотокрадов. Еще грузовая станция портит дело. Окрестные жулики повадились по ночам вскрывать вагоны. Тащат все подряд. Надо бы пост установить, да народу не хватает даже на главные улицы.

Тут околоточный увидел, как Ковалев наливается краской гнева, и окончательно смешался. Но ему на помощь пришел Снитко:

– А что? Так и есть, Георгий Самойлович. Не далее как вчера я отбивал те вагоны. И не отбил: четыре пуда смушки украли-таки, стервецы.

– Туда, изволите ли знать, таскаются все шильники восточной окраины, – воспрянул околоточный. – И не только вагоны пограбить, но еще и скотину угнать. Местность от военного госпиталя до Варварской

слободы уставлена скотными дворами. Много их и в пригородных деревнях Норио и Марткоби. Городская бойня рядом, очень удобно... Живность выгоняют пастись по левому берегу Куры на несколько верст. А когда гонят вечером обратно, с гор спускаются целые банды и отбивают ее.

– Чьи банды?

– Туземные. В основном борчалинцы, там народ до чужого добра охочий. Но и грузины не лыком шиты, тоже примазываются. Бывает, что и до стрельбы доходит. Вообще весь левый берег вниз по Куру беспокойный.

– А вверх?

– Чуть лучше, – взял слово полицмейстер. – И было бы совсем хорошо, кабы не ипподром. Вокруг него, сами понимаете, что творится. Где легкие деньги, там добра не жди. В Дидубе опять притоны, а еще публичные дома и пивные с темным элементом. Опяят дурака и в Куру его. А мы потом вылавливаем на отмелях...

Гайдуков счел нужным пояснить:

– В шестнадцати верстах ниже города, не доходя до Караджалара, река разбивается на три рукава и мелеет. Туда и выбрасывает всех утопленников. В летние месяцы по десятку человек за неделю. Многие из них упали в Куру не сами. Ох, не сами.

– А вокзал? Местность там, помнится, даже называется подходяще: Нахаловка. Что в ней делается?

– Нахаловка поставляет нам исправно хулиганов, а еще революционеров всяких. Вокруг вокзала сложился целый городок: мастерские, депо паровозов, лазарет с аптекой, товарная станция, складская таможня, паркетная фабрика и жилой поселок. Ну и эти воду мутят... дасисты.

– Кто такие?

Полицмейстер пояснил питерцу:

– Дасисты есть грузинские марксисты, социал-демократы то бишь.

– У них своя партия?

– Десять лет назад создали общество «Месами даси», антиправительственное. Оттуда и название.

– Понятно. А фартовые дела проворачивают в Нахаловке?

– Нет, только хулиганство и пьяный разгул. Пролетарии там сплошь русские, пьют без просыпу. Ну, таможенный склад иной раз подломают. А в смысле организованного бандитизма тихо.

– А еще выше?

– Выше немецкая колония Александердорф, у этих не забалуешь.

– Так, господа, давайте подведем баланс, – подытожил Лыков. – На

правом берегу криминальные места – это Татарский Майдан и Харпук. Правильно?

– Нет. Забыли про Колючую балку, – поправил командированного Снитко.

– Так вы сами о ней не сказали!

– Как-то упустили. А зря.

– Петр Анисимович, тогда уточните. Может там Безвуглый прятаться?

– Может, и даже весьма вероятно, что там он и сидит. Значит, про балку. Это такая местность над Головинским проспектом. Овраг, который спускается с горы Святого Давида к площади перед Разгонной почтой. Очень неблагоустроенная и злая клоака. Строить там нельзя – сверху течет вода и в сильный дождь смывает все в Куру. Поэтому вместо домов в Колючей балке одни халупы незаконные. И народ там подобрался соответствующий: дикий и злой. Прописки нет, и никогда не было. Бесписыменным самое оно.

– Что же вы терпите подобное безобразие?

– А чего вы Хитровку в Москве терпите? – неожиданно огрызнулся помощник пристава. Но спохватился и добавил: – В каждом городе есть подобные места, и ничего с ними не удастся поделать. Будто медом намазано для фартового элемента.

– Я понял. Надо готовить там облаву.

Тифлисцы переглянулись, и полицмейстер осторожно сказал:

– Опасная получится облава.

Лыков пожал плечами:

– Прикажете обходить Колючую балку стороной?

– Да мы обычно так и делаем...

– Казаков привлечите для усиления.

Все замолчали, в воздухе витало ощущение неловкости. Питерец понимал причину. Он бывал и на Хитровке, и в Вяземской лавре. Знакомые места! Но лишний раз старался туда не соваться, только в случае крайней необходимости. А то можно и без головы остаться. Но Безвуглого все равно надо поймать.

– На правом берегу все?

– Теперь все.

– Перейдем к левому. Тут география зла погуще. Куки, Шантах, Авлабар, Чугуреты, Навтлуг, Орточалы, Дарсичалы, Дидубе. Почти все, кроме разве что русских кварталов Девятого и Десятого участков. Ничего не забыл?

Тифлисцы молчали. Приезжий решил их подбодрить:

– Ну, всего-то полгорода. Как-нибудь управимся.

Гайдуков подал голос:

– Русские кварталы тоже надо включить. Там военных много.

– Много, и что?

– А то, Алексей Николаич, что бандит-то наш сам из военных. И с ними у него большая дружба. Вот.

Ковалев кивнул:

– Согласен с околоточным. Мы давно заметили, что шайка Безвуглого жметя к местам квартирования армии. И состоит, возможно, из тех же солдат.

– Срочной службы или отставных?

– Всяких.

И пояснил свою мысль. Похоже, бывший пластун брал к себе служивых особенно охотно и пользовался в их среде большой популярностью. В январе его люди напали на окружной провиантский магазин. Убили интендантского капитана, а часового с подчаском только слегка помяли. Видать, ребята были в деле и заранее согласились не препятствовать. Бандиты захватили кассу с тремя тысячами рублей и оружейную комнату. А потом ловко исчезли. Стянутые на шум силы полиции упустили их. Следы банды потерялись возле казарм 15-го Тифлисского гренадерского полка. Судя по всему, семь или восемь налетчиков на двух санях заехали внутрь, минуя караулы. Может, им даже честь отдали... Последующее дознание ничего не обнаружило. Полицию просто не допустили в казармы.

– А куда смотрит губернатор? – возмутился Лыков.

Но Георгий Самойлович ехидно ответил:

– Числящийся по гвардейской кавалерии полковник Свечин смотрит в адрес-календарь. А там написано, что Тифлисский полк входит в Кавказскую гренадерскую дивизию.

– Это освобождает полковое начальство от ответственности?

– Алексей Николаевич, – полицмейстер понизил голос. – Начальником дивизии является великий князь Николай Михайлович. Со всеми вытекающими.

– Хм!

– То-то и оно. Еще во времена пребывания Михаила Николаевича кавказским наместником ему тут позволялось все. Теперь детишки подхватили, прости, господи... Я, когда представлялся Николаю Михайловичу, явился в парадном мундире. А он вышел в подштанниках! Демонстративно. Такой вот человек. Кто нас пустит в казармы? Смешно и

говорить. Командиры, конечно, службу знают и явных-то преступлений не допускают. А вот неявные... Я имею в виду потакание и иже с ним... Чтобы не выносить сор из полковой избы, пойдут на что угодно. А в казармах, сами понимаете, правят фельдфебели с унтерами. Эти-то и сговорились с Безвуглым. Только мы никогда не узнаем подробностей. Агентуры в армейских частях у полиции нет и быть не может.

– У жандармов должна быть! Давайте напряжем Трембея. А он пусть запросит губернское управление.

– Давайте, – согласился Ковалев без особого энтузиазма. – Но лучше вы его напрягайте. Мне по должности не положено.

– И напрягу, – пообещал питерец. – Но что известно о связях Безвуглого? Притоны, штатные скупщики добычи, сообщники, любовницы, приятели...

– Приятелей у таких людей не бывает, – сказал помощник пристава. – Любовниц постоянных тоже. Есть есаул, правая рука. Зовут Мишка Мерзавкин, фамилия говорит сама за себя.

– Тоже пластун?

– Нет, стрелок. Из Пятого батальона сбежал прошлой весной, когда убил соседа по нарам.

– За что убил?

– За пустяк. Повздорили в бане из-за полотенца, и Мишка шваркнул недруга головой об печку. Сразу до смерти.

– Отчего же его в тюрьму не посадили? – удивился коллежский советник.

– Везли, да не довезли. Сбежал из-под конвоя. Прибился к Безвуглому и быстро сделал там карьеру. В жестокости Мишка мало чем уступает атаману. Он теперь в шайке главный вербовщик.

Гайдуков пояснил командированному:

– Кавказские стрелковые батальоны – любимые части князя Голицына. Туда полицию тоже не пускают. Так этот Мерзавкин устроил в овраге у стрелковых казарм клуб для всякого отребья. В карты там играют, ворованное продают, пьянствуют. Фельдфебели, конечно, в доле. И когда шайке нужно подкрепление, его берут прямо из батальонов. В марте Безвуглый напал на дом купца Тер-Григорова. В налете участвовало двадцать человек! Конечно, среди них были и срочнотрудовые.

Лыков покачал головой:

– Пора, пора дрянь эту раскассировать... Не находите?

– Находим, – ответил за всех полицмейстер. – И время удобное. Великий князь сидит у себя в Боржоми. Голицын укатил в Петербург. За

начальство генерал Фрезе, он даст необходимые распоряжения. Готовим сплошную облаву, господа. С чего начнем?

Снитко подмигнул Гайдукову, и тот поднялся:

– Разрешите доложить?

– Парамон Иванович! Ужели есть заготовка?

– Так точно. Мы получили сведения, что бандитский атаман Безвуглый обещал завтра прийти на именины к своему одностаничнику хорунжему Воронову.

– Ух ты! – оживился полицмейстер. – Вот новость. Вы будто заранее сговорились со Снитко. Даже подозрительно.

– Так работа ведется, Георгий Самойлович, – обиделся помощник пристава. – И днем, и ночью. Я этого атамана уже во сне вижу. Недавно приснился. Скалится и говорит с фанаберией: а тебе меня не взять! Теперь и поглядим.

– Где намерен справлять именины хорунжий? – спросил питерец.

– В трактире Мартирузова на Кахетинской площади. Это в Седьмом участке. Самый притон!

– Кахетинская площадь! – хлопнул ладонью по столу полицмейстер. – Шумное место, середка Авлабара. Когда сбор? Ночью?

– В том-то и дело, – осадил начальство Гайдуков. – По ночам наш пластун работает. Днем они должны отметить, в два часа пополудни.

И Ковалев сразу сник.

– Что не так, Георгий Самойлович? – насторожился сыщик.

– Кахетинская площадь, Алексей Николаевич, главная в Авлабаре, и на ней базар. Днем всегда людно.

– Ну так не выпустим их из трактира!

– Легко сказать, да трудно сделать. Заведение Мартирузова разбойники очень любят. И не зря: там четыре выхода.

– Все перекроем, куда они денутся?

– Не получится.

– Почему? – стал горячиться питерец.

– Там базар, а на базаре всегда... кто?

– Продавцы и покупатели, кто же еще!

– Алексей Николаевич. Воры всегда есть на любом базаре.

Лыков осекся:

– Да, базара без воров не бывает. И что, они предупредят Безвуглого?

– Конечно. У этих людей хорошая организация, иначе в их ремесле нельзя. В шайке карманников всегда есть наблюдатели, тырщики, сигнальщики. Одни толкают и отвлекают. Вторые непосредственно лезут в

карман – и мгновенно передают кошелек в третьи руки. Потом возникают следующие... А теперь представьте, что мы начнем готовить захват трактира. Подтянем силы, и что? Их немедля увидят те самые ребята. И отсемафорят Безвуглому.

– Теперь понял, – кивнул сыщик. – На это есть способ.

– Какой?

– Явиться небольшим отрядом, неожиданно и без оцепления.

Гайдуков и Снитко одновременно прыснули. Полицмейстер же выпучил глаза:

– Это вы на Ивана Безвуглого хотите явиться небольшим отрядом?

– Раз другого способа нет, то да. Человека три-четыре будет достаточно.

Ковалев погрузнел.

– Вы хоть знаете, с кем хотите схватиться?

– Да рассказывали. Бывший пластун, чемпион по стрельбе и рукопашному. Еще грузинской борьбой увлекается и кулачным боем.

– И вам кажется, что трех-четырех человек для его ареста будет достаточно? Особенно если собираетесь взять парня живьем.

– Обсуждали уже, Георгий Самойлович, – досадливо поморщился Лыков. – Вы меня, главное, к нему подведите. А там увидим, что за чемпион.

Ковалев обратился к Снитко:

– Петр Анисимович, подведешь Лыкова к атаману?

– Ну, если ему жизнь не дорога.

Гайдуков вскинул голову, словно решился прыгнуть в холодную воду:

– Я пойду.

– Куда? – рассердился помощник пристава.

– В трактир, вместе с Алексей Николаичем.

Два городских сыщика принялись ругаться друг с другом, не обращая внимания на начальство. Лыков рявкнул:

– Тихо!

Все замолчали. Питерец стал терпеливо объяснять:

– Я кое-что понимаю в пластунском рукопашном бое. На войне был у меня учитель, кубанец. Калина Голунов его звали... Он показал приемы.

– Кое-что... – скептически подчеркнул полицмейстер. – И война та прошла много лет назад. Куда вы голову суете, Алексей Николаевич? Жить вам надоело, право слово.

– Вы так же говорили, когда я в горы собрался. А что вышло на итог? Привел Динда-Пето.

Коллежский советник развел руками и не нашелся, что возразить.

– Георгий Самойлович, у нас что, есть варианты? – примирительно начал питерец. – Безвуглый ведь не просто так назначил встречу на дневное время. Тоже соображает, что в случае чего полиции придется трудно.

– Само собой.

– Значит, нам и дальше будет с ним непросто. Никогда атаман не даст слабину. Никогда не сгруппит, не облегчит нам задачу. Так?

– Так. Иван Безвуглый – это... монстр. Слабых мест у него до сих пор не наблюдалось. Иначе давно бы мы его поймали.

– Вот видите. Завтра он снова где-то появится. И так же с предосторожностями. Пока вы не внедрите в его банду агента, пока не узнаете, где он ночует... – Лыков намеренно сгустил краски: – Так и будет продолжаться.

– Хорошо. Что вы предлагаете? Ввалиться в заведение с улицы, неожиданно? А как быть с тремя остальными выходами?

– А они все на площадь ведут, к базару с ворами? Не поверю, извините.

– Первый и второй – на площадь, – начал вспоминать Снитко. – Третий на Петропавловскую улицу, вот сюда, – он показал на карте. – Четвертый дворами ведет на Константиновскую улицу, довольно далеко, вот здесь.

– Готовая диспозиция! – усмехнулся Алексей Николаевич. – Мы вваливаемся через главный вход. Трое-четверо, как я и говорил. Другие силы перекрывают боковую и заднюю улицы. Там их сигнальщики с базара не увидят. На площадь через другую дверь бандиты не побегут, сами понимаете. Главное – действовать всем одновременно.

Тифлисцы начали обсуждать план и пришли к выводу, что может получиться. Конечно, возникало много всяких «если», и всего предусмотреть было нельзя. Но план питерца давал некоторые надежды.

– Значит, завтра в два часа? – спросил тот у Гайдукова.

– Так точно, Алексей Николаевич.

– Я сейчас туда съезжу, осмотрюсь.

– Прикажете с вами?

– Ни в коем случае, Парамон Иванович. Вас там узнают – только спугнете. Сам управлюсь. Съем что-нибудь у этого... как его?

– Мартирузова.

– Или там лучше не питаться? Отравит?

– Почему? Шашлык у него достойный, – возразил околоточный надзиратель. – Хинкали более-менее. Вина только не пейте, дрянь вино.

На этом совещание прервали, договорившись вернуться к нему

вечером. А Лыков поехал на Кахетинскую площадь. Но сначала ему пришлось переодеться. Гайдуков выдал коллеге потертый сюртук и брюки с обшлагами, в которых проглядывали опилки. Алексей Николаевич потерял ладони земель и стал похож на артельщика средней руки.

Заведение Мартирузова оказалось под стать тому персонажу, которого сыщик себе выбрал. Шумно, людно, накурено. Зато порции шашлыка поражали размерами. Юркие половые сновали без отдыха и все успевали. В трактире имелось три зала: два простонародных и один чистый. Коллежский советник обошел все и сел в чистом у окна. На площади была невообразимая толкотня. Да, поставь здесь наблюдателей, и полиция к трактиру не подберется...

Подбежал худенький армянин с полотенцем:

- Что пожелаете?
- Из говядины шашлык есть?
- Сделаем для вашей милости.
- Фунт.
- А еще что?
- Балычок с водочкой, без этого никак.
- Возьмите вино, нектар, а не вино!

Но сыщик помнил предостережение Гайдукова и настоял на водке. Еще велел доставить соленых огурцов, пирог с печенкой и побольше черного хлеба.

Половой убежал, а Лыков отправился будто бы искать ретирадное. Под этим предлогом он обошел все заведение, заглянул в кухню, выбрался через один выход на обширный двор, а потом через другой – на соседнюю с площадью улицу. Да, подходящее место для тайной встречи. Под конец Алексей Николаевич сделал открытие. Он обнаружил маленькую комнату, видимо, для особых гостей. Там стоял единственный стол. Окон в комнате не было, а дверей имелось аж три, и две из них вели в служебные помещения трактира. Тут, скорее всего, и сядет атаман!



Плотно отобедав и выпив полбутылки водки, «артельщик» сыто рыгнул и опять начал шататься по заведению. Видать, запомнил спьяну, где нужник. Пришлось обслуге за руки выводить гостя на улицу. В дверях гуляка сунул половому гривенник и подмигнул:

– Знай мою щедрость! На триста рублей я нынче досок продал, во! Завтра опять приду. Часика в два.

– Будем рады, – с достоинством ответил парень и побежал выполнять

очередной заказ.

Вечером Лыков сообщил свои наблюдения тифлисцам. Гайдуков тут же сказал:

– Знаем мы эту комнату. Там пластун не сядет.

– Почему?

– Двери, что ведут вовнутрь, неудобны для спасения. Через одну попадаешь в кухню, а оттуда путь только на площадь. А вторая вообще в тупик. Замучишься убежать.

– Значит, атаман с именинником сядут в чистой половине?

– Наверняка.

– Предлагаю вот что, Парамон Иванович. Я покажусь в трактире завтра, как и обещал. Сяду на прежнем месте...

– Если Безвуглый будет уже там, в чистую половину вас не пустят, – сразу перебил коллежского советника не имеющий чина.

– Да? Это чуть хуже, но не страшно. Окопаюсь в том зале, который ближе. И начну чудить: нужник искать, требовать чего-нибудь невозможного, хозяина брать на голос. Пусть компания в чистой комнате ко мне привыкнет. Полчаса на это уйдет. Опять же, ребята примут по чарке-другой, расслабятся...

– Ванька никогда не расслабляется, – снова перебил околоточный.

– Хоть чуток, мне хватит.

– Ага. А через полчаса мне придти?

– Можно не одному, а с приятелем, – сказал Лыков. – Это и будет вся наша команда. Больше нельзя – спугнем.

– Втроем вас на одного атамана не хватит, не то что на шайку, – предостерег питерца Снитко. – Я два года назад арестовывал Безвуглого. Пятеро нас было.

– И как?

– Да плохо, вот как. Одному нашему он руку сломал, второму ребро.

– А вам? Простите мой вопрос, Петр Анисимович.

– Чего уж, – махнул рукой коллежский секретарь. – Мне зуб вышиб, господин полицмейстер, чай, помнит.

– Ладно еще никого не убил, – прошептал Ковалев.

Питерцу впервые сделалось не по себе. А вдруг он не справится? Двадцать лет назад он никого не боялся. Но это по молодости. Как появились дети, начал дрейфить. Пару раз заметно для окружающих... Но перебарывал себя или потом отбывал вину чрезмерным риском. Последние лет десять Алексей Николаевич уже меньше ходил по лезвию, больше руководил. Иной раз нарочно лез в пекло, когда особо и не надо было,

единственно с целью проверить себя. Так, чтобы или-или, он тебя либо ты его, не выпадало уже давненько. Вдруг разучился? Как говорят про старых скакунов: был, да съездился? Вон на Кахетинском шоссе дрожал что осиновый лист... А тут пластун, молодой, терять ему нечего. Парень, судя по рассказам, лихой. Что, если он не хуже Голунова? С таким сорокасемилетнему Лыкову не справиться.

Отгоняя от себя неприятную мысль, сыщик резюмировал:

– Пойдем втроем. Возьмите кого покрепче.

– Городовой Второго участка Данила Ухов крепче всех, – напомнил начальству Снитко. Гайдуков подтвердил:

– Здоровый, чертушко... Сгодится.

В два часа пополудни артельщик в потертом сюртуке ввалился в трактир Мартирузова и сразу направился в чистую половину. Однако на пороге стоял рослый парень и никого туда не впускал. Дядя сначала пробовал поскандалить. Но всмотрелся в лицо охранника и передумал. Сел тихонько в общей зале и потребовал «как вчера». Парень оценил посетителя и потерял к нему интерес. Судя по приметам, это был Михаил Мерзавкин, есаул при атамане Безвуглом.

Самого атамана было не видать: именины отмечали за закрытой дверью. Но половой то и дело таскал туда всякую снедь. Отнес и большую бутыл чихиря. Вот это славно, авось пластун немного размякнет.

Полчаса Лыков пил и закусывал, негромко поскандалил насчет грязного стакана, но его быстро заткнули. Все тот же Мерзавкин подошел и предупредил: будешь горланить – выкину на улицу. Тут большие люди гуляют, молчи в тряпочку.

Ровно в половине третьего коллежский советник поднялся и шагнул к охраннику. Тот сделал удивленное лицо.

– Ты вот что, паря... Ты обидел меня. Знаешь об этом?

Мерзавкин осклабился:

– Неужто? И чего теперь мне за это будет?

– Да...

Оборвав речь на полуслове, сыщик сильно заехал бандиту в переносицу. Так, чтобы вывести из строя надолго.

– Вот что будет, – сообщил он улетевшему в угол противнику и шагнул в чистую половину. В тот же миг сзади подбежали двое. Один был Гайдуков, а второй – огромного роста детина в полной форме городского, только без шашки. Околоточный пытался оттереть питедца плечом, но тот не позволил.

Навстречу им поднялся высокий мускулистый мужчина лет тридцати,

с круглым жестким лицом и злым прищуром.

– А...

– Безвуглый? – спросил Алексей Николаевич для проформы. Больше он ничего ни сказать, ни сделать не успел.

Атаман резко кинулся в атаку. Лыков понял, что сейчас получит удар в левую скулу, и успел прикрыться. Вместо этого ему прилетело сапогом в правое колено. Нога подломилась, он согнулся в поясе. И тут же получил страшной силы удар сверху по темени. В комнате словно задули газовый рожок. Уже теряя сознание, сыщик схватил противника за ногу и пытался повалить, но куда там...

Очнулся он быстро, через несколько секунд. И обнаружил себя лежащим на левом боку. Нестерпимо ныло колено, в ушах звучал тягучий медный гуд. Рука что-то сжимала. Лыков с трудом повернул голову и понял, что это пустой сапог. Напротив валялся Гайдуков и внимательно всматривался одним глазом в начальство. Второй глаз у околоточного был закрыт. Увидев, что питерец очнулся, надзиратель ехидно сказал:

– Ну и что я говорил?!

Алексей Николаевич с трудом сел, но подняться сил не было.

– Мотает-то как... – пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

Гайдуков тоже попробовал встать и тоже не смог. Тут Лыков повернул голову и увидел такое, что сразу же заставило его вскочить на ноги. Городовой Ухов лежал у порога лицом вниз, а на кафтане его с левой стороны быстро расплзлось кровавое пятно.

– Черт! Парамон, врача, живее!

Коллежский советник всегда брал на задержание перевязочный пакет. Он вынул его из кармана – голова сама собой перестала кружиться, – и нагнулся над раненым. Положил на спину, сорвал кафтан вместе с рубахой. Опять перевернул и принялся лихорадочно бинтовать рану под лопаткой. Но кровь была так, что бинт сразу намок и сделался бесполезен. Краем глаза сыщик увидел, что Гайдуков стоит над ним и смотрит.

– Я сказал, врача!

– Без толку, ваше высокоблагородие. Под сердце вдарил.

– Ухов молодой и сильный, может, еще выживет. Бегом!

Околоточный двинулся к выходу. Его мотало, приходилось держаться руками за стены. Но питерцу некогда было наблюдать, он пытался спасти городского. Порвал снятую рубаху на полосы, затамповал рану и туго-туго стянул сверху жгутом. Кровь, как по команде, остановилась. Тут наконец-то прибежала подмога. Снитко и новый помощник полицмейстера Мандрыкин взяли огромное тело и потащили наружу. Другие подхватили с

пола оглушенного, все еще не пришедшего в себя есаула. В чистой комнате Ковалев уже допрашивал бледного казака с дрожащими губами – хорунжего-именинника. Коллежский советник, прихрамывая, двинулся на улицу – ему тоже требовался врач. Но на полпути развернулся и обратился к полицмейстеру:

– Не поймали?

Тот смутился:

– Кто же знал, что он на площадь побежит, а не во дворы? В одном сапоге удрал.

Лыков кивнул, охнул и заковылял к дверям.

Через час в кабинете полицмейстера подвели итоги операции. Они были удручающими. Безвуглый в одиночку справился с Лыковым и Гайдуковым. Городовой не успел вступить в схватку – его ударили в спину. Видимо, кроме Мерзавкина, у атамана был второй охранник. Он сидел в общем зале, не выдавая себя, и в нужный момент вмешался.

Единственное, что примирило всех с поражением, было состояние Ухова. Врачи заявляли, что он выживет. Алексей Николаевич своевременно перевязал рану и остановил кровь. Кроме того, в руки полиции попал есаул – питерец перебил ему нос. Мерзавкина посадили в карцер, чтобы сразу сломить. Но тот только матерился. Шансов, что он заговорит, было немного.

Сидели вчетвером: Ковалев, Снитко, Лыков с перевязанной головой и Гайдуков с заплывшим глазом. Околоточный повторял:

– Убью сволочь! Убью сволочь! Найду и убью.

– Парамон Иваныч, хватит, – осадил его полицмейстер. – Без тебя тошно. Что делать-то будем?

– Искать заново, – оптимистично заявил Лыков.

– Где?

– Это нам пусть скажут сыщики.

– Ну, раз мы теперь знаем, сапоги какого фасона носит Безвуглый... – начал Снитко, и все сразу захохотали. Отсмеявшись, помощник пристава закончил:

– Облавы, облавы и еще раз облавы. Во всех русских кварталах и во всех военных местностях.

Он подошел к карте и стал показывать:

– Молоканскую слободу, Пески, Ново-Троицкое поселение в первую очередь. И Чугуреты, там полно военных. Еще то, что за полотном железной дороги: хутора саперного батальона, лагерь Тифлисского полка, казармы нестроевых рот Мингрельского полка, бараки между патронной и

пороховыми погребками.

– А почему там? – спросил Ковалев.

– Если солдатики прячут Безвуглого, им проще делать это за городской чертой, где меньше офицеров.

Лыков начал загибать пальцы:

– Всех под одну гребенку, не только русских или военных. Трактиры, чайные, ночлежные дома, бордели и духаны. Вокзал. Гостиницы и меблированные комнаты. Постоялые и заезжие дворы, караван-сарай. Известные полиции притоны. Скупщики краденого, ломбарды, лица, занимающиеся сводничеством. Места стоянки рабочих и рекомендательные конторы для найма. Поднадзорные за преступления. Высланные и подвергнутые взысканиям в административном порядке. Лишенные прав занятий известных должностей: сторожа, дворника, швейцара и гардеробщика. Неблагонадежные полотеры, старьевщики, вообще мастеровые, которые ходят по домам...

– Так это всех тулухчи придется общупать, – прервал коллежского советника Гайдуков.

– Водовозов? Обязательно, – сказал питерец и продолжил: – Далее профессиональные нищие и лица, имеющие судимость. Всех пощупать!

– А нищих зачем? – удивился полицмейстер.

– Осведомленные, вот зачем. Далее смотрим места, где можно заночевать под открытым небом, в первую очередь кладбища. Особо внимательно обследуем пригородные деревни. Овраги прочесать! Всех городских на улицу, включая резерв. Пусть днем и ночью смотрят в оба. Агентуру напрямь, пообещать награду в тысячу рублей за сведения о Безвуглом.

– Тысяча рублей? – не поверил Ковалев. – А где я ее возьму?

– Я дам.

– Мстительный вы человек, Алексей Николаевич...

– Это ему за мою коленку. И за глаз Парамона Ивановича.

– Тыща! – мечтательно произнес околоточный. – Да за такую сумму я Ваньку на аркане притащу. Самолично!

– Притащите – деньги ваши, – подтвердил свои слова коллежский советник.

Но с агентурой сразу не задалось. Вечером на Норийском подъеме у дома Майсурадзе нашли покойника с колотой раной в груди. А утром в Нахаловке, в карьере, где добывали камень и землю для мощения улиц, – второго. Снитко загрустил. На вопрос коллежского советника он ответил:

– Первый-то был просто вор, казнили по подозрению. А второй – мой

освед. Тот самый, что прознал насчет именин.

– Безвуглый его вычислил?

– Похоже на то. Быстро сообразил, скотина. Теперь никто слова не скажет, урок получили.

И действительно, после двух убийств все как воды в рот набрали.

Не дал ничего и допрос есаула. Гайдуков избил его до полусмерти, без всякой жалости. Мерзавкин мочился кровью и впадал в забытие, но атамана не выдал.

Поиски шли неделю. Жулики всех мастей начали разбегаться из города. Полиция не успокаивалась. Городовые, в отместку за раненого товарища, спуска не давали. Воров и грабителей, попавших в облаву, приводили едва живых. Во дворе губернской тюрьмы спешно строили новый барак – сажать арестованных было уже некуда. И напряжение стольких дней дало результат.

Однажды Снитко явился с загадочным видом. И попросил собрать, как он выразился, весь полицейский кагал. Ковалев с помощником, Лыков и Гайдуков расселись и хором воскликнули:

– Ну?

– Нашелся, собачий сын!

– Где он?

– В Колючей балке.

– Я с самого начала предполагал, – радостно возопил околоточный, хотя никто от него в последние дни такого не слышал.

Полицмейстер нахмурился:

– Колючая балка большая. Запереть ее сил не хватит. Точное место известно?

– Не такая она и большая, – возразил коллежский секретарь. – Запрет как миленькую. А место известно приблизительно.

– То есть? – не понял Лыков.

– Ванька Безвуглый прячется в доме Гургенбекова.

– И что?

– А то, Алексей Николаевич, что никто не знает, где этот дом стоит. Вся слобода, как я говорил, незаконная. Разрешений на строительство нет. Двести домов, без плана, кто где вздумает...

– Обложить целиком, чтобы мышь не выскочила, и идти сплошной облавой, – предложил Гайдуков. – Начнем спрашивать – люди расскажут, где этот черт проживает.

Ковалев запросил адресный стол. Оказалось, что в Тифлисе числятся аж три человека с такой фамилией. Но, как и следовало ожидать, ни один

не прописался в Колючей балке.

Лыков изучил план, потом, загримировавшись, отправился на место. Уголовная республика приняла сыщика не приветливо. Как только он спустился от Артиллерийской слободки вниз, к началу оврага, его остановили два оборванца.

– Ты кто?

– Да вот, ищу, где приткнуться. Фараоны замучили, всех гребут без разбору, а у меня пачпорта нету.

– Иди, откудова пришел! Здесь для сброда местов не запасено.

Алексей Николаевич пытался договориться: мол, он поищет и все, никого не беспокоит, а за погляд готов уступить полтину караульщикам. Но получил по шее и был вынужден ретироваться. Не унявшись, попробовал зайти с Судебной, но его встретили сразу трое и дали от ворот поворот. Стало ясно, что Колючая балка находится в состоянии мобилизации и осмотреть ее заранее не позволяют.

На очередном совещании полицмейстер заявил:

– Пойдем наудачу. Другого выхода нет. Петр Анисимович, доложите свои соображения.

Снитко взял карандаш и подошел к карте.

– Начнем с утра, когда хорошенько рассветет. Тамошние голодранцы поздно ложатся и поздно, стало быть, просыпаются. Тут мы их тепленькими и возьмем.

– Сколько сил планируете привлечь?

– Так что, Георгий Самойлович, дело такое... Войска бы хорошо. Казаков или хотя бы grenadier.

Лыков заподозрил неладное и возразил:

– Казаки с grenадерами Безвуглого живым брать не станут.

Ковалев покосился на питерца и приказал помощнику пристава:

– Продолжайте.

– Так что насчет казаков, ваше высокоблагородие?

– Справимся сами.

– Да все равно он ничего не скажет! – раздраженно бросил Снитко. – Не такой человек.

– Динда-Пето тоже говорил мне, что абрек и смерти не боится, – ответил Лыков. – А посмотрел в дуло и кочетом запел.

– Эх... Тогда вот как надо, Георгий Самойлович. Колючая балка вся на виду. Выставим по обоим гребням патрули. Артиллерийскую слободку запрем усиленным нарядом. Снизу, от Головинского, тоже проверенных людей. Перекроем обе Судебных и Грибоедовскую. А в саму балку входят

два отряда по десять человек, лучше, кто с боевым опытом. Один отряд поднимается снизу, от проспекта, а второй спускается сверху. Где-то они да зацепят Беззубого. Тот начнет метаться, вырваться чтобы. Ну и...

– Хороший план, – одобрил коллежский советник и посмотрел на Лыкова.

Тот не нашел, что возразить. Действительно, Колючая балка представляла собой большой крутой спуск, с обеих сторон сжатый гребнями. Двести домов там, пожалуй, не было, но больше сотни точно имелось. Ни заборов, ни огородов, все нараспашку. Лавки и духаны тоже отсутствовали, разве что внизу стояла пивная. Если запереть все выходы, как предлагал Снитко, деваться пластуны будут некуда. Другое дело, если он поймет это и примет бой...

– Мы не оставляем бандиту выхода, – заметил Гайдуков. – На прорыв поперет. Людей можем потерять.

– Возьмем винтовки, – отрезал полицмейстер.

– Да, из них сподручнее стрелять в ногу, – заявил командированный и обвел всех предостерегающим взглядом.

Тифлисцы поняли и промолчали.

– Кто возглавит отряды?

– Разрешите мне, – попросил коллежский секретарь. – Я этому голопузу бескишечному свой зуб припомню.

– А я глаз! – воскликнул околоточный и потер фингал.

– Разрешаю, – кивнул полицмейстер. – Снитко возглавит нижний отряд, а Гайдуков – верхний.

– Тогда я, с вашего разрешения, присоединюсь к Гайдукову, – сказал Алексей Николаевич. – По старой памяти.

– Но...

– Руководство останется за Пармоном Ивановичем.

Полицмейстер недовольно скривился и хотел возразить. Но весельчак Снитко опередил его:

– Алексей Николаич, давайте лучше ко мне. Всю жизнь мечтал полковниками командовать. Ать-два, левой!

И ситуация разрядилась сама собой. Лыкову было все едино: подниматься в балку или спускаться. Важно успеть к началу и не дать застрелить пластуна. Тифлисцы, по всем признакам, решили избавиться от беспокойного бандита раз и навсегда.

Но утром все пошло для питерца наперекосяк. Вроде бы действовал правильно, на рожон не лез, но и за чужими спинами не прятался. Хотелось поквитаться с ловким атаманом: давно уже Лыков не испытывал подобного

унижения, какому он подвергся в трактире Мартирузова. И не только поквитаться, но и поговорить о «большой постирочной». Безвуглый – крупная фигура, его не используешь втемную, как простого дергача^[53]. Уж он-то должен знать заправил!

Нижний отряд едва успел проверить первые два-три дома, как наверху загрохотало. Сначала хлопнули револьверные выстрелы, но им тут же ответили из винтовок, и после короткой, но жаркой перестрелки все стихло. Лыков бросил товарищей и полез вверх, не обращая внимания на появившихся вдруг в большом количестве неизвестно откуда оборванцев. Ему показывали кулаки и ругали последними словами. Это жители Колючей балки поднялись раньше времени и теперь костерили полицию.

Напротив прохода к Мало-Судебной улице кружком стояли городовые и смотрели на что-то. Особняком торчал Гайдуков с виноватым видом. Алексей Николаевич тут же понял, что случилось. Когда сыщик добрался до них, полицейские расступились. Да, он... Безвуглый лежал на спине, сжимая в руке маузер. Сразу три пули попали ему в голову, и одна – в живот. Видимо, расстреляли в упор, уже раненого, подумал питерец. Делать теперь нечего, и ругаться бесполезно: тифлисцы добились своего.

Не сказав никому ни слова, Лыков двинулся вниз. Тут подбежал запыхавшийся Снитко:

– Что там, Алексей Николаевич?

– Там покойник, Петр Анисимович. Как вы и хотели.

– Кто хотел? – фальшиво удивился главный городской сыщик.

– Ну, вы все.

– Потрудитесь объяснить, ваше высокоблагородие, – перешел на официальный тон коллежский секретарь.

– Потружусь, потружусь... Вы ведь нарочно выпросили меня к себе? Знали, что дом, в котором укрылся атаман, находится в верхней части балки. Так?

Снитко молча смотрел на питерца.

– Это вам полицмейстер велел?

– И что, если так? – ответил помощник пристава, оглядываясь по сторонам – не слышит ли кто.

– Теперь уже ничего. Оборвали мне все концы.

– Я вам этого не говорил, Алексей Николаевич, но... Да, мне приказали. Прошу не держать обиды.

– Но почему, Петр Анисимович? Вы же, как и я, сыщик. И понимаете, что дознание опять в тупике.

– Безвуглый все равно не дался бы живым, – убежденно заявил

Снитко. – А если бы и взяли его раненого, то не стал бы он с вами говорить. Вон Мерзавкин, есаул: мелкая душонка, а и то молчит. Атаман был что надо, кремень! И крови на нем видимо-невидимо. Стали бы мы его окружать, скольких людей бы недосчитались? Нет, так лучше. Пристрелили, и правильно сделали.

Тут подошел стоявший до сих пор в сторонке Гайдуков и подхватил:

– Собаке собачья смерть.

Коллежский советник отвернулся, глянул с полугоры вниз. Там шумела площадь, от Разгонной почты отъезжал целый караван. По Верийскому мосту гнали отару овец. На склоне горы Махат проступали из тумана гигантские корпуса арсенала. Тифлис не хотел выдавать своих тайн...

Глава 11

Новый план

Утром в номер к Лыкову неожиданно явился коллежский советник Ковалев.

– Алексей Николаевич... – начал он осторожно и вдруг замолчал. Сыщик подумал, что полицмейстер хочет объясниться насчет убийства Безвуглого. Однако оказалось, что смерть пластуна того вовсе не интересует, а интересуют деньги. Те, которые питерец обещал за сведения об атамане. Когда Ковалев снова заговорил, то завел речь именно о них:

– Вы сказали насчет тысячи, и мы передали ваши слова в фартовую среду. Полагаю, именно благодаря такому щедрому посулу негодяя и нашли столь быстро. Теперь, значит, надо платить. Раз обещали.

Георгий Самойлович выглядел смущенным. Вдруг командированный передумает? Наговорил сгоряча. А теперь под предлогом, что бандита убили, откажется от своих слов. Кроме того, деньги в сыске всегда подозрительны. Жертвы краж то и дело платят полицейским, иначе вещей не найдут. Но те берут мзду с разрешения начальства. А тут? Лыков не потерпевший, а официальное лицо; приехал сюда дознавать важное дело по поручению министра. И платить собирался свои кровные. Будто ему больше всех надо... Двусмысленная ситуация. Но если доносчика сейчас не отблагодарить, в следующий раз посулам сыщиков не будет веры, и они останутся без осведомления.

Алексей Николаевич понял все соображения, что беспокоили начальника полиции. Убили там Безвуглого или не убили, но дело сделано. Кто-то рискнул жизнью – и заслужил награду. Питерец безропотно пошел к коридорному, в сейфе у которого хранил крупные купюры. Но и там тысячи не оказалось, пришлось ехать в банк. Ковалев пристал к гостю как банный лист – все не верил, что трудный вопрос так просто разрешится.

– Кто тот смельчак, что не побоялся заложить пластуна? – поинтересовался сыщик.

– Да никто, один боша, – неохотно ответил полицмейстер.

– Боша?

– Ну, армянский цыган. Их тут появилось в городе несколько сотен. Профессиональные попрошайки.

– А есть армянские цыгане? Никогда не слышал.

– Теперь есть. Настоящие цыгане, хотя родной язык для них армянский. Ходят везде, нос суют. Вот парень и разнюхал, и нам сообщил. Теперь сидит у меня в приемной и ждет награду. Как только отважился прийти?

Лыков достал наконец нужную сумму и вручил полицмейстеру. Тот чин чинном выдал ему расписку: «Тысячу рублей получил для вручения осведомителю согласно устного обещания коллежского советника». И ушел весьма успокоенный. А сыщик смотрел ему вслед и думал: зачем ты приказал убить Безвуглого? Чтобы не рисковать жизнями полицейских? Или с целью помешать дознанию?

Дознание же в очередной раз споткнулось. Как повелось в Тифлисе, лишь только питерец находил лицо, причастное к делу, оно тут же погибало. Это не могло быть случайностью. Кто-то – Лыков назвал его кукловодом – контролировал каждый шаг приезжего. И знал о всех его находках. В нужное время кукловод дергал за ниточку, и совершалось необходимое ему действие. Алексей Николаевич тоже подрядился при нем куклой. Пора было с этим кончать. Но как?

В семье Лыкова любили читать вслух рассказы Конан-Дойла про Шерлока Холмса. Тот применял в расследовании преступлений метод дедукции. Получалось это у англичанина чрезвычайно ловко. По окурку или другой мелочи гениальный сыщик выстраивал цепь событий и определял виновного. Вот бы его сюда, в Тифлис! Но Холмс – герой вымышленный и коллежскому советнику не помощник. Надо выкручиваться самому. Однажды, когда еще был жив Благово, они вместе распутывали загадочное убийство священника в Кушелевой деревне, и возникла схожая ситуация. Едва полицейские приближались к отгадке, что-то случалось. Ниточка обрывалась, все приходилось начинать заново. И Павел Афанасьевич сказал: все, хватит. Нас водят за нос. Есть дирижер, и мы играем по его нотам. Применим метод обратной дедукции. Что это за метод, спросил ученик учителя, и тот объяснил. Представь себе, что ты преступник и продумал злодеяние от начала до конца. Предвидишь действия полиции и заранее их парируешь. И потом иди от события к событию, прикидывай, кому оно на руку. Кто мог такое устроить и зачем ему это понадобилось? Как оно заставляет сыщиков следовать нужным преступнику путем? Мотивы, алиби, логические умопостроения. Когда событий несколько и все они направлены одной рукой, появляется единственно верное объяснение. Благово применил метод и быстро выяснил, что заказчиком убийства был благочинный.

Ну-ка, ну-ка, подумал Алексей Николаевич. А что в моем случае? Есть

большое преступное предприятие, основу которого составляет Тифлисское казначейство. Но масштаб указывает на птиц высокого полета. Весь Кавказ и чуть не вся Россия замешаны в деле. Неужели простой Козюлькин (что за фамилия!) организовал такое? Не может быть. Он казначей, важный человек, но не кукловод. Потом, Козюлькина давно нет в городе, а куклы пляшут. Для управления «большой постирочной», а главное, для ее прикрытия, нужен кто-то уровнем повыше.

Кто у нас на самом верху? Главноначальствующий князь Голицын. Но он фигура скорее декоративная, да и умом не вышел. Где князьку придумать и организовать безотказную работу столь сложного механизма. Идем сверху вниз. Его помощник Фрезе? Держит край в своих руках, знает кадры. Фрезе – настоящий правитель Кавказа, а не бездельник Голицын, который полгода болтается в Петербурге и пытается в дело и не в дело попасться на глаза государю. Но Александр Александрович боевой генерал. И честный служака, как показалось сыщику. Кроме того, у Фрезе слишком высокий уровень. Сам генерал далек от конкретных вещей, нужны подручные. Много подручных, в разных частях управления. А это риск. И Лыков пока снял с Фрезе подозрение.

Кто у нас еще ниже? Директор канцелярии генерал-майор Трофимов. Третья по значимости должность в здешней иерархии, огромные полномочия и полная осведомленность. Тем не менее Алексей Николаевич с ним ни разу не встречался, не было необходимости. Одно это указывает на то, что Трофимов от дела далек. Тот, кто ведает «постирочной», должен быть в курсе событий, непосредственно участвовать в дознании.

Значит, если три верхних этажа не подходят, опускаемся на четвертый. И тут возникают те самые фигуры, с которыми сыщик общается каждый день. Вице-директор канцелярии Трембель, губернатор Свечин и полицмейстер Ковалев. Вот они годятся на роль кукловода. И Трембель больше других! По должности он самый сведущий в крае по части секретных дел. Надо провести ревизию казначейства и ничего не найти? Запросто. Пустить командированного сыщика по ложному следу? Может. Приказать полиции не очень стараться при ловле абрека? Послушаются, куда им деваться. Все уголовные дознания, все перемещения крупных денежных сумм – под его контролем. Местная администрация поголовно смотрит Карлу Федоровичу в рот. Полиция, стража, жандармы – обязаны отчетом. Идеальная позиция для кукловода.

А другие? Полковник Свечин правит только своей губернией, другие ему неподвластны. Да и в детали дознания он не суется: Лыков давно его не встречал, все решает Ковалев. Значит, полковника вычеркиваем? И

концентрируем внимание на коллежском советнике. Георгий Самойлович тоже не всесилен, отвечает лишь за полицейскую силу в столице края. Но почти все важные события происходят тут. Если он в деле, то является правой рукой кукловода-Трембеля. А в других местах у Карла Федоровича сидят свои ковалевы, рангом пониже? Весьма вероятно. Тоже риск, что кто-то из них оплошает. Но в большом деле без помощников не обойтись. А когда осведомленный человек попадает на заметку к Лыкову, его можно убить. Так будет и впредь, если не взять инициативу в свои руки. Вообще же, черед покойников, связанных с «постирочной», наталкивает на одну мысль. Главный человек в деле решил его закрыть. Дальше использовать механизм уже нельзя: в Петербурге пронюхали и прислали сыщика. Надо обрубить концы – руками того же Лыкова. Тот, как заводной, бежит из стороны в сторону, хватается всех подряд... И делает за кукловода грязную работу.

Однако, если догадка Алексея Николаевича верна, то напоследок главарь захочет хлопнуть дверью. Сорвать последний куш, крупный, чтобы хватило на оставшуюся жизнь где-нибудь в Биаррице. Взять деньги, а не доходные бумаги, и деньги «чистые», не меченые. А сообщников отдать все тому же Лыкову на съедение. Так, чтобы мелочь попалась, а те, кто знает имя хозяина, умерли. Красиво выходит... Питерец возвратится в столицу победителем: «большая постирочная» уничтожена, можно орден получать. Вот улики, вот признания исполнителей навроде кассира первого разряда Баграм-бека Макинского. Чины повыше живьем не дались, да и черт с ними. Кто-то из них и был главарь. Какая теперь разница, кто именно...

Ну-ка, проанализируем ситуацию по методу Павла Афанасьевича, подстегнул сам себя Лыков. Начнем, как полагается, с конца. Только что застрелили атамана грабителей Безвуглого. Столько лет не могли поймать. А едва парнем заинтересовался командированный, сразу отыскали. Целых два раза подряд. Отыскали – и прикончили. И не в перестрелке, случайно, а тремя пулями в голову, чтобы наверняка не заговорил. Лыкова же отправили на другой конец слободы, чтобы он не успел вмешаться. Кто все организовал? Полицмейстер Ковалев.

Идем дальше. Предыдущей жертвой дознания стал абрек Динда-Пето. Еще один агент «большой постирочной», как и Безвуглый, поставлявший ей клиентов. Этого тоже долго не могли изловить. Когда Лыков ночью уходил за ним в Закаталы, то не сообщил об этом никому из здешнего начальства. Знал только Скиба и помогал заметать следы. Вот доказательство того, что ему можно верить. Пожалуй, коллежский советник зря не привлекает его к дознанию, а ведь Скиба – бывший сыщик и к тому

же знаток местных обстоятельств. Потому задержание и прошло как по маслу, что держалось в тайне. Но об аресте узнали в Тифлисе. Спихватились – и зарезали абрека, якобы руками кровника. Кто мог это устроить? Тифлисские полицейанты и, пожалуй, Свечин. Но он пока вне подозрений, значит...

Теперь разберем то, что произошло еще раньше. Лыков поехал арестовывать Динда-Пето по адресу, который ему дал Трембель. И на горной тропе его ждала засада. Кто знал о планах сыщика? Те же самые Трембель с Ковалевым. И опять Свечин, но без подробностей. Еще ротмистр Чачибая, но тоже без подробностей. В курсе всего был и помощник полицмейстера Шмыткин. Вроде бы приказ абреку отдавал он. Но чей приказ? Свой или кукловода? Смерть коллежского асессора до сих пор вызывала у питерца подозрения. Уж больно она смахивала на устранение. И доказательства связи с «постирочной» какие-то декоративные. Денег нашли – кот наплакал. И пять штук часов... Все больше доходные бумаги, причем мусорные. Из первоклассных лишь две закладных, украденные у помещицы в далеком Арзамасе. Но листов у нее похитили двадцать, а у Шмыткина отыскиались только два. Словно кто-то подделывал улики, но при этом банально экономил.

Ну и самое первое в цепи событий, и притом самое трагичное: смерть Абазадзе. О задании, выполнять которое ехали поручик с коллежским советником, не знал только ленивый. Лыков рассказал про штабс-капитана Багдасарова всем, даже князю-главноначальствующему. В итоге поручика застрелили на глазах у питерца, а ему велели убираться. Багдасарова тоже кончили. Видимо, рассчитывали, что напуганный Лыков умерит прыть. И вообще вернется в Петербург несолоно хлебавши, где доложит министру, что ниточки оборваны и ловить в Тифлисе нечего. Тут заправились просчитались: Алексей Николаевич не отступил, а только озлился. Так, что полез в горы один, наплевав на здравый смысл. И одержал первые победы: заполучил друга-разбойника и арестовал Динда-Пето. Кстати, история, что произошла на Кахетинском шоссе, снова говорит о непричастности к делу Скибы. Он-то знал характер бывшего коллеги. И если бы спросили его, отнюдь не посоветовал бы ставить сыщика в такое положение. Когда тот проявил малодушие и есть лишь один способ искупить вину.

После таких рассуждений в голове у коллежского советника прояснилось. Точно ли это был метод обратной дедукции, он не был уверен. Но помог загадочный метод... Главные подозреваемые – Трембель и Ковалев, а главный союзник – честный Скиба. Теперь можно реализовать новый план. Алексей Николаевич задумал его из двух частей: явной и

тайной. Явную нужно было проводить совместно с тифлисской полицией. Тайную питерец собирался исполнить самостоятельно, не осведомляя о ней никого.

Сначала Лыков появился-таки у статского советника. Сокрушенно пожаловался ему, что очередная ниточка опять оборвана и дознание затягивается. Так, мол, совсем у вас поселюсь, Карл Федорович. К зиме бы успеть.

Затем спросил с надеждой: что там с поляками? Нет ли оттуда какой-нибудь зацепки?

Трембель только вздохнул:

– Увы, Алексей Николаевич. Недооценил я это племя. В Тифлисе их оказалось более пяти тысяч! Как за всеми уследишь?

– Пять тысяч? – поразился сыщик. – Откуда в городе такая туча панов? От Варшавы далеко, что они все тут делают?

– Ну, отцов выселили сюда после восстания шестьдесят третьего года. Теперь здесь дети и внуки сосланных. Прижились, черти суконные, и обратно на родину не хотят.

– Значит, нет никаких подсказок?

– Никаких, – начальник особого отдела по полицейской части развел руками. – Те, на которых я надеялся, все под лупой. Их почту я смотрю. Но там одна ерунда. Если и ведут паны какие-то дела с жуликами из казначейства, то через других людей. И мне эти люди неизвестны.

– Понял, – сник питерец. – Тогда вот что, Карл Федорович. Хочу я подsunуть в упомянутое вами казначейство соглядатая. Детали мы обсудим с полицмейстером. Когда все продумаем, придем к вам. Вы не против?

– Я за, иначе и быть не может, – с энтузиазмом ответил Трембель. – Но кого подsunете? Тифлис не настолько велик, чтобы отыскался в нем подходящий для агентурной операции человек.

– Мы поищем, – уклончиво ответил сыщик.

– Требуется слишком много качеств. Чтобы был наш, а не с улицы. Чтобы финансист, а не сапожник. Чтобы имелось место, и не сторожа, а поближе к деньгам. Чтобы взяли по рекомендации, которая не вызовет подозрений. Невозможно! Ведь если вы правы и в казначействе все прогнило, там целое гнездо жуликов. Чужого они не пустят.

– Мы думаем над этим.

– Ну, бог в помощь, – уже без всякого энтузиазма завершил беседу статский советник. – Жду вас, когда будете готовы.

Питерец отправился к Ковалеву. Тот выглядел обеспокоенным: что нового потребует командированный? Полиция неделю отбарабанила в

усиленном режиме, люди с ног валяются. Правда, в городе стало чище. После смерти Безвуглого вся шушера притихла: за последние три дня ни одного серьезного преступления. Может, следует время от времени убивать кого-то из фартовых? И тогда наступит успокоение?

– Георгий Самойлович, – начал сыщик, – я тут подумал... Надо начинать все заново. И хватит ловить поставщиков, давайте возьмемся за сам механизм.

– Какой механизм? – опешил полицмейстер.

– Ну, где все деньги крутятся? Где идет подмена?

– В казначействе.

– Вот! Не пора ли завести там свои глаза и уши?

– Хм... – Ковалев задумался. – Здравая мысль. Козюлькин в отпуске. Его обязанности исполняет старший кассир Гонзаго-Павлючинский. Он если и в доле, то теперь настороже. Как мы его завербуем?

– Мы не станем его вербовать. Если Гонзаго – агент «постирочной», это нам ничего не даст. Надо внедрить туда своего человека.

Полицмейстер замахал руками и высказал те же опасения, что и Трембель. Места свободного в казначействе нет, человека с опытом нет, подходящего рекомендателя тоже нет. На это сыщик просто сказал:

– А вы подумайте как следует.

Два коллежских советника отправились думать подальше от кабинетов. На этот раз в сады Крцаниси. Лыков впервые оказался в этом месте. Ковалев привел его в духан под названием «Сладкая лоза». Тенисто, много зелени, запах шашлыка витает вокруг. Вот только близость губернской тюрьмы портила весь вид.

– А вы на нее не глядите, лучше сосредоточьтесь на шашлыке, – посоветовал Ковалев.

– Попробую. Скажите, а госпожа Фомина-Осипова сейчас не появится и не закроет заведение?

– Нет, это не ее участок. Тут властвует госпожа Щербакова.

– Супруга Максима Вячеславовича? Знаю ее хорошо. Правда, умная и приятная женщина?

Полицмейстер недоуменно поглядел на собеседника:

– Умная и приятная?

– А разве нет?

– Дура дурой, и притом крайне болтливая. Черт с ними, с этими бабами. Алексей Николаевич, давайте думать, как внедрить человека в казначейство.

– Давайте. Но тут вам карты в руки, а не мне. Есть в городе

подходящая кандидатура?

Полицмейстер сложил ладони домиком:

– Погодите. Кандидатура, может, и есть, да нет вакансии...

– Ее можно создать.

– Как? Уволить кого-то из кассиров по подозрению? Тогда остальные прекратят всякие подмены, мы ничего не добьемся.

– Не уволить, а послать с ревизией.

– А вот это интересно!

– Георгий Самойлович, мы знаем со слов Алибекова, что коллежский ассессор Баграм-бек Макинский участвует в незаконных обменных операциях. Помните, я вам говорил?

– Помню, конечно. Этот гусь у меня на очереди в кутузку. Но одних слов разбойника мало.

– Для кутузки мало, – согласился Лыков. – Но для нашей операции достаточно. Мы пошлем его, якобы по воле начальства, куда-нибудь в дальние края. На ревизию провинциальных казначейств. Пусть объезжает их одно за другим, месяц или два. А в это время на вакансию в Тифлисское казначейство придет человек. Без замещения классной должности и без оплаты. Кандидат, которому нужна запись в формуляре для поступления на коронную службу.

– Не возьмут, – уверенно заявил полицмейстер.

– Смотря кто попросит. Если, например, это сделает Карл Федорович, кто ему откажет?

– Трембель не годится, – возразил Ковалев. – Все знают характер его службы. Спугнем.

– Тогда кто? Личность рекомендателя должна внушать большое уважение. Фрезе? Предводитель дворянства? Директор конторы Государственного банка?

– Все не то, – отмахнулся коллежский советник. – Не то... Нужен человек со стороны, не из администрации. Ага!

– Ну, есть такой?

– Есть, Алексей Николаевич, – обрадовался полицмейстер. – И никто не заподозрит, и в просьбе нашей он отказать не сможет. Потому что зависит от властей.

– Кто же он?

– Фабрикант Адельханов.

Лыков был обескуражен.

– Это хозяин кожевенно-войлочного завода? У него еще магазин в Петербурге на Невском проспекте.

– Он самый, зовут Григорий Григорьевич. Почтенный человек, и очень богатый.

– Но при чем тут казначейство? Ваш негодник выделяет штиблеты. Ковалев назидательно пояснил:

– Вот вы не местный, потому и не знаете. Григорий Григорьевич начинал как финансист. Он и создал Тифлисское казначейство сорок лет назад. Для этого его пригласил из Москвы сам великий князь Михаил Николаевич, кавказский наместник.

– Действительно, не знал...

– Уйдя оттуда, Адельханов служил управляющим Тифлисской конторой Государственного банка, потом перешел управляющим в Тифлисское общество взаимного кредита. И только в тысяча восемьсот семьдесят пятом году учредил первую кожевенную фабрику. Теперь все его знают лишь с этой стороны. Но любой сторож на Александровской улице до сих пор помнит, кто создал губернское казначейство. Так что от его просьбы не посмеют отмахнуться. И потом, всего на два месяца, без содержания – как откажешь в такой малости?

– Но захочет ли столь солидный господин участвовать в нашей игре?

– Не захочет? – удивился полицмейстер. – Если власть попросила? Исключено. Ведь Адельханов делает не только штиблеты. Он поставщик войск Кавказского военного округа по всем кожаным вещам. Портупеи, сапоги, сбруя, даже ремни для заточки солдатских бритв – это все его. Ну как интендантство отменит заказ?

– Отлично! – сыщик повеселел. – Но ведь ваш фабрикант армянин?

– Точно так.

– Значит, рекомендовать он может только армянина.

– Конечно. И не просто армянина, а родственника. Придется выдать нашего агента за троюродного племянника или кого-то подобного.

– Георгий Самойлович, роль-то непростая. Есть у вас на примете подходящая кандидатура?

Полицмейстер оглянулся, хотя рядом никого не было, и понизил голос:

– Есть. Из моего личного секретного агентурного списка.

– Вам придется показать его мне.

– Понимаю. Хоть завтра.

– Кто хоть он?

– Некто Вартапетянц. Служит конторщиком на заводе стеариновых свечей и мыла вдовы Толле. Мечтает о государственной службе. Смышленный...

– Очень славно. Очень! Ну держитесь, прихвостни Козюлькина...

Тогда завтра вечером?

– Давайте попозже, часов в девять. Когда меньше посторонних глаз в управлении.

– Нет, – сыщик нахмурился, – у вас нельзя. Дело тонкое. Неужели в распоряжении полиции нет конспиративной квартиры?

– Ни одной, – развел руками полицмейстер. – И бюджет не позволяет, и надобности особой не испытываем.

– Как же так, Георгий Самойлович! А где с агентурой встречаться?

– Да вот здесь, например. Загородные духаны очень для этого удобны. Только надо хозяина завербовать, и дело в шляпе. Тут всегда люди, веселятся и пьют, слушают зурну с бубном. Легко затеряться. А в любом заведении имеется комната для важных гостей с отдельным выходом. Уж поверьте мне, не первый год служу.

– Хорошо. Тогда завтра в девять пополудни в «Сладкой лозе». Покажите мне эту отдельную комнату, я приду без сопровождающих. И познакомьте с хозяином.

Ковалев усмехнулся:

– Алексей Николаевич, что вы, право?.. Чай, не маленькие. Хозяин Кайхосро Сирбиладзе. Он вас давно срисовал, поскольку вы пришли со мной. Завтра смело заходите вон в ту дверь.

На этом выездное совещание закончилось. Коллежские советники вернулись в город. Лыков выскочил из фаэтона на Головинском проспекте и пошел в кавахану^[54]. Ему хотелось обдумать результаты своей инициативы.

Алексей Николаевич вовсе не предполагал, что внедрение какого-то армянина в казначейство даст результат. Человек этот будет от Ковалева. А сыщик уже приписал полицмейстера к агентам «большой постирочной». Вся операция задумывалась им как отвлекающий маневр. Пусть тифлисцы считают, что командированный не сидит сложа руки, а действует. Но под их контролем.

Настоящее проникновение в воровской механизм он планировал через три дня. Нужный человек уже выехал из Петербурга в столицу Кавказа. Лыков получил об этом зашифрованную телеграмму. Департамент полиции сообщал, что его план принят. Губернский секретарь Азвестопуло едет под своим именем и везет те самые меченые доходные бумаги, что украли из конторы Сиюза.

Вообще, в последнее время жизнь командированного приобрела оседлый характер. Сыщик понял, что завершить дознание нахрапом не получится и он застрял здесь надолго. В итоге выработались привычки, появились ритуалы. Питерец научился спрашивать «рамбавия?» вместо

«что нового?». Раз в три дня заходил в лучший в городе «Персидский и кавказский магазин» Ахшарумова и Джанинова и покупал там свежие воротнички и манжеты. Заведение находилось прямо под ним, на первом этаже здания гостиницы. В обеденное время коллежский советник пробовал разные варианты шашлыков в многочисленных харчевнях. Еще купался в разных серных банях. А по вторникам и пятницам навещал госпожу Фомину-Осипову в ее домике в Третьем проходе Лабораторной слободки. В эти дни бывший муж Виктории Павловны забирал сына к себе, и свиданию любовников никто не мешал. Хозяйка отпускала и прислугу. В маленькой чистой квартире становилось тихо и уютно, совсем не так, как в опостылевшей гостинице. Вблизи грозная врачиха оказалась милой женщиной, скупавшей по семейному очагу. Жизнь свою она считала неудавшейся и горевала по этому поводу. Но держалась и ради сына, и ради статуса. Ведь женщин во врачебно-санитарной управе было всего две. Остальные – саврасы, которым и диплом, и положение в обществе достались много легче. И Виктория Павловна всячески старалась поддерживать репутацию строгого человека. Зато одинокому сыщику, заброшенному в чужой город, уготовила много нерастроченной ласки... Фомина не предъявляла к своему новому другу никаких претензий, отказывалась от подарков, не спрашивала о прошлой жизни. Просто решила, что этот мужчина, приближавшийся к пятидесяти годам, достался ей ненадолго, ну и пусть. Торс у него все еще как у Геркулеса, но голова седая, а на теле то ли девять отметин, то ли десять – тот и сам не знает. И какая-то другая женщина переживала за эти раны. И продолжит переживать, когда он вернется домой.

Лыков же не стал терзаться угрызениями совести, малодушно списав свою слабость на физиологические потребности. Плохо одному. А он еще мужчина нестарый, куда деваться? Помрет – бог с него за все спросит. Пока же вот так...

Раз из интереса коллежский советник зашел к своей пассии на службу. Врачи помещались во дворе городской управы на углу Лабораторной и Сололакской. Гость явился по убедительному поводу, чтобы не компрометировать Викторию Павловну. Но раз уж попал, осмотрел с интересом все санитарно-врачебное хозяйство. Мария Ивановна помогала приятельнице, и две дамы устроили гостю экскурсию. Он увидел коллекцию скелетов, химическую лабораторию, библиотеку, дезинфекционную печь и прочие инструменты борьбы с заразой. Особенно поразил сыщика спущенный в подвал шкаф с нарисованным на дверцах черепом и надписью: «Смертельно!». Оказалось, это собрание образцов

различных бацилл, найденных врачами управы в пищевых продуктах. Бациллы были закупорены в банки, на каждой красовалась этикетка с указанием. Ключ от шкафа госпожа Щербакова носила на цепочке вместе с часиками и никому не давала. Отчаянная женщина!

Еще у коллежского советника появилась собственная вооруженная сила. Министр финансов Коковцов внял просьбе Плеве. Однажды утром к сыщику прибыли представляться лихой штабс-ротмистр и звено [\[55\]](#) пограничников.

Офицер выступил вперед и доложил с акцентом:

– Господин коллежский советник! Штабс-ротмистр Топурия прибыл в ваше распоряжение согласно приказу начальника Шестого округа пограничной стражи генерал-майора Теляковского.

– Здравствуйте, – протянул ему руку сыщик. – Меня звать Алексеем Николаевичем, а вас?

– Иосиф Хахиевич.

Топурия выглядел староватым для своего невысокого чина. Но в черных усах и бороде ни одного седого волоса, а фигура, как это часто бывает у грузин, великолепная: широкие плечи при тонкой талии.

– Представьте мне солдат.

– Слушаюсь. Старший звена ефрейтор Петров. Рядовые Иванов-первый и Иванов-второй.

– Да, с фамилиями у ребят как-то однообразно. Но вроде боевые, а?

Действительно, все трое были с аннинскими медалями.

– Так что, ваше высокоблагородие, мы все с персидской, значит, границы, – солидно доложил ефрейтор.

И замолчал, ожидая понимания. Лыков понял его. Граница с Персией – самая беспокойная во всей империи. Там и контрабандисты, и курды целыми бандами ломаются, и доморощенные абреки туда-сюда шастают. То и дело вспыхивают кровавые стычки, в которых обе стороны несут потери. На такой службе люди быстро становятся опытными.

– Как разместились?

– Солдаты в помещении караульной команды штаба округа на Кирочной, – доложил штабс-ротмистр. – Поставлены на довольствие с сегодняшнего дня.

– А вы?

– Пока временно при окружном офицерском доме на Черкезовской. А там будет видно.

– Суточные вам выдали?

Топурия смутился:

– Нет. Но не извольте беспокоиться, я на днях премию получил за арест обоза с контрабандой, так что при деньгах.

Алексей Николаевич отпустил солдат, велел им быть всегда наготове. А офицера повел в ресторан гостиницы. Там они позавтракали, и сыщик вручил новому подчиненному несколько купюр.

– Иосиф Хахиевич, тут сто рублей. Берите, не стесняйтесь, это казенные. Такое дело нам поручили, что в расходах не скупятся.

Пограничник наострил уши.

– Какое дело?

– Сейчас все расскажу. Пока вот что. Поселитесь ближе ко мне, так, чтобы нам с вами проще было видеться. Встречи каждый день с утра, для инструкций. По большей части они будут касаться бытовых вещей. Но однажды, почти наверняка, дело дойдет до боя.

Глаза Топурии сверкнули, рука легла на эфес шашки. Но коллежский советник заговорил о другом:

– Расскажите сначала о себе, Иосиф Хахиевич. Надо же знать, с кем в бой идешь.

– Слушаюсь.

– Вам сколько лет?

– Сорок.

– И все еще штабс-ротмистр. Почему так?

Офицер опять смутился. Драки он не боится, а начальства робеет...

– В пограничном корпусе, как и в армии, медленное чинопроизводство, – начал Топурия. – Я служу, как умею. Начальство вроде бы довольно, однако вот... Под судом или следствием не был, взысканий и выговоров нет.

– Продолжайте, Иосиф Хахиевич. В общих чертах, что и как.

– Родился в Кутаиси. Из дворян. Закончил гимназию, потом Тифлисское пехотное юнкерское училище... по второму разряду. Вышел в Сто пятьдесят первый пехотный Пятигорский полк подпоручиком в девяносто третьем году. В девяносто седьмом произведен в поручики, в девятьсот первом – в штабс-капитаны. Шестнадцатого февраля этого года перешел на службу в корпус пограничной стражи, с переименованием в штабс-ротмистры.

– То есть пограничник вы всего три месяца?

– Да.

– Женаты?

– Холост.

– Я все понял. Теперь слушайте задачу.

И сыщик рассказал своему подчиненному все с самого начала. Не утаив ничего важного. Резюмировал он так:

– Преступники нанесут удар, им некуда деваться. Рано или поздно я все раскрою, они это уже поняли. Придется караулить мою скромную персону. Дашнаки один раз напали, но обожглись. Второе нападение они подготовят более основательно. Честно говоря, жду его со дня на день... Хорошо, что вы появились.

– Нападут именно дашнакцаканы?

– Нет, не обязательно. Здешние бандиты, горные абреки, эсеры-боевики... Может быть кто угодно.

– Однако, Алексей Николаевич. Трудно вам.

– Всем трудно. И вам, Иосиф Хахиевич, придется нелегко. Как видите постановку охраны?

– Может, еще людей попросить?

– Хватит четверых. Я и сам пока на что-то гожусь.

Штабс-ротмистр задумался, потом сказал:

– Больше одного человека в смену не выходит.

– Одного достаточно.

– Алексей Николаевич, давайте так условимся. Я прихожу к вам утром, вы сообщаете свой день. Где, куда, когда. Мы вместе решаем, сколько вам дать охраны. По обстоятельствам.

– Верно. День на день не приходится.

– Вы думаете, в самой гостинице вам ничего не угрожает?

– Конечно. Главная улица, главная площадь. Все на виду.

– А я как раз тут бы и напал, – сказал штабс-ротмистр.

– Вот как?

– Тут вы не ждете, потому бы и напал.

– Логично, – согласился Лыков. – Наверное, выходить из «Кавказа» придется всегда в чьем-то сопровождении.

– Точно так!

– Согласовали. Поверьте, Иосиф Хахиевич, я хочу жить не меньше вашего. Вернуться домой, увидеть жену и детей... Так что глупой храбрости от меня не ждите.

– А и хорошо.

Отношения с пограничниками у коллежского советника сразу наладились. По утрам они с Топурией решали, как охранять питерца. В административные инстанции тот шел под конвоем штабс-ротмистра. Получалось солидно: вроде как сыщик ходит с адъютантом. Визиты попроще доставались солдатам. Приказом по отряду им было разрешено, в

нарушение уставных требований, носить револьверы. Причем офицерские самовзводы! Чтобы не цеплялись патрули, нижним чинам выдали соответствующие бумаги, и те страшно возгордились... Но службу несли исправно и близко к сыщику никого просто так не подпускали.

Когда наступил вторник, Алексей Николаевич сказал Топурии:

– Сегодня в девять пополудни я иду к женщине. Там меня караулить не надо. Неловко. По пятницам тоже так будет...

Штабс-ротмистр молча кивнул, подождал объяснений, но не дождался. Сам ни о чем спрашивать не стал, и вопрос решился легче, чем опасался сыщик.

Все бы ничего, но Плеве время от времени донимал чиновника особых поручений начальственными телеграммами. Алексей Николаевич наладился писать ему еженедельные отчеты. Чтобы письма не перлюстрировали, он использовал прием, подсмотренный в Петербургском охранном отделении. Сыщик клал письмо в один конверт, который помещал во второй. Затем прорезал снаружи отверстие, в том месте, где сходились клапаны. И запечатывал. Сургуч протекал внутрь и прилипал к внутреннему конверту. Такие послания невозможно было вскрыть, не повредив печать.

Глава 12

Кто друг, кто враг?

Агент полицмейстера Галуст Вартапетянц понравился Лыкову. Молодой, смешливый, глаза умные, не без лукавства. Он выслушал задание и сразу ничего не стал говорить.

– Получите запись в формуляр и наше негласное содействие, – вкрадчиво пообещал Ковалев. – И окажетесь где-нибудь в хорошем месте. Например, в акцизном ведомстве.

– А как быть с судом? Мне ведь придется давать там показания.

Лыков счел нужным вмешаться:

– На суде показания негласной агентуры принимаются на веру. Вашего присутствия не требуется.

– Вот как? – обрадовался конторщик. – Но теперешние присяжные поверенные... Они прицепятся и разобьют доводы следствия.

– Вам-то что за дело?

– А! Тогда потащат меня в открытое судебное заседание. Тут и конец.

– Не было еще такого случая, – отрезал питерец. – Прокурор заслушает, этого не избежать. А в открытом заседании... Подобного можете не опасаться.

Агент успокоился и стал задавать вопросы по сути:

– Значит, мне надо подглядеть, как всовывают меченые деньги?

– Да, – ответил Ковалев. – Формально вы поступите счетным чиновником, но придете на место кассира. Нам достоверно известно, что он участвует в мошенничествах. Конечно, вам ничего подобного эти люди не доверят. Вы временный, вы чужак. Но краем глаза что-то можно увидеть. Подозрительные посетители, странные разговоры... Например, вас выставят за дверь, когда начнут раскладывать купюры по пачкам... Постарайтесь запомнить, куда пойдут эти пачки – мы их перехватим и проверим. Вот ваша задача.

– Понял. А как я буду поддерживать с вами связь?

– Простые отчеты оставляйте у домохозяина. Он предупрежден и не выдаст. А вот если случится что-то экстраординарное, требующее немедленного доклада, то на углу Александровской и Маликовской есть чайная. В ней половой Федор, он наш человек.

Вартапетянц кивнул, запоминая. Потом спросил:

– Меня представят родственником Адельханова?
– Дальним. Но хлопотать за вас будет именно он.
– Большая честь побыть хоть фиктивным родственником такого человека.

– Ну вот и договорились.
Полицмейстер отпустил агента и занялся шашлыком.
– О, Алексей Николаич, попробуйте! Сирбиладзе превзошел сам себя. Еще кахетинского?

– Давайте. Как вам разговор, Георгий Самойлович?
– Вроде неплохо. Парень честолобив, ему хочется уйти от фабрикации мыла и свечей. Пусть потрудится. А что боится огласки, так это понятно.
– Агентуру мы не выдаем, пусть усвоит, – с нажимом сказал сыщик. – Когда начнем внедрение?

– Прямо сейчас.
Полицмейстер щелкнул крышкой часов.
– Едем к Адельханову, он нас ждет. Вы уж, Алексей Николаевич, сделайте лицо пострашнее. Чиновник особых поручений из Петербурга, правая рука Плеве...

Особняк одного из самых богатых жителей Тифлиса находился в Ортачалах. Он был освещен электричеством, обнесен высоким забором, у ворот стоял вооруженный охранник. Из-за забора слышался собачий лай.

– Однако, – обратил на это внимание питерец.
– Увидите, что внутри, – еще больше удивитесь, – ответил Ковалев. – Дашнаки приказали хозяину внести сумму в партийную кассу, он отказался. Теперь вот сидит под охраной.

– Храбрец!
Полицейские между тем вошли во двор, где рослый дядька с трудом удерживал на поводке двух огромных овчарок.

– По моим данным, Адельханов все же заплатил, – сквозь зубы произнес Георгий Самойлович.

– Зачем же тогда такие меры предосторожности?
– А чтобы мы думали, что он отказался.
Гости прошли мимо второго охранника с берданой на плече и кинжалом на поясе, а внутри особняка обнаружили и третьего.

Хозяин встретил их с напускным радушием. А сам глядел настороженно, будто ждал подвоха. Кожевенно-войлочный фабрикант оказался седоусым человеком лет шестидесяти с большой залысиной.

– Проходите, господа. Какая честь для меня! Чаю или коньяку? Поужинаете?

– Мы только что из духана, Григорий Григорьевич, – ответил полицмейстер, – так что можно и коньяку.

– Сейчас распоряжусь. Представьте мне вашего спутника, Георгий Самойлович. Я его прежде не видел. Вы новое лицо в нашем городе?

Лыков почтительно сообщил:

– Я ваш давнишний клиент. Последние четырнадцать лет покупаю себе обувь в вашем магазине на Невском.

– Так вы петербуржец?

– Это коллежский советник Лыков Алексей Николаевич, чиновник особых поручений Департамента полиции, – сообщил Ковалев. – А прибыл он сюда по личному распоряжению министра Плеве. Чьим доверенным лицом является.

Адельханов помрачнел.

– Вот оно как... Ну, давайте сразу к делу. Зачем полиции понадобился человек, который производит обувь? Или что-то не так на моих фабриках?

Лыкову хотелось ответить: нет, речь о ваших связях с антиправительственной организацией «Дашнакцутюн». Но делать этого было нельзя, и он заговорил иначе:

– Готовится секретная полицейская операция в Тифлисском губернском казначействе. Там практикуют мошенничество. Мы хотим внедрить туда агента. Люди внутри настороже, они не пустят чужака. Но если их попросит столь уважаемое лицо, как вы... Взять дальнего родственника, на два месяца, без содержания. Единственно для галочки, потому как с такой записью в формуляре ему будет легче потом попасть на государственную службу.

Сыщик не сводил глаз с собеседника. Ему показалось, что тот, когда понял предмет беседы, испытал облегчение. Адельханов очень живо перебил питерца:

– Я всей душой, и всегда был верным слугой правительства. Георгий Самойлович подтвердит.

– Поэтому мы здесь, – кивнул полицмейстер.

– Я правильно понял, Алексей Николаевич, что нужна моя рекомендация для вашего человека?

– Да.

– И все?

– Остальное – наша задача, Григорий Григорьевич. От себя сообщу, что о вашем содействии будет доложено министру внутренних дел.

– Ах, право, не стоит. Это же мой долг. Понимаю, все понимаю. С учетом тех заказов, которыми облагодетельствовало меня правительство, –

как я могу отказать?

– Именно, – опять кивнул полицмейстер, пригубив коньяк.

– Вы сказали, господа, что ваш агент должен быть представлен моим родственником. Кто он? Удастся ли такая операция? Тифлис – город небольшой, мои родственники давно известны. И вдруг появился новый?

– Агента зовут Галуст Вартапетянц, он служит конторщиком на заводе вдовы Толле, – пояснил Ковалев. – Окончил коммерческое училище в Кутаиси, сюда приехал три года назад. Круг общения торгово-промышленный. Двадцать семь лет молодому человеку. Приятный, неглупый. Можно принимать в любом доме, масти не испортит.

– Вартапетянц... – задумался миллионер. – А откуда его родители?

– Кажется, из Нухи, – смутился полицмейстер.

– Это следует уточнить. Вот что, Георгий Самойлович. Пусть ваш Галуст придет ко мне завтра в одиннадцать часов.

– Сюда?

– Нет, в контору акционерного общества^[56]. Мы с ним разберем генеалогию и придумаем, как нам, хе-хе, породниться. Еще коньяку, господа?

– С удовольствием, – ответили полицейские.

Лыков заметил, что фабрикант веселел на глазах.

– Что ж, одним троюродным больше – это в порядке вещей. У нас, армян, помнят всю родню. И принято помогать, да. Тем более если ваш Галуст умный. А то у меня племянница не замужем!

– Как будет, образно говоря, циркулировать ваша рекомендация? – спросил сыщик.

– Да, Григорий Григорьевич, – поддержал питерца тифлисец. – Козюлкин, собака, уехал в отпуск. Сейчас его должность исправляет Гонзаго-Павлючинский. Вы с ним знакомы?

– А то как же, – ухмыльнулся хозяин. – Я сам принимал Василия Исидоровича на службу. Сорок лет тому назад...

– Он прислушается к вашей просьбе?

– В этом городе трудно найти человека, который не выполнит моей просьбы, – серьезно ответил Адельханов. – Тем более люди из казначейства.

– Я же говорил: мы пришли по адресу, – сообщил Ковалев сыщику и поднялся: – Не смеем больше вам мешать, Григорий Григорьевич. Завтра в одиннадцать Галуст Вартапетянц будет у дверей вашего кабинета. Спасибо от имени властей за помощь. Честь имею!

Они опять прошли мимо охранников и сторожа с овчарками. Сели в

фаэтон, отъехали немного, и полицмейстер спросил:

– Заметили, Алексей Николаевич?

– А то как же. Миллионщик даже не спросил, с каких пор действительный статский советник Козюлькин сделался собакой.

– Вот! Все он знал: и про махинации, и про «большую постирочную»!

Операция по внедрению агента в казначейство шла своим ходом. А Лыков переключился на собственную, тайную от тифлисцев.

Ранним утром на Александровской улице появился молодой человек, смуглый, с черными вьющимися волосами, то ли армянин, то ли грек, а может, итальянец. Он долго стоял перед двухэтажным зданием, в одном конце которого помещалась казенная палата, а в другом – казначейство. Потом обратился к часовому:

– А мне бы кассира Макинского.

– Баграм-бека, что ли?

– Его, да.

– В командировке бек, и долго его не будет.

Чернявый расстроился:

– Ну вот. А кто вместо него?

– Мне не докладывают.

Незнакомец сунул рядовому двугривенный, посмотрел с укоризной. Тот смутился:

– Ну ладно, щас.

Вызвал изнутри какого-то человека в драповой тужурке, пошептался с ним. Драповый буркнул:

– Пожалуйста со мной.

В приемной гостя встретил бородач в вицполукафтани с петлицами титулярного советника:

– Кто вы и что у вас за дело?

Парень покосился на драпового, тот торопливо вышел. Тогда гость объявил вполголоса:

– Из Одессы, груз привез, как договаривались.

– С кем?

– С Иваном Яковлевичем. А тот с беком вашим условился. Ну, примете или как?

Бородач прожег смуглявого взглядом, словно хотел залезть ему в душу.

– Чего молчите? – взъелся тот. – У нас дела по-другому делают. Думаете, легко тащить через весь юг бумажки на двести больших?^[57] Третью ночь без сна.

Чиновник все не решался.

– Ну? – нетерпеливо произнес гость. – Двадцать процентов дерете, да еще и жилы тянете?

– Двадцать пять, – вдруг раскрыл рот казначейский.

– Что-о?!

Посетитель сделал вид, что собирается уходить. Но не двигался с места. Потом спросил:

– Креста нет, да? Совсем совесть потеряли?

– Ревизия у нас. Сыщик из Петербурга приехал.

– А мы здесь при чем? Ты сам попробуй контору взять! Одних сверл сожгли на сто рублей!

– Говорю: ревизия у нас. А Ивана Яковлевича твоего застрелили.

Чернявый отшатнулся и молча вышел вон.

Но история на этом не закончилась. Вечером титулярный советник (его фамилия была Злогостев) вышел со службы. Огляделся и неспешно двинулся в сторону Муштайда. Там начал делать променады. Посмотрел на летней сцене Артистического общества пьеску «Посыльный № 666». Выпил бутылку пива завода Дитриха. Погулял по аллеям, послушал духовой оркестр Тифлисского гренадерского полка, сыграл три партии на бильярде. Скоротал вечер с удовольствием, и не очень задорого. Когда стемнело и в саду зажгли керосиново-калильные фонари, чиновник собрался уходить. Вдруг кто-то тронул его за рукав. Оказалось, это был загадочный дневной посетитель.

– Опять вы, сударь? С кем хоть имею честь?

Но «сударь» молча кивнул на дальний конец сада и пошел туда решительным шагом.

В Муштайде была освещена лишь главная аллея, вся остальная часть сада пребывала в темноте. Публика давно жаловалась на это, полицмейстер выписал несколько предписаний городской управе, но ничего не менялось. Время от времени на неосвещенных аллеях кого-то грабили. Вот и сейчас Злогостев замешкался: боязно. Но чернявый удалялся, не оглядываясь. И титулярный советник, наскоро перекрестившись, отправился следом за ним.

Они дошли до ограды шелководческой станции. Там незнакомец сказал негромко:

– Зови меня Азвестопуло.

– Ну?

– Расскажи про Безвуглого. Давно его?

– Две недели назад.

– А куда делся Баграм-бек?

– Отослали на ревизию. Сначала в Эривань, оттуда в Шушу. Потом, говорят, в Темир-Хан-Шуру.

– Алексей Алексеич ничего не говорил?

– Козюлькин?

– Какой же еще? Насчет Одессы. Мы из двадцати процентов договаривались.

Злогостев откашлялся для солидности и ответил:

– Мне про тебя никто ничего не говорил. Но теперь двадцать пять.

– Я уж понял, – зло прошептал Азвестопуло. – Захребетники! Мы там жизнями рискуем, а вы...

– Будешь ругаться – уйду, – пригрозил титулярный советник. – И жди тогда, когда Алексей Алексеич из Франции возвратится. До осени и прождешь.

Чернявый отвернулся, видно было, что он с трудом себя сдерживает. Проглотив матерщину, сказал:

– Черт с вами. Обратно не повезу. Только пусть бек даст телеграмму в Одессу, что условия изменились. А то меня за эти пять процентов на Луну отправят.

– Говорю же, он долго не приедет.

– Когда приедет. Ну, двинули?

– Куда? – опешил Злогостев.

– Товар смотреть. Или ты его завтра так примешь, под честное слово?

– Далеко ехать-то?

– Номера «Кутаис», это на Солдатском базаре. Извозчик за мой счет, не бойся.

Тут только казначейский заметил, что в правой руке его собеседник держит револьвер. Он охнул и оглянулся на свет фонарей.

– Ты что, дядя? А, это... Не дрейфь, ты живой нужен, недохлый!

Они сели в фаэтон и потрусили на правый берег. В номерах Азвестопуло вытащил из-под кровати клеенчатый чемодан, открыл его, а сам отошел к двери:

– Гляди. Все, как договаривались.

Тифлисец огрызнулся:

– Говорю же: мне про тебя инструкций не оставляли. Вообще, об этом деле я с тобой говорить не должен! Вдруг ты сыщик?

– Сыщик... Ты проверь, проверь. Сыщик! Ишь тоже... Цену набиваешь? Мало двадцати пяти процентов?

Злогостев спросил, глядя одесситу прямо в глаза:

– Кто назвал Баграм-бека?

– Латунный. Это...

– Знаю.

Титулярный советник заметно успокоился. А когда посмотрел доходные бумаги, повеселел:

– Хорошие. Первоклассные!

– А ты думал, Азвестопуло туфту привез?

– Где добыли?

– Газеты надо читать, – важно ответил налетчик.

– Но условия, как я сказал.

– Понял я, понял. Про телеграмму только не забудь. Я как раз до осени погуляю. В Грецию хочу съездить, к родне. Ни разу не был. Вернусь к сентябрю – будет тогда телеграмма?

– К сентябрю точно будет, – успокоил продавца тифлисец и стал пересчитывать серии. Получилось двести три тысячи.

– Вроде шесть лишних? О другой сумме говорили.

– Добавили маленько, чтобы опять не ездить, – пояснил налетчик и вдруг ослабил: – А сказывал, что разговору обо мне не было! Болтун.

– Осторожность не помешает... Так. Двести три. Минус четверть, остается сто пятьдесят две тысячи двести пятьдесят рублей. Тебе какими купюрами приготовить?

– Половину сотенными, половину пятисотрублевыми, но из них тыщу мелочью: пятерками да десятками. Мне же ездить с ними до осени.

– Золотом могу дать часть, – предложил чиновник.

– Сколько? – заинтересованно спросил бандит.

– Тысяч тридцать.

– Давай! В Греции золото любят.

– Золото везде любят, – усмехнулся титулярный советник. – Приходи к двенадцати часам, раньше не успею.

Надел шляпу и был таков.

Отчаянный грек посидел, помолчал, потом стукнул кулаком в стену. Вошел пограничник Иванов-второй, одетый по-мещански.

– Завтра в двенадцать в кабинете Злогостева.

– Слушаюсь, ваше благородие!

– Только выжди минут десять. Вдруг он спрятался и дверь высматривает, не бежит ли кто в полицию.

– А я двором и сразу в Малую Грязную улицу. Разрешите выполнять?

– Ступай.

А в это время в Лабораторной слободке происходили еще более драматичные события. Была пятница, и Лыков собрался в гости к Виктории

Павловне. Он шел темными, неосвещенными улочками, неся под мышкой кулек. В кульке находились бутылка шампанского и фунт свежей алазанской черешни. Вдруг в проходе между двумя тесно поставленными домами на него кто-то набросился. Сыщик успел выставить вперед левую руку. Нападавший наткнулся на нее, замешкался, но затем сделал молниеносный выпад. В свете луны блеснул кинжальный клинок. Кончик вспорол сукно на пиджаке Алексея Николаевича, чуть-чуть не достав до тела. Сыщик без раздумий махнул кулем и огрел им неизвестного. Тот пошатнулся и едва устоял на ногах. Однако упустил секунду, и питерцу ее хватило. Удар кулаком отбросил злодея на стену.

Лыков шагнул вперед, чтобы добить противника. Но сзади послышался шорох. Второй! Развернувшись на одной ноге, коллежский советник двинул наугад башмаком и попал. Хорошо попал, поскольку зазвенела сталь и раздался сдавленный крик. Тот, что целил в спину сыщику, выронил кинжал и бросился наутек. Лыков хотел было догнать его, но не вышло. Первый противник оправился и, сидя на земле, схватил сыщика за ногу. Повалить не повалил, но задержал. Смелый парень, спас сообщника... Алексей Николаевич оценил поступок противника и не стал его калечить. А просто поднял одной рукой с земли, а второй прихватил за горло.

– Пусти... – захрипел тот, пытаясь вырваться. Это ему, конечно, не удалось.

– Ну хоть ты попался, – констатировал сыщик. – Пошли в участок, поглядим, кто такой. Дашнакцакан, что ли?

Он быстро обыскал пленника, забрал нож из сапога и погнал парня перед собой. Вдруг навстречу вышли двое.

– Черт, сколько же вас там! – рявкнул Лыков, доставая маузер. Но оказалось, что это штабс-ротмистр Топурия ведет второго злодея. Который спасся было от сыщика, но, как выяснилось, далеко не убежал.

– Иосиф Хахиевич, я же вас просил! Сегодня пятница. Вы что, забыли?

Офицер виновато молчал, держа боевика за ворот.

– Ну идем, чего теперь. Только чур, в последний раз!

На Консульской улице, в канцелярии Михайловского участка, оба нападавших были опознаны. Они действительно оказались дашнакцаканами. Осенью прошлого года боевики зарезали в Башмачном ряду хемшина Оганес-заде, торговца обувью. То ли за то, что его предки изменили вере, то ли за то, что отказался платить. Сбежали в Персию, где след их потерялся. Теперь вот вернулись – для того, чтобы убить

коллежского советника Лыкова. Пленных попытались сразу же запугать и заставить говорить, но не на тех напали. Дашнаки – храбрый народ и с полицией никогда не сотрудничают; не стали и эти.

В итоге Алексей Николаевич оказался у своей пассии уже под утро, и без шампанского. Виктория Павловна слышала, что на соседней улице произошло побоище, и не могла уснуть, волновалась за друга.

– Спасибо, что пришел! – захватила она сыщика в объятия и долго не отпускала. – Я уже в участок собралась.

– Что ты, не надо. Никогда за меня не бойся, слышишь? Забыла, что я в семи водах варенный?

– Вот уедешь, тогда и перестану бояться, – ответила докторша, пряча заплаканные глаза. – Ты когда мне фотокарточку принесешь? Обещал ведь.

Это был давний предмет их спора. Виктория Павловна отказалась и от золотых сережек, и от браслета с бирюзой. Но просила на память фото сыщика. Чтобы легче было потом его помнить. Так и сказала, не увиливая. И Алексей Николаевич обещал, да так до сих пор и не собрался в ателье.

– Завтра... впрочем, уже сегодня с самого утра пойду и снимусь, – побожился Лыков.

Он снова обманул женщину, хоть и не по своей воле. Когда сыщик появился в гостинице, там его уже поджидал Топурия.

– Где вы ходите, слушай! – раздраженно сказал он, строго глядя на начальство.

– Что произошло?

– Времени половина двенадцатого, да! А в полдень ровно Азвестопуло является к этому жулику, к Злогостеву. Тридцать минут осталось, да!

– Ох, черт... Побежали!

Сыщик с пограничником все же опоздали и не увидели, как «фартовый» с саквояжем заходит в казначейство. Им пришлось сесть в кофейне напротив и следить за дверями. К изумлению Лыкова, уже через четверть часа агент вышел на улицу – и с пустыми руками. Что за ерунда? Куда же он дел сто пятьдесят две тысячи? Вид у Азвестопуло был растерянный, он лихорадочно озирался по сторонам. Потом вдруг погрозил казначейству кулаком в бессильной ярости и двинулся прочь.

Сыщик дал парню свернуть в переулок и шмыгнул следом.

– Что за фокус? Где деньги?

– Ой, Алексей Николаевич, там такое вышло!

– Сергей, говори толком. Что «такое»?

– Едва я разложил серии в кабинете Злогостева, как вдруг ворвался неизвестный мне помощник пристава. И заорал: «Попался, мошенник!» А

кассир отскочил к окошку и ехидно так улыбается... Я сначала подумал, что он заложил меня полиции. Но потом все выяснилось.

Лыков сообразил мгновенно:

– Помощник пристава отобрал бумаги, а тебе предложил или сесть в тюрьму, или убираться подобра-поздорову?

– Точно так, Алексей Николаевич. Это сговор. Никакой он не честный полицейский, а такой же жулик, как и казначейские. Ребята решили завладеть сериями задарма! Я и умолял, и угрожал, все без толку. Наглые невероятно. Иди, говорят, покуда цел, не то в кутузку посадим. Куда ж я пойду, спрашиваю, меня же в Одессе на вилы поднимут. Дайте хоть какую расписку. Помощник пристава смеется: чтобы ты потом меня ею шантажировал? Нашел дурака. Пошел прочь, говорит, пока я добрый!

– Так, оба за мной, – принял решение Лыков.

Втроем они ворвались в казначейство. Сторож пытался было спросить, что за нужда, но Топурия отодвинул его в сторону. В кабинет кассира зашли по-хозяйски. Толстяк в форме помощника пристава рассовывал по карманам банкноты. Увидав вошедших, он нахмурился:

– Кто такие?

– Ну-ка выверни карманы, – скомандовал ему сыщик.

– Что? Да я...

– Штабс-ротмистр, примите меры к выполнению моего распоряжения.

– Есть! – молодежато козырнул Топурия и отвесил полицейскому крепкую оплеуху. Тот влетел в кресло и там остался, не решаясь ни встать, ни дать сдачи.

Азвестопуло тоже не терял времени даром. Он взял кассира за ворот и зловеще улыбнулся:

– Вот и свиделись опять. Не рад?



Тут дверь открылась, и просунулся городской.

– Эта... чего тут делается?

– Коллежский советник Лыков из Департамента полиции проводит задержание мошенников, – пояснил Азвестопуло. – Ты, братец, приведи-ка сюда понятых. Сейчас обыск начнем.

– Лыков... – пробормотал помощник пристава и закрыл лицо руками. – Я пропал!

– Позвольте, что за вторжение? – возопил Злогостев. – Полиция уже была здесь! Господин Дулайтис арестовал ворованные доходные бумаги, мы как раз сейчас составляли акт.

– Да ну! – оскалился одессит. – А я, значит, налетчик?

– Конечно.

– Что же твой Дулайтис бумаги арестовал, а меня нет?

– Э-э... А вы убежали.

– И никто за мной не погнался?

– Так бумаги описывали, не до того было.

Помощник пристава приободрился и вскочил на ноги.

– Я протестую! Нет, я сам вас сейчас арестую! Здесь заговор. Вы заодно с этим грабителем? Городовой, ко мне!

Лыков взял предателя за физиономию и сделал смазь по рецепту «Очерков бursы» Помяловского.

– Молчи уж, тварь. Из-за таких полицию и презирают.

– Как вы?..

Тут коллежский советник вынул из кармана два листа бумаги, исписанных убористым почерком.

– Опись давно составлена. Сейчас мы по ней сверимся, и все станет ясно. Где серии?

– В шкафу, – пробормотал кассир, не сводя глаз с лыковских листков. Он сразу понял, что ему конец.

– Да, забыл вам представить. Чиновник особых поручений Департамента полиции Сергей Манолович Азвестопуло. Ну, дошло теперь, идиоты?

Через два часа состоялся первый допрос Дулайтиса. Лыков провел его совместно со следователем по особо важным делам Округного суда Мамамтавишвили. Ни Ковалева, ни Трембеля сыщик не позвал.

Следователь предоставил инициативу питерцу, а сам больше слушал.

– Итак. Вы помощник пристава Авлабарского участка коллежский секретарь Иван Фомич Дулайтис. Я обвиняю вас в мошенничестве, совместно с кассиром второго разряда Тифлисского губернского казначейства Злогостевым. Что имеете сказать в свое оправдание?

Дулайтис с ходу начал юлить и отпираться:

– Это недоразумение! Я пришел к господину Злогостеву, своему знакомому, с частным визитом. Те пятьсот рублей, что нашли при мне, суть заем, который дал мне Злогостев. Все обвинения в мошенничестве я отрицаю.

Алексей Николаевич молча положил перед арестованным протокол

допроса кассира. В нем титулярный советник полностью признавался в содеянном. Хотел присвоить заведомо краденые доходные бумаги, для чего позвал полицейского чиновника. Чтобы тот напугал и выгнал вора, пригрозив арестом. Заплатил за это помощнику пристава Дулайтису пятьсот рублей. Сговорились они заранее, по приказанию неизвестного лица, которое руководит всеми махинациями в казначействе.

Коллежский секретарь прочел показания и покрылся пятнами.

– Виноват! Дозвольте принести повинную?

– Сразу надо было виниться, – отрезал сыщик. – Теперь, после показаний кассира и рапорта сыского чиновника Азвестопуло, ваша вина уже бесспорно доказана.

– Виноват...

– Но, – голос коллежского советника смягчился, – учитывая вашу прошлую службу, так и быть, даю вам поблажку. Суд учтет добровольное признание вины и помощь следствию. Но только честно, без утайки!

– Как на духу, господин Лыков. Как на духу.

– Давно вы работаете на аферистов из казначейства?

– Второй год.

– Приказы получали от Шмыткина?

– Точно так, – ответил растерянно помощник пристава. – Все-то вы знаете...

– Какого рода были поручения?

– Сопровождал в казначейство лиц, которые... Ну, разбойников, одним словом. Чтобы другие полицейские к ним не цеплялись.

– Еще что?

– Передавал сам денежные суммы, кому велели. Следил иногда. Раз, помню, филировал курда, для чего переоделся в партикулярное платье. Курда того потом обслужили в конторе Цовьянова.

Следователь, разбрызгивая пером чернила, торопливо записывал показания.

– Но Шмыткина давно нет, – напомнил Лыков. – Кто же велел вам явиться к Злогостеву и сыграть свою роль?

– Сегодня утром пришла дама и передала приказ от Большого.

– От какого Большого? – подался вперед Мамамтавришвили.

– Не могу знать, – по-солдатски ответил коллежский секретарь. Пожал плечами и добавил: – Кто-то же есть у них за главного, тот, кто всем крутит.

– Но вы ничего о нем не знаете?

– Нет. Да и зачем? Меньше знаешь – крепче спишь.

– Продолжайте, Дулайтис, – скомандовал сыщик. – Пришла дама...

– Да. Сказала, что теперь приказы от Большого будет передавать она. И сообщила, что я должен сделать. Ввалиться, напугать, отобрать и выгнать.

– Вы сразу согласились?

– Пятьсот рублей на дороге не валяются...

– Сами придумали детали?

Дулайтис закатил глаза:

– Что вспомнилось... Дама сказала: начните писать протокол изъятия, а потом порвите его на глазах у фартового. Мол, ступай прочь, пока я добрый. Я и ответь: какие слова вы знаете, барыня. Или Большой – полицейский? Он вас научил?

Сыщик со следователем наострили уши. Неужели сейчас всплывет что-то важное?

– А она мне и отвечает: Большой раньше служил в полиции, его не обманешь. Но, строго так закончила, вас это не касается.

– Раньше служил в полиции... – пораженно повторил Лыков. – Неужели?

– Алексей Николаевич, – встревожился Мамамтавришвили, – вы кого-то подозреваете?

– Нет, Баграт Ростомович, это лишь догадка, пока рано ее оглашать.

Он минуту не мог взять себя в руки, потом собрался:

– Продолжайте. А женщина вам не знакома?

– Видел ее раньше, – ответил помощник пристава.

– Где, при каких обстоятельствах?

– Она служит врачихой в городской управе. Высокая, с вас ростом, волосы светлые...

У Лыкова потемнело в глазах.

– Что-что?

– Точно она. Хоть и была под вуалью, я ее узнал.

– Но в управе две женщины-врачихи, – возразил следователь.

– Блондинка одна.

– Одна, – деревянным голосом подтвердил сыщик. – Участково-думский врач Первого участка госпожа Фомина-Осипова.

И следователь занес фамилию в протокол.

– Вы не могли ошибиться?

– Нет, – уверенно ответил Дулайтис. – Что Фомина, я не знал, но врачиха точно из управы.

Лыков кое-как довел допрос до конца. Следователь отправил арестанта в губернскую тюрьму и сказал сыщику:

– Здорово вы их!

Но тот был рассеян и думал о своем.

– Куда теперь? Надо сообщить полицмейстеру. Все-таки его подчиненный.

– Да, Баграт Ростомович, возьмите это, пожалуйста, на себя.

Следователь смешно прижал руки к груди:

– Нельзя! Георгий Самойлович оскорбится. И без того удар по репутации... Нет, у нас в Тифлисе так не поступают. В Тифлисе судебские с полицией живут дружно. Вы уж сами объяснитесь.

– Ну тогда не давайте ему читать протокол.

– Как же я могу отказать полицмейстеру?

Лыков бесцеремонно вырвал у Мамамтавришвили бумагу и сунул в карман.

– Но...

– Я верну его вам через день-два. А пока молчок.

С тяжелым сердцем сыщик явился в городское полицейское управление. Там его уже ждали. Ковалев наскочил на питерца:

– Господин коллежский советник! Почему со мной не согласовали арест моего подчиненного?

– Некогда было, он мог уничтожить улики.

– Пусть так. Но допрос почему провели без моего участия?

– В интересах дознания, – лаконично ответил Алексей Николаевич.

– Что? В моем городе от меня скрывают? Если у вас, господин приезжий, в кармане лежит бумажка за подписью министра, это еще не дает вам права...

Полицмейстер запнулся, он не мог найти нужного выражения.

– ...Права оскорблять недоверием.

– Бумажка, как вы изволили выразиться, дает мне любые права в интересах дознания. А в вашем городе так все прогнило, что уж не знаю, как лечить. Кассиры берут ворованные деньги, помощники пристава им содействуют...

Ковалев подбежал к двери кабинета, распахнул ее и кивком указал питерцу: пошел вон! Лыков, не прощаясь, вышел. Честно говоря, ему сейчас было наплевать на обиды полицмейстера. Две новости жгли ему душу. Скиба – предатель? А Виктория – его сообщница?

Алексей Николаевич медленно шел по Головинскому проспекту, не замечая ничего вокруг. Позади его сопровождал ефрейтор Петров. Коллежский советник думал. Да, вот тебе и добрая женщина... Но верно ли это? Чем больше он вспоминал характер Виктории, тем сильнее

сомневался. Не может быть! Не может быть, чтобы она была шпионкой, подосланной к нему Скибой. И связным «большой постирочной». Ну не может, и все! Ошибка, здесь явная ошибка. Или провокация. Но впрочем, зачем Виктория так интересовалась его дознанием, еще в тот вечер у Скибы, с которого началось их сближение?

Приняв решение, Лыков отправился на Водосточную. В последнее время Максим Вячеславович не появлялся дома допоздна. Анонимное общество проложило рельсы трамвая от вокзала до сада Муштаид. И теперь по этому отрезку без конца гонял взад-вперед единственный вагон общества – на нем обучались вожатые. Кроме того, разгорелся скандал: по требованию устроителей трамвая Дума приняла решение расширить улицу Армянский базар. Полотно городской железной дороги не помещалось на ней, и требовалось экспроприировать в пользу города ряд владений. Торговцы сопротивлялись и задирали цену. Хлопоты отнимали много времени у Скибы, и сыщик давно с ним не виделся.

Сейчас это было ему на руку – он хотел переговорить с Щербаковой наедине. Войдя в квартиру, Алексей Николаевич первым делом спросил:

– Максима Вячеславовича нету?

– Нет, и долго еще не будет. Что-то он заработался вконец.

– Мария Ивановна, можно я спрошу прямо?

Врачиха встревожилась:

– Что случилось? На вас лица нет.

– Ответьте, только честно. Обещаете?

– Да что произошло, Алексей Николаевич? – схватила за сердце жевешка.

– Извините мой вопрос, Мария Ивановна, но... Что связывает Викторию Павловну с вашим мужем?

Щербакова помертвела, медленно опустилась в кресло и спросила тихо:

– Вы уже знаете?

– Ответьте, пожалуйста.

Хозяйка отвернулась к окну, пряча глаза.

– Они любовники.

– Давно?

– Три года как.

– И он спускает ей связь со мной?

Щербакова поглядела на гостя с сожалением и ответила:

– Не просто спускает, он на ней настаивал. Можно сказать, толкнул к вам в постель.

– Поясните, – снова заговорил сыщик. Во рту у него пересохло, и вообще хотелось разбить голову об стену.

– Максим Вячеславович нарочно подсунул вам Вику. Чтобы шпионить.

– Шпионить? Зачем?

– Его очень интересует ваше дознание. И не просто из любопытства.

– Продолжайте.

Щербакова вскочила, подбежала к бюро, взяла оттуда какой-то предмет и протянула сыщику. Тот с удивлением увидел золотые часы с гербом.

– Зачем вы их мне дали?

– Это я обнаружила сегодня утром. Он их забыл. А я стала заводить механизм и...

– Да в чем дело? «Тиссот» Скибы, я уже держал его в руках.

– А вы взгляните как следует. Номер, номер посмотрите.

Лыков откинул крышку и опешил. Это были его наградные часы, которые разбойники отобрали у сыщика на Кахетинском шоссе.

– Как они тут оказались?

– Говорю же: лежали на бюро. Вчера Максим бранился, что завод совсем ослаб, надо чинить или вообще выбросить. Никчемные, так он их назвал.

– И что?

– А сегодня я вдруг вижу, что часы другие, не его. Он подменил их. Я правильно догадалась, что это ваши?

– Да.

– Ну конечно. Откуда в нашей дыре взять другие часы из Кабинета Его Величества. Разве только у князя Голицына стащить.

– Но как они у него оказались? – ошарашенно произнес сыщик и все-таки стукнул себя кулаком по лбу. – Впрочем, понятно...

Но тут же усомнился:

– А для чего Скиба их подменил?

– Ах, право, – скривилась врачиха. – Привык хвалиться своим «Тиссотом» с гербом. А тот возьми да и сломайся. Он и прицепил чужие.

– Но это же опасно.

– Ничуть. Вам он заранее показал часы, свои старые. Теперь ничего опасного. Вы же не станете смотреть их второй раз?

– Но вы, вы! Вы же их заводите. Неужели мог умный человек предположить, что вы не заметите подмену?

– Я много чего замечаю, Алексей Николаевич, – вздохнула Щербакова. – Замечаю и молчу. Денег вот у него стало уж больно много. Да, мой...

Врачиха запнулась, но продолжила:

– ...мой муж хорошо обеспечен: двенадцать тысяч в год. При здешней дешевизне можно жить припеваючи. Но вот что у него валяется в секретере!

Мария Ивановна снова бросилась к бюро и вынула оттуда три сафьяновых коробочки.

– Вот! Бриллианты! Откуда?

Лыков по очереди открыл их и заглянул внутрь.

– Да. В запонках карат пять, не меньше. В булавке и серьгах чуть не по десять. Может, это подарки для вас и для себя, к юбилею?

– К какому юбилею? Мы сошлись семь с половиной лет назад.

Лыков скорбно вздохнул, потом сказал:

– Мария Ивановна, вы можете еще какое-то время делать вид, что все в порядке? Якобы ничего не замечать, и вообще...

Хозяйка всхлипнула:

– Я уж три года только этим и занимаюсь.

Но не выдержала и зарыдала по-бабьи, в голос.

Сыщик кое-как отпоил ее водой и попросил:

– Еще немного, прошу вас. Пусть они... Пусть он ни о чем не догадывается.

– Попробую... А что потом? Когда все это кончится? И чем?

Каторгой для Скибы, хотел ответить Алексей Николаевич, но удержался. А то еще проболтается из жалости.

– Дайте мне завершить дознание. А там будет видно.

На этом они расстались. Щербакова пошла пудрить лицо, а сыщик отправился в гостиницу. Там его ждал Топурия.

– Алексей Николаевич, вас Трембель разыскивает. Просил телефонировать, когда появитесь.

Лыков подошел к стойке и набрал номер вице-директора канцелярии. Тот сразу закричал:

– Где вы пропадали? Прошу вас приехать ко мне немедленно!

В кабинете Трембеля уже сидел полицмейстер. Увидев сыщика, он отвернулся.

– Что вы как маленькие, право, – расстроился статский советник. – Надо службу служить, а вы...

– Карл Федорович, что произошло?

– Да вот Георгий Самойлович пусть доложит. Хотел без вас рассказать, но я настоял. Втроем ведем дознание, втроем и думать надо.

– А Лыков меня уже вычеркнул, – запальчиво сообщил коллежский

советник.

– Будет вам, – устало одернул его начальник особого отдела. – Докладывайте.

Ковалев рассказал следующее. Внедренный в казначейство агент Вартапетянц сегодня утром заметил необычную сцену. В общую комнату зашла женщина лет сорока, одетая вульгарно, хоть и богато. Она попросила журналиста казначейства Скугаря «обделать одно дельце». Тот собрался уже отвести ее наверх, но тут поднялся шум. Лыков во главе с подручными ворвался на второй этаж и устроил там арест с обыском. Чиновники сразу притихли, и Скугарь сплавил гостью вон, сказав ей: приходите в следующий раз.

– Кто она была? – спросил питерец у Ковалева. Тот ответил, но не ему, а Трембелю:

– Галуст проявил сообразительность. Он подошел через пять минут к сторожу, сказал, что визитерша позабыла свои перчатки, и спросил, как ее зовут. Мол, готов отнести ей вещь на дом. Сторож и сообщил: это Варвара Матушникова, держательница ломбарда. Живет в доме Сардарова по Винному подъему. Если вернешь ей вещь, заработаешь полтинник.

– Матушникова... Что о ней известно? – опять влез Лыков.

– Знаменитая скупщица краденого, – объявил Трембель. – Первая потатчица воров.

– И явно хотела что-то предложить казначейским, – продолжил мысль сыщик. – Надо взять ее и допросить. А ломбард обыскать.

– Я был того же мнения, но Георгий Самойлович воспротивился.

– Почему?

– Матушникова – австро-венгерская подданная, – сварливым голосом пояснил Ковалев.

– Ну и что?

– А то! Надо сначала предупредить об этом консула Австро-Венгрии Гектора ди Розу.

– По закону необязательно. Она же не дипломат, а лишь подданная. Арестуем, тогда и сообщим консулу.

– Консул уехал в вюртембергскую колонию, будет только завтра.

– Значит, завтра и сообщим, – настаивал Лыков.

– Нет, сначала предупредим консула, и лишь потом арестуем барыгу, – упрямо заявил полицмейстер.

Лыков с Трембелем переглянулись. Сыщик поднял брови: что за условности? Может, еще императора Франца-Иосифа поставим в известность? Статский советник осторожно спросил полицмейстера:

– Так ли это необходимо? Упустим время. И по закону необязательно.

– По закону, может, и необязательно, а по приказу князя Голицына иначе. Забыли, как было в том году? Я арестовал германского подданного Дракули-Критокоса. Не оповестив консула. И получил выговор от главноначальствующего.

Все помолчали, затем Трембель вздохнул:

– А, делайте, как знаете...

Ковалев сказал, глядя в пол:

– Коллежский ассессор Мамамтавришвили не позволил мне ознакомиться с протоколом допроса помощника пристава Дулайтиса.

– Почему? – удивился хозяин кабинета.

– По настоянию командированного чиновника.

– Лыкова?

– Угу.

– Алексей Николаевич, это уж чересчур. Дулайтис – лицо, подчиненное Георгию Самойловичу. Тот должен знать, в чем обвиняют его сотрудника.

– Не могу в интересах дознания, – ответил Лыков. – Чуть позже все предоставлю.

– Когда позже? – рассердился вице-директор. – Почему не сейчас?

– Полученные на допросе сведения требуют дополнительной проверки.

Теперь уже переглянулись тифлисцы.

– Хорошо, – статский советник поднялся, одернул сюртук. – Я доложу о ваших неправомерных действиях министру Плеве. Все свободны.

Ковалев опрометью покинул кабинет, а сыщик остался.

– Что на самом деле произошло в казначействе? – совсем другим тоном произнес Трембель.

Лыков рассказал о своей операции, в которую был вовлечен чиновник петербургской сыскной полиции. И о том, что получилось в итоге. Алексей Николаевич умолчал о двух деталях, бросающих подозрения на Скибу и Фомину-Осипову.

– Блестяще! – одобрил начальник особого отдела. – И молодец, что сами провели, без нашего участия.

И добавил, понизив тон:

– Подозреваете Ковалева?

– Я и вас подозреваю, – спокойно ответил коллежский советник.

Трембель вспыхнул, хотел возмутиться, но передумал:

– На вашем месте я бы тоже... Однако как поступим с барыгой? Будем

ждать, пока консул нагуляется в Александердорфе?

– Вы не все сказали, что знаете о ней? – насторожился сыщик.

– Не все. Матушникова не просто австро-венгерская подданная. Через нее идут связи с Галицией.

– Польский след?

– Именно. Уже два раза у нее в закладе находили вещи, украденные польскими громилами. Вот я и думаю... В Лодзи в первых числах марта было совершено нападение на почту. Взяли сорок тысяч облигациями, номера серий записаны. Пока они нигде не всплыли. Вдруг их сюда привезли?

Лыков подумал и сказал:

– При чем тут австро-венгерская подданная? Лодзь у нас в империи. Слишком длинный путь – дважды надо пересекать границу, сначала туда, потом обратно. Там же смотрят чемоданы.

– Если «большая постирочная» одна, то имеет смысл.

– Тогда приехали бы российские поляки, а не галицийские.

– А если это для того, чтобы сбить нас со следа? – предположил статский советник. – Мы щупаем своих, а чужих пропускаем.

– Ну... тогда за Матушниковой надо установить слежку.

Трембель расстроился:

– А то вы не знаете?! Нету у нас сыскной полиции, нету. И людей для слежки тоже нет. Прикажете Снитко с Гайдуковым поставить в филеры? Чтобы они меняли друг друга?..

– Моих пограничников можно привлечь. Они ребята бравые.

Начальник особого отдела покачал головой:

– В той местности установить наблюдение не представляется возможным.

– Значит, ждем консула?

– Увы. Полицмейстера тоже можно понять: шкуру снимут с него, а не с нас.

Алексей Николаевич ушел и весь вечер томился черными мыслями. Как быть? Скиба – кукловод или как минимум один из заправил. Но доказательств нет: часы сами по себе ни о чем не говорят. Купил с рук на Солдатском базаре... Его сломались, а тут такая удача; не удержался. Показания помощника пристава Дулайтиса компрометируют Викторию. Здесь тоже все сомнительно: дама была в вуали, лично они не знакомы. Мало ли что могло ему показаться?

Думать о том, что Виктория не замешана в аферах, было приятно. И сыщик решил не спешить падать духом. Дознание уже близится к концу.

Скоро все тайное станет явным. Тогда и разберемся, кто в чем виноват.

Выспаться коллежскому советнику не дали. В четыре часа утра его разбудил коридорный. Питерец протер глаза: рядом с ним стоял Трембель.

– Карл Федорович! Что стряслось?

– Вставайте, Алексей Николаевич. Матушникову зарезали.

Лыков не стал задавать лишних вопросов. Он быстро оделся, коляска вице-директора помчалась по пустым утренним улицам. Переехали Майданский мост, поднялись мимо замка и остановились на самом верху улицы. Из двухэтажного дома вышел околоточный надзиратель Гайдуков.

– Извольте сюда.

Квартира торговли, включая помещение ломбарда, находилась в полуподвале. В комнатах всюду был разгром. Труп хозяйки лежал на полу в кухне. Одна рана, точно в сердце. В луже крови виднелись разбросанные вещи: серебряные ложки, солонка, пара подстаканников.

– Это, видать, второпях уронили, – указал на них надзиратель.

– А что унесли, не удалось узнать? – спросил Лыков. – Книга для записи закладов цела?

– Никак нет, Алексей Николаич. Все обыскал, пока вас дожидался. Пропала, а может, и не было ее.

С улицы слышались торопливые шаги, и в комнаты ввалился полицмейстер. Глянул на тело и сказал:

– Эх...

– Вот вам и эх, – укорил его Трембель. – Если бы мы ее вчера арестовали – жизнь бы спасли. И заодно ниточку к аферам в казначействе. А теперь чего эхать...

Сыщик с вице-директором уехали, а полицмейстер остался на месте преступления.

Неожиданно в полдень Алексея Николаевича снова вызвал к себе Трембель. Он был взволнован.

– Ведь вы были правы, – сказал он без предисловий.

– В чем?

– Я получил донесение от секретного осведомителя. Он держит духан в Старых Куках. Правильнее сказать, притон, а не духан.

– И что в том донесении?

– У него накануне угощался известный абрек Спиридон Гратишвили...

– Минуту, – перебил статского советника коллежский. – Вы имеете в виду Пидо Гратишвили из Сагореджо?

– Да... А вы откуда его знаете?

– Поручик Абазадзе накануне своей гибели ездил арестовывать негодяя. Точнее, Арчил хотел пристрелить его, а не арестовать...

– И что?

– Я помню слова поручика. Он не застал абрека и сказал мне: будто кто его предупредил.

– Вот! – У вице-директора недобрым огнем загорелись глаза. – И я об этом. Еще когда ваш приятель-разбойник... как его?

– Имадин.

– Да, когда Имадин сказал, что полиция в крае продажная, я не поверил. А теперь получил доказательства. Мой осведомитель передал слова Гратиашвили. Абрек заявил духанщику: иду резать одну глупую бабу. Тот предостерег: убийство вещь такая, что всю полицию на уши поставит. После Безвуглого никак не отойдем, убытки несем, а ты опять туда же. Может, не надо? А Спиридон ему ответил: зарежу и сразу прочь из города. А насчет полиции не бойся: мне заказ кровь пустить передали от ее начальника, самого полковника Ковалева. Я ему давно плачу толику, потому и жив-здоров до сих пор.

Алексей Николаевич склонил голову, как на исповеди.

– Раз так, то и я вам кое-что расскажу. Похоже, они со Скибой заодно.

– С кем, со Скибой? А при чем тут трамвайщик?

– До того как выйти в отставку, Максим Вячеславович служил в петербургской сыскной, кстати, под началом нечистоплотного Виноградова.

– Не слышал про такого, – открестился Трембель.

– Тогда поверьте на слово, что он был жулик первый класс. При этом исправлял должность начальника. Ловил, кого хотел, точнее тех, кто ему не платил. А кто платил, тот гулял годами.

– Та-а-ак...

– Потом Скиба перешел к нам в Департамент полиции. Будто бы не ужился с Виноградовым. Но что там было на самом деле, никто не знает.

– Может, не поделили?

– Может, – кивнул Алексей Николаевич. – Фактом является то, что Скиба много лет занимался уголовным сыском. Знал всех крупных преступников столицы, и не только. Фартовые его уважали.

– Но это лишь ваши догадки. Здесь, в чужом городе, что может отставной сыщик?

– А вот послушайте, что я узнал сегодня.

И Лыков рассказал Трембелю о словах Дулайтиса и о разговоре с Щербаковой про часы. Умолчал лишь о загадочной блондинке под вуалью,

в которой помощник пристава уверенно опознал Фомину-Осипову.

Трембель был поражен и долго выпытывал подробности. Особенно его удивила история с часами.

– Помню я его «Тиссот», частенько Максим Вячеславович им хвастал. Что же он так неосторожно?

– Тщеславие. Других таких нет в Тифлисе.

– Значит, вот кто у нас заправляет «большой постирочной»... Полицмейстер Ковалев. А с ним на пару бывший сыщик Скиба. Ну и...

Фон Трембель витиевато выругался по матери. Посмотрел с тоской в окно, потом вдруг хлопнул себя по ляжкам:

– Скиба! Ну конечно. А я все думаю: кто?

– Выкладывайте, – потребовал коллежский советник, почувствовав, что сейчас услышит что-то важное.

И не обманулся. Начальник особого отдела сообщил:

– В среде, близкой к боевикам «Дашнакцутюна», ходят слухи, что партия готовит какую-то крупную экспроприацию. Или, как у них говорят, экс.

– Так вам и карты в руки. Кто в ближайшее время получает большую сумму? Военный округ? Железная дорога? Там и ждите удара.

– Если бы все было так просто, – вздохнул Трембель. – Ведь июль на носу. Начинается исполнение бюджета второго полугодия. Деньги из казны ждут десятки получателей. Я каждый день гляжу сводки прибытия наличности, все пытаюсь угадать: кто? Но ваши предположения, Алексей Николаевич, прямо отвечают на этот вопрос.

– Анонимное трамвайное общество?

– Да. Оно покупает в Кельне большую партию вагонов. Сразу шестьдесят штук: пятьдесят открытых и десять закрытых. А еще ассигнует средства на поправку мостовых в Тифлисе. Вон всю Михайловскую улицу вздыбили. Покупает гранитные кубики в Турции, чтобы перестелить главные улицы, по которым пойдут трамваи. Плюс работы по электрификации. Итого получается восемьсот восемьдесят тысяч рублей.

Лыков ахнул:

– Чуть не миллион!

– Вот именно. Деньги соберут учредители примерно через неделю и поместят в кассу общества. Но как поговаривают в упомянутой мною среде, у дашнаков есть свой человек внутри. Который поможет эксу.

– Скиба!

Питерец вскочил и энергично прошелся по кабинету.

– Меня давно мучает одна мысль, Карл Федорович. Мы уже порядком

разворошили губернское казначейство. А после недавних событий там больше не станут «отстирывать» меченые деньги. Побоятся.

– Согласен, – кивнул статский советник. – И что?

– А то, что создатели «большой постирочной» потеряли свое предприятие. Доходов больше не будет, крышка! И тогда на ум этим людям может прийти мысль обогатиться напоследок. Хапнуть сразу много. Хапнуть и бежать.

– То есть без махинаций с доходными бумагами, без помощи вороватых кассиров? – сообразил Трембель. – Просто взять кучу наличности и скрыться?

– Да.

– Так... Так-так... По этой логике, Алексей Николаевич, заправины могут договориться с дашнаками. Своих-то боевиков у них нет. Помогут армяшкам взять кассу, добычу поделят, а мы станем искать одних лишь исполнителей. Главари тем временем уедут с Кавказа далеко-далеко, и очень обеспеченными людьми.

– Верно, Карл Федорович. Надо взять анонимное общество под наблюдение. Когда учредители выполнят свои обязательства, в кассе общества накопится огромная сумма. Ее и постараются захватить – или на месте, или во время перевозки. Нам надо не ошибиться, заранее узнать, где и когда нападут. Сумеете? Есть у вас агентура в среде боевиков?

– Ни у кого нет там агентуры, – категорично заявил вице-директор, явно оправдываясь. – Дашнаки – это вам не эсеры или социал-демократы. У них разговор короткий: сразу кишки наружу.

– Вы сказали: в среде, близкой к боевикам...

– Там есть. Но ведь это периферия. Они могут узнать в последний момент. Или вообще не узнать. И мы услышим про экс, когда он уже состоится.

Чиновники помолчали, каждый думал о своем. Затем статский советник сказал:

– Резюмируем. Я беру под наблюдение анонимное общество по проведению трамвая. Внедрить туда агента уже не успеем. Поэтому наблюдение будет весьма условным. Директора общества обязаны докладывать мне о перевозке крупных сумм, так заведено. Я заранее узнаю, когда деньги будут готовы к транспортировке. Надеяться на что-то большее нельзя.

– Пусть так, – согласился коллежский советник. – Уже что-то. А я пройду по пути следования кареты с деньгами. Общество находится на Абастуманской улице?

– Да. Дирекция и касса помещаются в правом крыле корпуса трамвайного парка.

– Я заеду в гости к Максиму Вячеславовичу под каким-нибудь предлогом. Осмотрю помещение, подходы к нему, соседние здания. Откуда залезут, куда побегут...

– Верное соображение, – одобрил Трембель. – С вашим опытом...

– Мы не знаем, где будет экс. Поэтому я изучу маршрут от Абастуманской до Александровской: где удобнее напасть. Расстояние небольшое, таких мест окажется немного.

Вице-директор возразил:

– Нет-нет, средства повезут не в казначейство, а сразу в контору Госбанка. Это в Четвертом участке, на углу Сергиевской и Нагорной.

Лыков подошел к плану Тифлиса, нашел это место и вздохнул:

– Плохо. Путь длинный, точек для нападения сколько угодно. За всеми не уследим. Постарайтесь все-таки узнать...

– Я прикреплю к вам ротмистра Чачибая, начальника конвоя главноначальствующего. Князя сейчас нет в городе и долго еще не будет. Пусть ротмистр кончит бездельничать и займется делом. Он большой специалист в таких вопросах.

– В каких? – удивился сыщик. – В нападениях на денежные кареты?

Статский советник строго поглядел на питерца и пояснил:

– В вопросах обеспечения безопасности.

Глава 13

Все встает на свои места

Лыков думал. Эх, где же вы, Павел Афанасьевич, в который раз взывал к Благово сыщик. Ежели нужно кого стереть в порошок, то на это его хватит. Даже не так. Измельчить в муку – тут лучше коллежского советника никого не сыскать. А вот проникнуть в преступный замысел, отсеять ложное... Много труднее.

Но учителя давно нет на свете. Лыкову пришлось справляться своим умом. Получалось не всегда, но уроки Благово нет-нет да возносили ученика по-над землей. Самое время вспомнить их. Самое время...

Лыков не находил себе места. Он просмотрел главное? Виктория, молчаливая тихоня, наполненная каким-то особым, добрым светом, – предатель? Она ласкала сыщика, выполняя задание? Ну не может такого быть. Тогда что происходит? С одной стороны, если Мария Ивановна наденет светлый парик и набросит на лицо вуаль, она легко сойдет за доктора Фомину. Однако зачем ей подставлять собственного мужа? С другой стороны, незнакомка сказала продажному Дулайтису, что Большой – бывший полицейский. Для чего такая ненужная откровенность? Чтобы помощник пристава передал эту фразу Лыкову? Слишком запутанно.

Но была еще одна странность. Абрек Спиридон Гратиашвили тоже не в меру распустил язык. Сообщил зачем-то духанщику, что выполняет поручение полицмейстера. Свидетель известен только Трембелю, поди проверь, было ли это на самом деле. Вице-директор канцелярии хочет вбить клин между Лыковым и Ковалевым? С какой целью? Взять дознание командированного под свой контроль? Чтобы тот не доверял тифлисской полиции, а каждый свой шаг согласовывал со статским советником? Опять заумно. Так, может, бывает в книжках, но не в жизни. Однако люди вокруг питерца продолжали умирать.

Паутина запутывалась, вопросов становилось все больше и больше. А ответов не было. Конечно, казначейство Лыков разорил. Козюлькин, дрянь, поедет на каторгу. Если вернется из Франции. Всякая мелюзга тоже допрыгалась: Баграм-бек, Злогостев... Последний дал такие показания, что аферистам конец. Всю кухню расписал. Вот-вот из Петербурга явится ревизия министерства финансов, которая доделает работу. Но на Кавказе пятьдесят шесть казначейств. Многие из них были замешаны в аферах

«большой постирочной». Месяцы уйдут на то, чтобы вскрыть всю систему, выявить соучастников и пособников. А кукловода пока не видеть.

Что сыщик имеет сейчас? Содействие статского советника Трембеля. Который недавно был первым кандидатом на роль кукловода. Как произошел кунштюк? Черный стал белым, без особых доказательств. Полицмейстер не захотел арестовать барыгу, потому что та имела австро-венгерский паспорт. Протянул время, бабу зарезали, ниточку оборвали. А была ли ниточка? Сведения, что Варвара Матушникова связана с поляками, предоставил тот же Трембель. Лыков проверил эти сведения? Нет. А ведь два сыщика в Тифлисе все же имеются, пусть и нештатные. Вдруг Карл Федорович все придумал? Если он преступник, то это вполне возможно.

Теперь экс. Лыков чувствовал приближение чего-то подобного. Напоследок громко хлопнуть дверью. Да, логично: взять кучу денег и уйти. Петербургский волкодав хватает мелкие фигуры. Кто-то из них умрет, кто-то даст показания и сядет в тюрьму. Алексея Николаевича не покидало досадное чувство, что его действия по-прежнему направляет некая неведомая сила. Вдруг появляются агентурные донесения, улики, меченые деньги. Хлоп по ним кулаком – и опять туман. Стоило сыщику проявить самостоятельность, как он достигал успеха. Вот и с Азвестопуло получилось неплохо. Но туман сгущается снова. Что делать?

Часы Скибы... Вроде бы абсолютная улика. Но зачем кукловоду так подставляться? Тщеславие? Сломались родные часы с гербом, и он подвесил «Тиссот» сыщика... Но Максим Вячеславович – опытный человек. Дал бы уехать командированному и тогда бы удовлетворял свое тщеславие. Ложь и обман кругом, никому нельзя верить.

Две мысли особо сильно толкались в воспаленном мозгу питерца. Экс и Виктория, экс и Виктория. Где и когда нападут? Может, поговорить со Скибой, спросить его про часы? Вдруг тот даст объяснение. Тогда противостоять дашнакам станет много проще. Но если бывший сыщик действительно кукловод? Дашнаки вот они, вполне реальная сила. Уже дважды пытались прикончить коллежского советника. Налетят – мало не покажется. Но как быть, если он, Лыков, никому не верит? Спросишь у Гайдукова, а тот совет по приказу начальника. Доверишься Трембелю, а тот и есть заправила «постирочной».

Про Викторину он вообще старался не думать. Обеспокоенная женщина прислала записку: почему не пришел? Коллежский советник ответил как мог доброжелательно. Занят службой, дела завалили, в ближайшие пару недель нет никакой возможности, извини. Для себя Лыков решил: все вскроется уже скоро. И вина или невиновность женщины

выяснится сама собой.

Метания сыщика прервались самым неожиданным образом. Однажды утром он спустился в буфет и увидел там Имадина Алибекова. Тот пил чай и улыбался во всю ширь. Живой!

Лыков обнял друга, чувствуя себя виноватым. Он мало думал о нем, занятый многочисленными загадками.

– Как ты жил все это время? На тебя тоже напали? – спросил коллежский советник.

Отставной разбойник ответил:

– Пытались. Я их почувствовал и съехал с дороги.

– Почувствовал?

– Да. Я чувствую опасность, иначе давно бы гнил в земле. Нам, головорезам, иначе нельзя.

– Но как можно уйти в горы ночью? Ни зги не видать.

– Нашел балку и спрятался в ней. Тут главное – чтобы лошадь не заржала. Враги нарочно заставляют своих подавать голос. Так высматривают засады. Но моя умная, я ее приучил. Не выдала. Четыре всадника проехали, искали. Потом ты с казаком пролетел. Я не стал выходить. Утром по той же балке ушел к Куре. Переплыл на тот берег, укрылся в Авчалах. Два дня прятался. Обошлось.

– А потом?

– Потом уехал в Грозный, как и собирался. На нас с тобой охотились армяне, им в Чечне ловить нечего.

Имадин рассказывал, а сам так и стрелял глазами по сторонам.

– Это что за офицер на нас смотрит?

– Штабс-ротмистр Топурия, начальник моей охраны.

– Он должен ходить за тобой везде?

– Он или его люди. У Топурии в подчинении три пограничника. Надежные. На меня ведь еще раз напали.

– Те же армяне?

– Да.

Алибеков понизил голос:

– Мне надо познакомить тебя с одним человеком. Топурия не должен его видеть.

– Твой человек – преступник?

– Абрек. В розыске, ему вообще нельзя находиться в Тифлисе. Но пришлось приехать.

– Я отпущу Иосифа Хахиевича. Где абрек?

– Прогони офицера, и я тебя отведу.

Лыков подошел к начальнику своей охраны и сказал:

– Это мой старинный товарищ, Имадин Алибеков. Он хочет меня с кем-то познакомить. Не надо идти за нами. Я вернусь через час.

Топурия подозрительно оглядел незнакомого ему чеченца.

– По лицу видать, что разбойник!

– Так и есть.

– Вы в нем уверены, Алексей Николаевич? Я могу совсем незаметно...

– Нет. Не как тогда, в пятницу!

Друзья вышли на Эриванскую площадь и двинулись к Солдатскому базару.

– Куда мы? – не удержался Лыков.

– В трактир Дзидзигури.

– Это же притон!

– Конечно. А ты рассчитывал на ресторан? Моему кунаку туда нельзя.

В грязном кабаке на углу Мухранской толкались посетители самого разбойного вида. Сыщик впервые оказался здесь и почувствовал себя неуютно. Ну и рожи! Такие увидишь в горах – пиши пропало. Бородатые ребята зверской наружности тоже смотрели на гостя с удивлением. Легавого за версту видать – как он сюда угодил?

В маленькой, плохо освещенной комнате навстречу вошедшим поднялся человек.

– Знакомься, это мой друг Лыков, – представил Алексея Николаевича Имадин. – А это Зелимхан Гушмазукаев.

– Ну здорово. – Абрек протянул крепкую волосатую руку. Он был страшнее всех в притоне: плотный, с необычайно широкими плечами, бородатый и не улыбкавый. А глаза... Так смотрит волк. Чеченец был в погонах подпоручика, нашитых прямо на черкеску, – изображал офицера туземной милиции.

– Расскажи ему все, – предложил Имадин.



Гушмазукаев внимательно рассмотрел сыщика и одобрил:

– Опасный.

– Что вы имеете сообщить? – вежливо начал коллежский советник.

– Меня наняли убить тебя, – ответил чеченец.

– Кто?

– Арзакан Чачибая. Знаешь такого?

– Начальник конвоя князя Голицына?

– Он, собачий сын.

– А зачем ему это понадобилось?

Зелимхан ответил:

– Надо издалека начинать, ладно? Одним словом, я абрек. Весной ограбил князя Амираджиби, забрал у него... как их?

– Облигации, – подсказал Имадин.

– Ага. Бумажки. Денег у князя было мало, а этих облигаций целый мешок. Что с ними делать? Я пошел к меняле, тот давал пять тысяч. Чую – мало. Спросил у шейха Бамат Гирей-хаджи. Тот мудрый человек и мой покровитель. Шейх сказал: бумажки стоят тридцать тысяч, но в горах они никому не нужны. Надо ехать в Тифлис, искать там. И дал адрес ротмистра.

– То есть с Чачибая тебя свел шейх? – удивился Лыков.

– Шейх, – подтвердил Зелимхан. – Но почтенный хаджи ошибся. Ротмистр оказался поганый, хотел меня обмануть.

– Тебя? Да ладно, – рассмеялся сыщик. – Даже я слышал про Гушмазукаева. Отчаянный, из тюрьмы бежал, зарезал при этом стражника. Отличный стрелок, смелый, как шайтан... Начальник конвоя не такой дурак, чтобы обманывать Зелимхана.

Абрек польщенно улыбнулся: горцы падки на лесть.

– Но денег я так и не получил. Из-за тебя, Лыков.

– Я-то тут при чем?

– Арзакан второй месяц тянет, никак бумажки в деньги не обернет. Я уж и на двадцать тысяч согласился. Но он говорит: сыщик из Петербурга мешает, шпионит. А на днях ротмистр приехал в Грозный и говорит: убей Лыкова, и получишь свои деньги, а еще пять тысяч сверху.

– А ты?

Абрек сверкнул крепкими белыми зубами:

– Мне стало интересно: что за человек, за которого столько дают? Спросил у Имадина, мы с ним кунаки. Имадин ответил: это порядочный русский и мой друг, его нельзя убивать. Еще интереснее стало, да! Порядочный русский. Никогда не видал порядочного русского. Решил приехать, поглядеть.

Зелимхан испытующе уставился на сыщика, явно чего-то недоговаривая. Лыков молчал.

– Дальше расскажи, – буркнул Алибеков.

– Чачибая приехал в Грозный не из-за одного тебя, – почти шепотом произнес Зелимхан. – Ну, из-за тебя тоже, но главное другое. Он предложил напасть на денежную карету. Там повезут восемьдесят тысяч, представляешь? Ротмистр говорит: бери ее, я дарю. Все расскажу: когда

поедет, куда, какая охрана будет. И бомбу дам. Убей всех и заberi деньги. Только сначала Лыкова. Требуеt согласия.

– А ты?

– Имадин не велит тебя убивать, – вздохнул Гушмазукаев. – И я вот что подумал. Разреши мне взять денежную карету и то, что в ней, а? Обещаю пощадить конвой, только ранить. Несильно, я умею. Иначе останусь совсем без денег, слушай! Облигации не дают, тебя убить не дают... На что жить?

– Хорошо, что ко мне пришел, – придвинулся к абреку сыщик. – Теперь я скажу, а ты думай. Во-первых, твою карету уже обещали дашнакам.

Зелимхан отшатнулся:

– Что значит обещали дашнакам?

– То и значит. Вас хотят стравить. Перебьете друг друга, или кто-то опередит другого, и начнете гоняться: чеченцы за армянами или армяне за чеченцами.

– Ай, глупость сказал! Какие такие армяне? Они от одного имени Зелимхана в штаны сделают!

– Эти не сделают. Фидаины – слыхал про таких?

Абрек посерьезнел:

– Которые в Турции бомбы бросают?

– Еще метко стреляют. Отчаянные, и их будет много. У тебя сколько людей?

Чеченец погрозил пальцем:

– Выпытываешь? Сколько надо, столько и возьму.

– А теперь второе и главное. В карете должно быть восемьсот восемьдесят тысяч рублей.

Абрек свел брови:

– Не понял, повтори.

– Повторяю: в карете должна быть сумма в десять раз больше, чем тебе обещали.

– Так. А зачем ротмистр сказал другие деньги?

– А ты еще не сообразил? – Голос сыщика стал жестким. – Львиную долю они заранее возьмут себе. В мешки положат восемьдесят тысяч, дадут тебе их украсть. Если сумеешь опередить дашнаков. А в газете напишут, что ты забрал почти миллион.

Зелимхан долго молчал, вращал глазищами и сжимал и разжимал кулаки. Наконец сказал:

– Чтоб меня причастили собачьей кровью! Но ты уверен?

– Вчера говорил о денежной карете с начальником особого отдела по полицейской части Трэмбелем. Деньги повезут из анонимного трамвайного общества в контору Государственного банка. С Абастуманской на Сергиевскую. Так?

Абрек вскочил и стал ругаться на чеченском. Потом выдохнул:

– Я зарежу Чачибая. Он хуже урии!^[58] Кто меня обманывает, долго не живет.

– Значит, так, Зелимхан. Нападать на карету нельзя. Это ловушка, вопрос лишь, кто в нее угодит...

– Пусть армяне!

– Я не против. А начальника конвоя убивать пока рано.

– Как рано, почему?

– Спугнешь всю банду. Скажи Чачибая, что согласен.

– А, понял! – воскликнул абрек и повернулся к Имадину: – Русский, а такой же хитрый, как мы.

Кунак хлопнул его по плечу:

– А ты ехать не хотел. Угодил бы в засаду. Арзакану и деньги, и орден. А тебе...

– Лыков, говори дальше. Что мне делать, что не делать?

– Жди от ротмистра команды. Он скажет, когда карета поедет и где на нее удобнее всего напасть. Сразу сообщишь это мне.

– А ты разве сам не узнаешь? – насторожился абрек. – Сыщик из Петербурга, а меня просишь. Что-то не так.

– Я охочусь как раз на них, на Чачибая и его сообщников. Мне нарочно скажут обманное место, чтобы я их не перехватил. А тебе – настоящее. Начальники решили хапнуть много, а ограбление приписать или тебе, или армянам. Потом вы начнете резать друг друга, а они с миллионом убегут с Кавказа.

– Да уж, здесь им после такого оставаться нельзя, – согласился абрек. – Ну хитрые, шакалы! Зелимхан на пули идет, Зелимхан с дашнаками ссорится, все за жалкую сумму. Из которой тридцать тысяч мне и так должны, это мои деньги! А они с Кавказа...

Потом спросил в лоб:

– Скажи, когда я могу убить Чачибая?

Алексей Николаевич задумался.

– Сразу, как только мы отобьем дашнаков. Это должно случиться со дня на день.

– Ты мне скажешь, что нападение произошло?

– Сам услышишь. Весь город услышит – такая пальба начнется... Вот

что. Ротмистр Чачибая болтается возле меня. Трембель поручил ему помочь доставить деньги в банк. Вот-вот он скажет мне, где ждать нападения. Ну, ложное место.

Абрек слушал внимательно, понимая все с полуслова.

– Как только скажет, значит, операция началась. Я буду в той карете...

Имадин вскочил:

– Зачем? Опасно.

– Я буду в той карете, – повторил сыщик. – Чачибая будто бы встанет в засаду – прикрыть меня. На самом деле, как я уже сказал, дашнаки нападут совсем в другом месте. Там все и случится. Начальник конвоя прискачет на выстрелы, поахнет, после чего... Тут есть два варианта.

– Два чего? – не понял Зелимхан.

– Ну или так, или эдак, – пояснил кунаку Алибеков.

– Два варианта, – продолжил Лыков. – Первый – если победили дашнаки. Меня убили, мешки с деньгами похитили.

– А я режу ротмистра, – констатировал абрек.

– Второй вариант – это если мы победили. Дашнаков перестреляли, и мешки целы. Тогда мы вскрываем эти мешки, пересчитываем деньги, что в них лежат, и обнаруживаем аферу. Тут и сказке конец. Чачибая с Трембелем взяты с поличным.

– А я режу ротмистра, – повторил Зелимхан с тем же выражением.

– Режь на здоровье, – согласился коллежский советник. – Мне его не жалко. А для суда хватит и Трембеля... с Марией Ивановной.

– Какая еще Мария? Эй, там и баба будет?

– Тебе без разницы. Главное, не упусти своего друга Арзакана. Он, как увидит, что не вышло, бросится в бега.

– От меня не уйдет, – уверенно заявил абрек. – Знаю, где живет, буду там его ждать. Заодно поищу золото, серебро, эти... облигации. Если ротмистр – разбойник похлеще меня, значит, в квартире много всего. Будет добыча.

Имадин все последние минуты не сводил с друга вопросительного взгляда. Наконец он сказал:

– Я с тобой.

– Конечно, – ответил Лыков. – Но будь осторожен, это действительно опасно.

– Зачем лезешь в карету? Все пули в тебя полетят. Дашнакцаканы сразу начнут стрелять.

– Я знаю. Но кто-то должен быть возле денег, иначе насторожатся. А ты будешь помогать мне снаружи. Главное – узнать, где они нападут. Тогда

мы заранее расставим людей.

– Меня одного мало, – возразил Имадин. – Хочешь, я приведу разбойников? Только надо будет им заплатить. Сто рублей за каждое ружье. Кого ранят, тому триста. А убьют – пятьсот рублей семье.

– Хорошая мысль, – рассмеялся сыщик. – Самим под пули не соваться, нанять отчаянных людей и посмотреть, как одни разбойники будут убивать других. Только не выйдет.

– Почему? – с любопытством спросил Гушмазукаев.

– А что я потом начальству скажу?

– А начальству легче станет, если тебя застрелят? Пусть лучше абреков!

– Так у нас не делается, – с сожалением пояснил коллежский советник. – Думаешь, мне охота лезть в ту карету? Да я по тысяче дал бы каждому, кто сделает это вместо меня, а не по сотне. Но министр не одобрит.

– Вах, твоя жизнь на кону, а ты министра боишься! – цокнул языком Зелимхан. – Наплюй на него. Купи разбойников, потом не будут разбираться, кто в кого стрелял. Если победишь.

– Я на царской службе, у нас так нельзя, – с сожалением повторил сыщик.

Зелимхан повернулся к Имадину и сказал:

– Хорошо быть абреком! Все можно. Начальников нет, бога тоже нет – очень удобно.

Пора было прощаться. Коллежский советник сказал другу:

– Связь с Гушмазукаевым – через тебя. Но где искать тебя самого?

– На Проектированной улице в доме Талаквадзе.

– Приходи сегодня ночью в гостиницу. Будем думать, как в живых остаться.

Алибеков кивнул, и чеченцы ушли. Сыщик выждал пять минут и удалился через другую дверь.

Новость, которую сообщил абрек, ставила все на свои места. Начальник конвоя не тянет на главную фигуру, скорее на пособника. Значит, кукловод все-таки Трембель. Ишь, приставил ротмистра к столичному сыщику, чтобы помог узнать место нападения. Этот поможет... А Скиба невиновен, теперь это очевидно. Чачибая разрешил абреку Зелимхану убить всех, кто будет в карете. А по условиям перевозки, директор-распорядитель сопровождает денежный груз.

Теперь, когда выявился главный противник, Алексею Николаевичу требовались союзники.

Главный вопрос – где состоится экс. Как найти в двухсоттысячном городе десяток боевиков? Без полиции не обойтись. Но там у вице-директора наверняка тоже есть агентура. Начнешь откровенничать с кем попало, и Трембелю тут же донесут. Значит, говорить можно лишь с Ковалевым, без которого полиция с места не сдвинется. Надо объясниться, принести извинения. И действовать с ним заодно. Для отыскания дашнаков привлечь двух сыщиков, с которыми Лыков уже имел дело. Снитко и Гайдуков знают Тифлис, они должны справиться. Времени очень мало, вот что плохо. Со дня на день питерцу сообщат дату и место. Дата будет настоящая, а место – липовое. Если знать, кто нападет, взять их в проследку – они сами приведут куда надо.

И Лыков отправился на угол Слепцовой и Анастасьевской. Полицмейстер был на месте, но принял сыщика лишь через четверть часа. Выказывал свое недовольство. Когда посетитель зашел, хозяин недобро посмотрел на него и спросил:

– Ну что на этот раз?

– Георгий Самойлович, я пришел повиниться. Нас с вами искусно поссорили.

– Кто?

– Заправили «большой постирочной».

– Опять сказки? Я вам, господин Лыков, уже не верю.

– Зря. Знаете, что мне сказал три дня назад статский советник Трембель? Что именно вы дали приказ абреку Спиридону Гратиашвили убить барыгу Варвару Матушникову.

У полицмейстера вытянулось лицо:

– Как-как?

– Поскольку она выводила дознание на поляков – клиентов «большой постирочной». А вы, стало быть, и есть ее шеф.

Ковалев часто заморгал – он был в полной растерянности.

– Но почему я должен вам верить? Давайте пойдем вместе к Карлу Федоровичу и попросим подтвердить.

– Он откажется, – покачал головой питерец. – А вы провалите операцию.

– Я один пойду, – упрямо заявил полицмейстер. – Потому что теперь уже вы нас сталкиваете.

– Георгий Самойлович, выслушайте меня до конца, а там решайте.

И сыщик рассказал хозяину кабинета обо всех последних событиях. И про часы, которые подсунули Скибе. И про ложь Трембеля во всех подробностях. И про недавнюю беседу с абреком Зелимханом

Гушмазукаевым. Только умолчал о том, что разрешил чеченцу резать начальника конвоя...

Ковалев схватился за голову:

– Боже, что же это делается?! Начальник особого отдела, вице-директор канцелярии по военно-народному управлению края...

– Георгий Самойлович! Счет идет на дни, если не на часы. Заправились «постирочной» готовятся сбежать. Но не с пустыми руками. Их лавочку накрыли, теперь им нужен большой куш. Мы знаем, на какие деньги они нацелились. Знаем, кто нападет. Трембель задумал устроить заварушку. Сойдутся сразу три силы: конвой денежной кареты, абреки и дашнаки. Кто кого перестреляет – большой вопрос. Но мешки с деньгами уплывут. В них будет всего восемьдесят тысяч, а восемьсот поделят Трембель с Чачибая. При этом еще постараются, чтобы меня застрелили на эксе. Пока нападавшие поймут, что их надули, заправились уже убегут с Кавказа. В Турцию, например, а оттуда в Европу. А вас выставят виновным: недоглядели.

– Как я мог доглядеть! – вскинулся Ковалев. – Трембель – мой начальник. Я что, за начальством должен шпионить?

– Георгий Самойлович, а то вы наших порядков не знаете? Вот украли миллион. Меня убили, Скибу убили, а эти сбежали. С кого спросят? С полицмейстера. И будете Особому присутствию Сената рассказывать, что не угадали предателя в Трембеле... Чем кончится?

– Отставкой по третьему пункту^[59], знамо дело, – признал полицмейстер. – Спасибо вам: поверили, что я не с ними. Понимаю, не просто так. Вам нужен союзник. Правильно?

– Правильно, Георгий Самойлович. Но сотрудничать мы должны тайно. У Карла Федорыча всюду глаза и уши. Если он поймет, что раскрыт...

– Согласен. Думаю, несколько человек надежных у меня есть. Придется ограничиться ими.

– Одинаково мыслим, – одобрил Лыков. – Снитко и Гайдуков, по-вашему, надежные?

– Да. Фон Трембеля, сказать по правде, многие на дух не переносят. Наушничает князю Голицыну. Такой, знаете, кардинал Ришелье. А теперь оказывается, что он главный преступник!

– Георгий Самойлович, срочно ставьте нештатным сыщикам задачу: найти дашнакцаканов. Их должно приехать много, целый боевой отряд. Знать тайну будем лишь мы двое и сыщики.

Ковалев только теперь понял, насколько рискует его собеседник.

– А как же вы, Алексей Николаевич? Вас эти ребята в живых не оставят. Никакая охрана не поможет.

– Все просто: я их запутаю.

– Как?

– Скажу, что буду в карете во время экса. Сразу успокоятся.

– Почему? – удивился полицмейстер. – А...

– Точно так. Им надо со мной покончить. А тут я сам иду в ловушку. Когда нападут с одной стороны дашнаки, а с другой абреки, кто-нибудь из них меня застрелит. Так думают Трембель с Чачибая. Пусть думают. Значит, до экса никто меня не тронет.

– Ловко. Но ведь риск-то какой для вас. Там, в карете.

– Давайте думать о другом, – отмахнулся сыщик. – Операция наша тайная. Много людей выставить мы не сможем – Трембель узнает и отменит нападение. Значит, кто у нас есть?

– Снитко и Гайдуков – от городской полиции, – начал Георгий Самойлович. – Я еще могу подойти в последний момент.

– Вы слишком известная личность. Лучше следите за кассиром анонимного общества.

– Зачем?

– Ну как зачем? Я же все объяснил. Восемьсот восемьдесят тысяч при мне пересчитают и опечатают. Я выйду на двор к конвою. Тут они осуществят подмену: львиную часть денег выложат и восстановят печати. На все про все пять минут, не больше. Потом карета двинется в банк. Внутри будет Скиба – его тоже приговорили к смерти. На облучке рядом с кучером сяду я. И четыре конных стражника по бокам. В этот момент Трембелю надо вынести украденные деньги, чтобы спрятать их. Вот вы и проследите, куда повезут сумму. А мы тем временем повоюем.

Ковалев поежился:

– Бр-р... Знать, что вас собираются убить, и все-таки поехать... Правду говорил Скиба: ничего вы не боитесь!

– Боюсь, Георгий Самойлович, – сознался Лыков. – И жить хочу не меньше других. Но лучшего способа поймать кукловода нет.

– Сколько всего выходит людей?

– Два ваших, – стал загибать пальцы сыщик. – Моих четыре пограничника. Имадин Алибеков. Это те, кто поддержит нас снаружи. Семеро – не так уж и мало.

– И вас шестеро: вы с Максимом Вячеславовичем и конвой, – закончил полицмейстер. – Но Скибе придется все открыть. Нельзя посылать невинного человека на такое без его ведома.

– Нельзя.

– А он, когда узнает, может отказаться.

– Может, – согласился Алексей Николаевич. – Имеет на это полное право. На пули идти он не подписывался. Человек в отставке, свое уже хлебнул.

– И как быть?

– Вот сейчас и узнаю, – сыщик поднялся. – Откажется – будет трудно. По инструкции, возглавлять транспортировку денежных сумм должен ответственный представитель. Если это не Максим Вячеславович, кто тогда? Посылать другого человека, который ни сном, ни духом? Я думаю, Скиба согласится, чтобы спасти свое честное имя. Ведь Трембель с Щербаковой оболгали его в моих глазах.

Он нашел отставного сыщика на Абастуманской, в конторе анонимного общества. Максим Вячеславович сидел над какими-то таблицами.

– О, Алексей Николаевич! – обрадовался он. – Какими судьбами? А я тут совсем зашился.

– Да, не видел вас уже несколько недель. Что такое? Работы много?

– Не то слово. Во Владикавказе пускают трамвай в конце августа. Тифлисская городская дума рвет и мечет. Почему в столице края позже, чем во Владикавказе? Требуют сдвинуть сроки и уложиться к сентябрю. А это невозможно!

– Почему?

– Много причин. Во-первых...

Тут открылась дверь, и в кабинет вошел прилизанный мужчина в синих нарукавниках.

– Максим Вячеславович! Новости. Ой, простите, вы не один...

– Деньги привезли, Дормидонт Осипович?

– Точно так. Теперь все до копеечки.

– Я подойду попозже.

– Слушаюсь!

Прилизанный исчез, бросив на Лыкова любопытный взгляд.

– Это старший кассир?

– Да.

– Как его фамилия?

– Варун-Секрет.

– Как? – опешил коллежский советник.

– Варун-Секрет, через дефис.

– Поляк?

– Черт его знает, – пожал плечами директор-распорядитель. – Какая разница? Лишь бы не крал.

– Он именно кражу и задумал.

Скиба опешил. Обернулся на дверь и спросил вполголоса:

– Шутите?

– Нисколько.

– Это точно? У нас сейчас в кассе большая сумма.

– Знаю. Восемьсот восемьдесят тысяч рублей, взнос учредителей.

– Алексей Николаевич, но откуда?

– Нам надо поговорить. Не здесь.

Через четверть часа они сидели в кондитерской и пили ликер. Скиба не сводил с сыщика настороженного взгляда.

– Максим Вячеславович, который час?

– Что? А...

Трамвайщик вынул «Тиссот», щелкнул крышкой.

– Четверть второго.

– Не убирайте. Лучше посмотрите на них внимательно.

Скиба недоуменно уставился на часы.

– Ну, смотрю внимательно.

– Ничего не замечаете?

– Нет. «Тиссот» как «Тиссот», что я должен заметить?

– У вас часы с каким были номером?

– Черт его знает. На конце цифра шесть, другие не помню.

– Проверьте-ка.

Максим Вячеславович открыл заднюю крышку, начал разбирать цифры и опешил.

– Как это понимать, Алексей Николаевич?

– У вас мои часы. Те, которые отобрали разбойники.

– Но... а... что это значит?

– Их подменили. Чтобы выставить вас главарем «большой постирочной».

– По-прежнему ничего не понимаю. Объясните наконец!

Лыков подождал, пока мимо пройдет официант, и начал излагать бывшему коллеге события последних дней. Скиба то краснел, то бледнел. Известие, что жена предала его, особенно поразило беднягу. Он потребовал большую рюмку коньяка, потом вторую. Когда сыщик закончил свой рассказ, на директора-распорядителя было жалко смотреть.

Убивался он минут десять. Алексей Николаевич не торопил. Он ответил на дополнительные вопросы, с удовлетворением констатируя про

себя, насколько профессионально они поставлены. В трамвайном деятеле просыпался сыщик.

– Ну, мы можем продолжить?

– Да, Алексей Николаевич.

– Когда повезут деньги в банк?

– Да хоть завтра. Слышали же: вся сумма собрана.

– Можете протянуть еще хотя бы день?

– Могу, но зачем?

– Чтобы мы успели найти дашнаков.

– Лучше вообще отложить транспортировку, – заявил Скиба.

– Ни в коем случае. Такая возможность покончить со всеми разом. Поймите, Максим Вячеславович, Трембель подпишет акт, в котором будет настоящая сумма. Вместе с вашим Варун-Секретом опечатают мешки. Кстати, тот безусловно в доле. И все, конец кукловоду...

– А сам налет?

– Придется его выдержать. Если взять боевиков накануне, операция насмарку. Только после того, как опечатают мешки.

– Что, если перехватить дашнаков по пути на экс? А то людей жалко: конвой, прохожие могут пострадать. Или вообще спугнуть их, как вы спугнули Зелимхана.

– Если даже успеем перехватить, то что предъявим? Очень скоро арестованных придется отпустить. Взять на экс, с поличным – вот задача. А спугнем – они через месяц нападут на другую карету. Только мы уже не будем заранее знать, на какую. Люди все равно погибнут, а вот дашнаки останутся безнаказанными и с добычей.

Скиба молчал.

– Вы боитесь за себя? – не стал жалеть бывшего коллегу Алексей Николаевич. – Можно послать кого-то другого. Но неужели вам не хочется отомстить?

Трамвайщик с тоской осмотрелся вокруг:

– Господи, за что такая кара? Маша – предатель. За что? В чем я провинился перед тобой, Иисусе?!

– Давайте без мелодраматизма. Пойдете со мной или нет?

– Пойду, – твердо ответил Максим Вячеславович. – Вы правы, так это оставлять нельзя. Честь дороже жизни.

Сыщик поморщился от последней пафосной фразы. Хотя пусть пыжится, лишь бы дело делал.

– Хорошо, я рад, что не ошибся в вас. Только учтите: никто ничего не должен заподозрить. Особенно доктор Щербакова!

Скиба вздохнул, с тоской посмотрел на собеседника:

– А можно, я эти два дня тут поживу, в конторе? Скажу Маше в телефон, что много дел...

– Так будет лучше, – согласился коллежский советник. – Меньше риска. А то артист из вас еще тот, выдадите себя чем-нибудь.

Надел шляпу, двинулся к выходу и уже на пороге сказал:

– Нам еще хотя бы сутки...

Ночью в гостиницу пришел Имадин. Первым делом сыщик поблагодарил друга за важные известия.

– Они меня совсем запутали. Кто враг, кто друг – не пойму. А твой абрек все разъяснил. – И тут же испугался: – А он ничего такого в Тифлисе не устроит? А то мне голову оторвут.

Экс-разбойник успокоил:

– Нет, Зелимхан умный. Не только он тебя, но и ты его уберег от большой беды.

– Где он остановился?

– В Вере.

– А где именно?

– Там двенадцать кирпичных заводов, все устроены незаконно, без разрешения властей. И все принадлежат татарам.

– Слышал об этом, – кивнул Алексей Николаевич.

– От своей докторши? – усмехнулся приятель.

– Ну да...

– Вот на одном из заводов и прячется абрек. На каком – не скажу, извини.

– Но он хотя бы один приехал? – продолжил расспросы Лыков.

– Нет, с ним еще Большой Дауд. Но Зелимхан не выпускает его наружу. Дауд сидел в тюрьме и выучился там пить чачу с хинином. Теперь за парнем нужен надзор.

– Сообщи мне сразу, как узнаешь, на какую точку ротмистр пошлет абрека.

– Само собой. Но где бы ни была эта точка, тебе нельзя садиться в карету.

– Я буду снаружи, рядом с кучером.

– Хуже некуда! – расстроился Имадин. – Еще мишень себе на груди нарисуй!

– Ты и другие будете меня прикрывать. Вот, смотри...

И сыщик рассказал обо всех, кто должен был предотвратить экс.

– Место, место... Кабы знать его сейчас, успели бы придумать

диспозицию. А когда за полчаса, какая уж тут диспозиция. Имадин, попробуй и ты найти дашнакцаканов.

– Я чеченец, мне не скажут.

– Ну а вдруг? Потолкайся по притонам, порасспрашивай фартовых.

– Алексей, ты говоришь глупости. Боевики политические, они с фартовыми не дружат. Знают лишь армяне. Но они не выдадут.

Коллежский советник отпустил друга и отправился к полицмейстеру. Тот не спал.

– Что нового, Алексей Николаевич? Узнали место?

– Нет. А вы?

– Тоже нет.

– Я был у Скибы, все ему рассказал. Жалко человека...

– Расстроился? – сочувственно спросил Ковалев.

– Это мягко сказано. Собственная жена продала. А теперь вместе с любовником подставляет его под пули.

– Трембель, по-вашему, любовник Щербаковой?

– Скорее всего, – вздохнул питерец. – Если мужчина и женщина пошли вместе на кровавое дело, так обычно и бывает.

– Да... Карл Федорович – знаменитый на весь город юбочник, баб у него сколько угодно. А тут немолодая уже... Зачем она ему? Вот ведь хитрая стерва! А я всегда считал ее вздорной и глупой.

– Два черных сердца сошлись. Георгий Самойлович, я чего пришел. Привлеките Галуста Вартапетянца. Пусть тоже ищет дашнаков. Он армянин, ему скажут.

– Пытался, – ответил Ковалев. – Как услышал – ни в какую. Лучше, говорит, увольте из секретных агентов. И коронной службы вашей не надо.

– У нас остался только завтрашний день... – вновь вздохнул сыщик.

В сопровождении ефрейтора Петрова он вернулся в гостиницу и долго не мог уснуть. Хотелось к Виктории, еще больше тянуло домой. Эх, служба...

Глава 14

Экс

Утром запиской Лыкова вызвали к полицмейстеру. У того в кабинете сидел помощник пристава Снитко и ухмылялся.

– Неужели? – обрадовался питерец.

– А то! Мы хоть и заштатные сыщики, а дело знаем.

– Где они прячутся?

– Не поверите, Алексей Николаевич! Прямо напротив трамвайного парка. В доме, где городская дезинфекционная камера.

– Сколько их?

Снитко приосанился:

– Я послал туда околоточного Десятого участка Ганберга. Он парень ушлый. Пришел в квартиру вроде как с обходом.

– Не спугнул?

– Нет. Такие обходы полагается делать регулярно, они уж привыкли. Квартира во дворе, окна завешены. Ганберг сунулся, а хозяин ему навстречу, и сразу арцаха предложил. Околоточный скользнул взглядом по вешалке, на ней сверху шапки лежат, много шапок. Спросил с подвохом: все прописаны? Хозяин ему в кулак «синенькую» и говорит: все, все. Ганберг рюмку выпил, деньги в карман сунул и ушел.

– Молодец! Но он успел пересчитать шапки?

– Успел. Ганберг – он такой. Если хозяина вычесть, то дашнаков получается восемь человек.

– Восемь... Теперь мы знаем, где они прячутся. Но вот где нападут?

– Поблизости от дома и нападут, – предположил Ковалев. – Пока ваши лошади не разогнались. Только вы из ворот, сразу и... Чтобы по городу не ходить толпой, внимания не привлекать.

– Навряд ли, – не согласился Алексей Николаевич. – Они должны дать время Трембелю скрыться с остальными деньгами. Хотя бы пять минут ему потребуется. И потом, а вдруг карета при первых же выстрелах шмыгнет обратно в ворота? Нет, дашнаки дадут нам доехать до ближайшего угла.

– Почему именно до угла?

– На повороте лошади сбавят ход. Удобнее нападать. Ну-ка, где у нас первый перекресток? Угол Абастуманской и Вокзальной. Здесь и состоится!

Все невольно поежились. Сколько жизней оборвется на этом перекрестке?

– Да, Петр Анисимович, – спохватился Лыков, – а как вы нашли квартиру?

– По фамилии владельца.

– Поясните.

Снитко вынул из кармана бумагу:

– Вот справка из адресного стола. Я запросил тех с армянскими фамилиями, кто проживает по маршруту от Абастуманской улицы до Сергиевской.

– Это же сотни людей!

– Нет, всего тридцать восемь человек. В Авлабаре были бы не сотни, а тысячи. Но путь лежит через русские кварталы. Вот... Стал смотреть фамилии и обнаружил знакомую: Макарьянц.

Коллежский секретарь со значением глядел на начальников: поймут или нет? Первым догадался полицмейстер:

– Это тот, который патроны украл в Александрополе?

– Нет, его брат.

– Ага, понятно.

Тут и Лыков вспомнил шумное дело:

– Вы про ограбление сто тридцать первого капонира?

25 декабря 1903 года, в самое Рождество, на оружейном складе в Александрополе произошла большая кража. В тот день весь караул состоял из армян. Они позвали подмогу. Прибыли пятнадцать человек с салазками и вывезли из капонира огромное количество огнeприпасов. Было похищено 437 ящиков с патронами Бердана, 30 – Пибоди и 46 – с патронами к револьверам Смита-Вессона. Одних только берданных недосчитались 503 000 штук! Учитывая, что в горах за винтовочный патрон платят рубль, сумма похищенного оказалась громадной.

Капонир опустошали полдня. За это время несколько русских солдат возвращались мимо него из увольнения. И с удивлением наблюдали за ограблением... Они докладывали об этом начальнику караула, но тот тоже был армянин и мер не предпринимал. Офицеры спохватились лишь на следующее утро, когда грабителей и след простыл. Суд приговорил часового Шахабазова к шести годам каторги, а двух причастных к делу унтеров Баграмова и Согомонянца к пяти годам исправительных арестантских отделений. Другой часовой, Макарьянц, бежал и до сих пор находился в розыске.

– Ай да Петр Анисимович! Сыщик так сыщик.

Лыков повеселел. Теперь боевики под наблюдением. Он собрал в кабинете полицмейстера всех, кто завтра должен был идти под пули. Компания получилась разношерстная. По левую руку от питерца сели его пограничники, включая и нижних чинов. Справа с невозмутимым видом разместился Алибеков. Рядом с ним сел хмурый Скиба.

Напротив них расположились полицейские. Ковалев слушал и помалкивал: ему в бой не идти. Снитко и Гайдуков были серьезны, как никогда.

– Итак, господа, с местом нападения мы окончательно определились. Как я и предполагал, это угол с Вокзальной.

– Откуда такая уверенность? – усомнился Максим Вячеславович.

– Господин Алибеков сообщил. А ему сказал Зелимхан. Откуда тот узнал, понятно...

Лыкову не хотелось называть фамилию наводчика, ротмистра Чачибая. Ведь не все за этим столом были посвящены в такие детали.

– Выезд кареты назначен на одиннадцать часов утра. Через пять минут она окажется на повороте. Внутри – господин Скиба. Ваша задача, Максим Вячеславович, – стеречь мешки. Если их заберут, вся операция насмарку.

– Понял.

– Карета блиндированная, выдерживает револьверный выстрел. Не выходите наружу ни при каких обстоятельствах! Даже если меня станут убивать на ваших глазах, – сказал Лыков.

– Я запрюсь изнутри.

– В окна не смотрите, лучше лягте на пол. Стреляйте в каждого, кто попытается забраться внутрь. – Коллежский советник повернулся к другу: – Теперь ты, Имадин. На мостовой, возле поворота, обычно сидит татарин с лотком. Он продает головчатый лук и зелень. Ты займешь его место. Георгий Самойлович уже распорядился.

– Да, мы загодя уведем торговца с поля боя, – подтвердил полицмейстер.

– Твоя позиция будет самой удобной, но и самой опасной. Дашнакцаканы выбегут с обеих сторон улицы. Тем полезнее окажется твое участие. Бей их фланкирующим огнем. Когда станет жарко, прячься в магазин Сундукьянца, он будет у тебя за спиной.

– Понял.

– Теперь пограничники. – Лыков обратился ко всем сразу. – Вы, Иосиф Хахиевич, сидите в кофейне в двух шагах от Имадина. Когда начнется бой, действуйте по обстановке. Из кофейни не выходите, отстреливайте тех, кто полезет в карету, через окно.

– Из окна я мало что увижу, – возразил штабс-ротмистр.

– Ну я и говорю: по обстановке, – уклончиво сказал сыщик. А сам имел в виду: хочешь подставлять голову под пули – я не могу тебе этого запретить, но лучше не надо...

– Петров и два Ивановых с винтовками займут позицию в доме напротив. На втором этаже, в номерах Китаева никого не будет, полиция укроет жильцов во дворе. Вы ведете огонь через улицу, поддерживаете нас. Старайтесь не попасть в своих... Задача – не столько поразить одного-двух, сколько сбить боевой дух бандитов. Пусть думают, что вокруг полно армии и надо драпать.

– Так точно, – вразнобой ответили пограничники.

– Теперь Снитко с Гайдуковым. Вы засядете в магазине Сундукьянца. Он как раз на углу, окажетесь в центре событий. Стреляйте во всех, кто атакует экипаж. Вам тоже советую не выходить на улицу. Поддержите огнем Имадина и помогите ему заскочить в магазин.

– Есть! – по-военному коротко ответил Гайдуков.

– Общая установка такая: нас много, действуем огнем, стараемся зря не высовываться. Нарацивайте плотность стрельбы! Дашнаков восемь человек. Нескольких мы должны свалить, как только начнется экс. Уцелевшие опешат – они не ждут отпора, собираются воевать с одним лишь конвоем. Даст бог, разбегутся от неожиданности. Но если не испугаются и продолжат нападать... Особенно если подберутся к карете – тогда все наружу и биться до последнего.

Сидящие за столом почувствовали дыхание смерти.

– Я буду одет в форму унтер-офицера закавказской полицейской стражи, – продолжил сыщик. – Сяду на облучке рядом с кучером...

– Самая опасная роль, – пробормотал полицмейстер.

– Самая опасная как раз у кучера, – парировал Лыков. – Первые выстрелы будут направлены в него, чтобы остановить карету. Я сказал Трембелю, что под шинелью у парня будет броневой панцирь. На самом деле таких панцирей в Тифлисе нет. А соврал я для того, чтобы дашнаки стреляли в лошадей, а не в кучера. Сам он обо всем предупрежден. Выговорил награду семье, ежели что... Храбрый человек.

Еще большая опасность угрожает стражникам, которые назначены сопровождать карету. Их четверо: двое справа, двое слева. Не знаю, как с ними быть... Им тоже сказали, что нападение неизбежно. И вызвали охотников. Добровольцев оказалось только двое, еще двоих пришлось назначить. Команда тянула жребий. – Лыков с тоской сжал кулаки. – Не знаю... Я, конечно, скажу им, где именно нападут. Как только отъедем от

конторы, чтобы не услышал Трембель. Они будут наготове. Но что толку? В первую очередь станут расстреливать их. Хоть бы кто-то уцелел.

Питерец вдруг завелся:

– Георгий Самойлович! Ну к черту эту операцию! Давайте ее отменим. Какое мы имеем право распоряжаться жизнями людей?

Ковалев покачал головой:

– Не отменим. И вы давеча уже объяснили почему. Дашнакцаканы все равно нападут, только мы не будем знать того, что знаем сейчас. В городе восемь отчаянных людей. Они вооружены. Прикажете отпустить банду? А потом умыться кровью?

На этом совещание закончилось. Лыков с Имадином уходили с него вместе. Чеченец укоризненно сказал другу:

– Ну и зачем твое геройство? Больше всех надо? Пусть армия с полицией сидят на облучке. Так ты сам их по магазинам распихал, да еще велел не высовываться.

– Извини, что назначил тебя в самое пекло. Но ты опытнее других. Так же, как и я. А у того, кто опытнее, больше шансов уцелеть. Тому и садиться на облучок.

– Пограничники тоже не вчера родились.

– Вот пусть и поддержат нас метким огнем. Имадин, у меня к тебе личная просьба.

Алибеков насторожился. А питерец продолжил:

– Они нападут на нас справа, с мостовой. Согласен?

– Согласен, – авторитетно подтвердил отставной разбойник. – Левые присоединятся чуть позже. Если сразу нападать слева, им придется перебегать улицу. Конвой успеет открыть огонь.

– Вот. Поэтому при первом же движении я прыгаю влево и прячусь за карету.

– Правильно!

– Помнишь, ротмистр Чачибая предлагал Зелимхану бомбу?

– Ах вот о чем ты... – сообразил чеченец.

– Если ее кинут под карету, мне крышка.

– Спрячься в экипаж с другой стороны, он бронированный.

– Нет, – сыщик упрямо сдвинул брови. – Двое внутри – это слишком много. Предлагаешь мне дезертировать с поля боя? Нет.

– Тогда чего ты хочешь от меня?

– Подстрели метальщика раньше, чем он кинет снаряд. У тебя будет идеальная позиция, как в партере театра. Вот только и пули будут все твои.

– Насчет бомбы понял, – ответил Имадин. – Ты прав: если кто и

увидит метальщика, так это я. Попробую.

– А потом сразу беги в магазин.

– Ну уж нет. С тобой всю тамашу пропустишь. Ты думай о себе, ладно? А я сам как-нибудь разберусь, куда драпать.

Через час статский советник Трембель вызвал к себе Лыкова. В кабинете чиновника Алексей Николаевич увидел бравого ротмистра Чачибая.

– Арзакан Георгиевич, ты нашел место, где на нас нападут? Осталось полдня.

– Нашел, дорогой, нашел. Для этого мы тебя и позвали.

– Где?

Грузин подошел к плану города и ткнул карандашом в площадь Солдатский базар:

– Здесь.

Коллежский советник был вынужден согласиться:

– Да, мимо нее мы никак не проедем.

– Тут сходятся сразу несколько улиц, – пояснил Чачибая. – Базарная, Графская, Пушкинская и Мухранская. Очень удобно для бандитов: они будут подтягиваться со всех сторон по два-три человека, чтобы не вызывать подозрений. А я заранее рассажу своих конвойцев по ближайшим духанам. Дадим им соединиться – и ударим.

– Но пусть сначала нападут, – заявил Лыков.

– Конечно. Брать, так с поличным.

Трембель спросил из-за плеча ротмистра:

– Алексей Николаевич, не хотите привлечь к операции своих пограничников?

– Не хочу, Карл Федорович. Они подчинены мне для другого, разрешение на участие в бою может дать только министр финансов Коковцов.

– Ну ладно, справимся своими силами. Я и полицию не хочу привлекать. Там много слабого элемента, еще проболтаются. Конвой князя Голицына – самая надежная сила. А вы держитесь настороже. Главное, опасайтесь трамвайщика! Он постарается выстрелить вам в спину.

– Скиба будет в карете, а я снаружи.

– Тоже очень опасно.

– Арзакан Георгиевич со своими головорезами прикроют. И потом, не впервой, я в таких переделках уже бывал, что...

Тифлисцы переглянулись, и статский советник сказал:

– Ну-ну...

Протянул руку питерцу, прощаясь:

– Тогда до завтра. В десять часов я прибуду в анонимное общество, вместе будем деньги пересчитывать.

– До завтра.

Остаток дня Лыков не находил себе места. Хорошо, конечно, что он назначил себя на главную роль. Не будет совестно перед погибшими – если сам уцелеет. Но умирать отчаянно не хотелось. Сейчас бы напиться, но перед боем нельзя. Надо пережить завтра этот страшный час, пережить и уцелеть. А там будет легче. Всю камарилью к ногтю – и домой.

В конце концов он не выдержал и приехал к Виктории Павловне во врачебную управу. Фомина-Осипова удивилась и сразу разволновалась:

– Что случилось?

– Извини, ты не можешь отправить сына к отцу сегодня вечером? Вне очереди.

Докторша стала совсем бледной:

– Объясни, что произошло! Тебе угрожает опасность?

– Нет, что ты. Просто соскучился. Давно не виделись.

– Так соскучился, что не мог подождать два дня? Не лги мне, я уже взрослая женщина.

– И в мыслях нет врать. Завтра уезжаю по всему Кавказу: Александрополь, Эривань, Баку... Долго не приеду. А я и без того истосковался.

Виктория Павловна впиалась в сыщика глазами. Ах, как трудно обмануть этих женщин! Они чувствуют сердцем, слова тут не помогают. Лыков просто молча смотрел, не отводя взгляда. И Виктория увидела, что хотела. Ведь поняла, все она поняла! Сыщик был в этом уверен. Но прикинулась, будто поверила:

– Хорошо. Жду тебя к девяти. Сумеешь?

– Да. Спасибо.

В ту ночь она любила сыщика, как в последний раз. Разговоры были ни о чем, да и мало было разговоров... Ранним утром Алексей Николаевич вышел на улицу, оглянулся. Знакомый силуэт в окне. Чуть качнулась рука: прощай. Он выпрямил спину и пошел, убеждая себя не бояться. Все началось с его испуга, когда он дал расстрелять молодого парня. Вот теперь нелюди за это ответят.

В десять утра в кассе анонимного общества всю кипела работа. Варун-Секрет пересчитывал банкноты и увязывал их в пачки. Банкноты были разного номинала: от пятисотрублевых до четвертных. Отдельно в кожаные сумы укладывали золотые десятки, завернутые в красные

кульки^[60]. Пересчет и упаковка продолжались с вечера. За это время счетчик не выходил из помещения кассы, ел и спал там и порядком вымотался.

Лыков с Трембелем сидели в кабинете директора-распорядителя и ждали. Питерец уже переоделся в мундир стражника. Скиба бегал туда и обратно, внося в обстановку нервозность. Наконец через сорок минут он пришел и сообщил:

– Закончили.

– Пойдемте взглянем, – предложил статский советник.

Они зашли в кассу. На полу лежало шесть мешков и несколько кожаных сумок.

– Будете пересчитывать? – с сарказмом поинтересовался Варун-Секрет.

– Черт в них ногу сломит, – махнул рукой сыщик. Взял под мышку два мешка и пошел на двор.

Там уже стояла карета государственного казначейства. Четыре могучих коня били копытами. Рядом сгрудились спешенные стражники. Алексей Николаевич подошел к ним и сказал:

– Ребята, я коллежский советник Лыков. А оделся унтер-офицером для конспирации.

– Понятно, ваше высокоблагородие!

– Вы уже знаете, что на нас хотят напасть.

Конвойцы сразу посерьезнели.

– Знаем. А где именно, ваше высокоблагородие?

Лыков оглянулся. Из окна на него смотрел Трембель.

– Место точно неизвестно. Подготовьте оружие и будьте настороже.

Конвойные вынули обоймы, зарядились и поставили винтовки на предохранительный взвод.

– Закуривай пока, – скомандовал питерец. Повернулся к двери и крикнул: – Давайте поживее! Тащите остальное.

Вышел Скиба с кожаной сумкой. Он был бледен, как смерть.

– Все помните? – шепотом спросил Лыков, хотя в этом не было уже никакого смысла.

Максим Вячеславович молча кивнул и полез за портсигаром.

Еще пять минут они стояли и курили, несколько человек, идущих на смерть. Карету давно загрузили, кучер сел на козлы. Уехал Трембель, на прощание пожав им руки. А люди все топтались, словно хотели еще немного оттянуть страшный момент.

– Слушай мою команду, – тихо сказал сыщик. – Как сядете в седло,

винтовки сразу в руку. Засада на ближайшем перекрестке, угол с Вокзальной. Спешивайтесь и прячьтесь за коней. С богом!

Все семеро, включая кучера, перекрестились. И двинулись со двора трамвайного общества. Лыков думал: хорошо, что он успел отправить Азвестопуло домой. Конечно, лишний стрелок ему бы сейчас не помешал. И Сергей – храбрый парень – других в одесское сыскное не берут. Но в такое пекло посылать? Только-только коллежский советник нашел себе помощника... Нет, пусть живет. А проверить его под огнем случай еще представится.

Абастуманскую пролетели за пять минут. Улица была пуста. Повезло, что уже июнь. Это самый жаркий месяц в Тифлисе. Все, кто может, уезжают из города, жизнь в нем затихает. Тем меньше окажется случайных жертв, успел подумать Лыков. Нервы у него были на пределе. Сейчас начнется! Такого волнения он не испытывал, наверное, с первого боя на турецкой войне. Постарел коллежский советник, обленился за кабинетной работой, отвык от свиста пуль... Ну так через секунду тебе напомнят.

Карета, окруженная всадниками, подъехала к перекрестку и начала уже сворачивать. Тут из-за угла выскочил городской и закричал:

– Куда прешь! Там стадо гонят.

И взял ближайшую лошадь за повод.

Откуда здесь пост? Лыков несколько раз проезжал это место, делая рекогносцировку. Никакого поста не видел... Через долю секунды он понял, в чем дело, но помешать уже не успел. «Городской» выхватил «смит-вессон», вложил ствол в ухо лошади и выстрелил. Та повалилась и стала сучить ногами. Карета была обездвижена.

Алексей Николаевич сбросил кучера на мостовую и нырнул рыбкой следом. И сразу началась густая стрельба. Казалось, нападавших целая рота. Пули высекали искры из мостовой, рикошетили от кареты и улетали в небо. Звенели и сыпались стекла, кричали люди и ржали лошади.

Лыков толкнул кучера:

– Ползи на ту сторону!

Но увидел, что вместо глаза у того черно-красная дыра, из которой течет кровь. Черт, не уберется! Сыщик выхватил маузер и высунулся из-за экипажа. От угла на него бежало аж пять человек. Один поднял над головой какой-то предмет. Бомба! Тут справа звонко щелкнул выстрел, парень повалился на спину. Его товарищи бросились врассыпную, сыщик тоже пригнулся. Но взрыва не последовало. Атака возобновилась, и наконец Алексей Николаевич взялся за дело. Три раза маузер плюнул свинцом, и дашнаки, кто не упал, откатились обратно за угол.

Но радоваться было рано. Пуля чиркнула над ухом, вторая прошила левое плечо. Били сзади. Он резко обернулся. С другой стороны улицы на него летели трое и на бегу вели огонь. Вдруг в окнах гостиницы полыхнули вспышки, и все трое, как мишени на стрельбище, почти одновременно повалились. Это пограничники прикрыли своего начальника.

– Молодцы, ребята, – пробормотал коллежский советник. Однако с правой стороны кареты усилилась пальба. Они все-таки добрались! Лыков пытался высунуться, помочь Скибе. Но его осыпали таким градом пуль, что пришлось лечь на мостовую. Снизу мало что было понятно. По обеим сторонам от дверцы виднелись сапоги. Гильзы так и сыпались вниз. Они пытаются выбить запор, догадался сыщик и прострелил ближайшему боевику ногу. Тот с криком упал, мелькнуло разгоряченное боем лицо. Вторую пулю коллежский советник послал парню прямо в лоб.

Тот, что был рядом, гортанно заорал, и Лыков увидел, как дверца кареты открылась.

– Держать!

Он вскочил и обежал карету сзади. Террорист тянул дверцу на себя и злобно скалился. Но тут изнутри раздался выстрел, и дашнак отлетел на панель. Створка опять захлопнулась.

Сыщик наконец-то разглядел, что творилось вокруг. Два тела лежали возле кареты и еще три на углу. Пять или шесть боевиков пытались пробиться к деньгам, но их сдерживали из окон кофейни и магазина. Где же Имадин? Хорошо, если внутри. Вот дела стражников были плохи: двое распластались на мостовой, их лошади перебирали ногами. Третий сидел, держась за пробитую грудь, и клонился все ниже и ниже. Четвертого сыщик не видел; кажется, он еще отстреливался с той стороны экипажа.

Там тоже шел бой, террористы ломились в двери гостиницы. Но это далеко от кареты, пусть воюют. А пальба разыгралась нешуточная. Все вокруг было усыпано стреляными гильзами, дым окутал перекресток, словно туман. У Лыкова кружилась голова, противно стекало за ухом и по спине. Но он чувствовал, что ранения неопасны, и вклинился в схватку возле кареты. Облокотился на колесо и послал несколько зарядов в атакующих. Один из них упал, уцелевшие вновь отступили за угол.

Тут у коллежского советника кончились огнеприпасы. Он вернулся за карету и начал менять пластинчатую обойму. С пробитым плечом делать это было неудобно. Неожиданно прямо на него ринулись два боевика. Они выскочили из подворотни – обошли экипаж дворами и напали с тыла. Сыщик оказался с разряженным пистолетом и на прицеле. Испугаться он не успел: из лавки выбежал залитый кровью Имадин. Тремя пулями он

уложил обоих и юркнул обратно.

У Алексея Николаевича не было даже времени вытереть холодный пот. Как только он зарядил маузер, из подворотни снова полезли дашнаки. Сколько же их всего? Никак не восемь, а значительно больше. Сыщик наконец разозлился, а в этом состоянии он никого не боялся и становился особенно опасен. Вытянув вперед руку с пистолетом, питерец попер на врага. Оказалось, что боевиков трое и они вооружены револьверами и кинжалами. Первый пальнул в упор, но его наган дал осечку.

– На!

Лыков свалил его и устремился дальше. Второй выхватил из ножен бебут и с отчаянным криком кинулся на сыщика.

– И тебе на!



Последний развернулся и бросился наутек. Но раздался встречный выстрел, дашнак дернулся и упал на землю. Кто там еще воюет?

Сыщик замер и крикнул в глубь двора:

– Эй, тут Лыков! А ты кто?

– Это я, Ковалев! Не стреляйте!

Из тени осторожно вышел полицмейстер, поводя вокруг себя стволом «смит-вессона». Увидев Алексея Николаевича, он пояснил:

– Не удержался. Как тут у вас?

– Бежим к карете!

Полицейские выскочили из подворотни на улицу и увидели, что бой затихает. Двое человек улепетывали к вокзалу, еще один бежал в другую сторону. На перекресток вышел Гайдуков, вскинул руку, выстрелил. Одинокий беглец упал.

– Уйдут, уйдут! – закричал Ковалев и стал лупить из револьвера по оставшимся. Но расстояние до них было уже большое. Тогда Лыков подошел к убитому стражнику, нагнулся, взял винтовку. Но больше ничего сделать не успел. Огромными прыжками из гостиницы выскочил ефрейтор Петров. Припал на одно колено и в считанные секунды уложил обоих...

Вдруг сделалось тихо. Только гильзы со звоном перекатывались по мостовой. Алексей Николаевич подбежал к карете, крикнул:

– Отбились, Максим Вячеславович! Это я, Лыков. Не стреляйте, я открываю дверь.

И тут увидел, как изнутри на землю стекает кровь. В сердце стукнуло. Дрогнувшей рукой он открыл дверцу. Скиба лежал на мешках с деньгами и держался за правый бок.

– Куда?

– В почку, кажется.

– Доктора сюда, живо!!!

Но откуда здесь было взяться доктору? Если бы его заранее поместили поблизости, об этом мог узнать Трембель. Тогда вся засада насмарку. И Лыков принялся раздевать и перебинтовывать раненого, как уже делал это недавно с городовым Уховым. Директор-распорядитель был в сознании и, судя по всему, помирать не собирался.

– Я не доставлю Маше такого удовольствия, – сообщил он сыщику, морщась от боли.

– Я знаю кучу людей, которые много лет живут с одной почкой, – ободрил раненого Лыков. – И вы проживете. Только не с Марией Ивановной.

Скоро вокруг кареты собрались все, кто уцелел при эксе. Снитко и Гайдуков успешно отбились из окон магазина и не получили ни царапины. Они благоразумно не выходили наружу до самого конца боя. Но нескольких боевиков уложили на месте, не подпустив их к экипажу со стороны Вокзальной.

У Имадина оказалась прострелена шея, но сбоку, неопасно. Он истратил все патроны, а последнего террориста достал уже кинжалом. Против опытного разбойника дашнакцакан не устоял.

Ефрейтор Петров был цел и невредим, но сообщил начальнику грустную новость. Оба Ивановых погибли: боевики обошли их по черной лестнице и выстрелили в спину. Однако пограничники сразили троих врагов и отвлекли на себя часть их сил, чем обеспечили успех операции.

Из четырех конных стражников в живых остался лишь один, и тот был весь изранен. И погиб кучер, еще в первые секунды боя.

Всех необычнее пришлось воевать штабс-ротмистру Топурии. Согласно диспозиции, он разместился в кофейне. Когда началась стрельба, офицер увидел, как сидевший за соседним столиком армянин достал револьвер и кинулся на улицу. Топурия догадался, что это противник, и схватил его сзади за руки. Завязалась отчаянная борьба. Несколько минут два человека катались по полу заведения, и никто не мог взять верх. Наконец физически очень крепкий пограничник одолел дашнака. Мощными ударами он оглушил его, а потом выскочил на улицу и помог отстоять карету.

На перекрестке, в подворотне и по Вокзальной улице было подобрано шестнадцать мертвых тел. Точнее, трое боевиков еще дышали, но скончались позднее, в военном госпитале. И одного храбрый Топурия взял живым. Из случайных прохожих, к счастью, никто не пострадал.

Еще очень повезло, что не взорвалась бомба. Действительно, метальщика успел застрелить Имадин. Но снаряд упал между каретой и домом, в котором укрылись наши. Жертв было бы не счесть, но механизм заело. Для того чтобы разрядить смертоносную штуку, пришлось вызывать офицеров саперного батальона.

Скибу отвезли в военный госпиталь. Туда же отправили Имадина Алибекова, но тот по пути сбежал... Лыкова приехавший врач перевязал прямо на месте. Он присвистнул, увидев мускулатуру коллежского советника:

– Вот это да! Сколько же вам лет?

– Скоро будет пятьдесят... если доживу.

Врач огляделся и сказал:

– Если вот так будете развлекаться, то сомнительно.

Наконец раненых эвакуировали, погибших тоже прибрали. Остались только те, для кого операция еще не закончилась. Сыщик спросил полицмейстера:

– Деньги отследили?

– Да.

– Где они?

Ковалев нагнулся к самому уху питерца и сказал ему шепотом

несколько слов.

– Я так и думал, – кивнул тот. – Теперь соберите понятых и пересчитайте то, что в карете.

– Надо спешить в канцелярию, Трембель уйдет! – воспротивился полицмейстер.

– Никуда он теперь, Георгий Самойлович, не уйдет. Как только мы убедимся, что в мешках сумма в десять раз меньше, тут ему и конец.

Пришлось начальнику полиции бегать и звать понятых. Мешки вскрыли и быстро проверили. Денег внутри оказалось еще меньше: пятьдесят тысяч рублей в купюрах и звонкой монете.

– Пожмотничали ребята, – констатировал коллежский советник. – Ну теперь на Петра Великого!

Питерец подозревал начальника своей поредевшей охраны:

– Иосиф Хахиевич, вы еще чувствуете в себе силы? Или переволновались?

– А чего надо, Алексей Николаевич?

– Арестовать одного предателя, Трембеля.

– Да хоть двух Трембелей.

– Тогда едем в канцелярию главноначальствующего.

В гардеробе канцелярии с утра прятался помощник полицмейстера коллежский асессор Мандрыкин. В кармане у него был ордер на арест вице-директора. Ордер еще вчера вечером подписал следователь Мамамтавишвили. Теперь можно было дать бумаге ход.

Но на улице Петра Великого их ждало разочарование. Оказалось, что статский советник только что отбыл в Коджоры. Не иначе как узнал о неудаче с эксом и пытался скрыться.

Коджоры – пригородная дачная местность, куда в летнюю жару переезжали чиновники. Троица бросилась в погоню. Однако на Вознесенской улице, напротив католического кладбища, они увидели живописную картину. Шикарная коляска вице-директора стояла посреди дороги, один городской держал лошадей. Второй, под командой Мандрыкина, караулил хозяина экипажа. А Трембель сыпал на всю округу отборной матерщиной, пытаясь освободиться.

Когда подъехали преследователи, статский советник осекся. Потом сделал вид, что страшно рад:

– Алексей Николаевич, вы живы! Слава богу! Я так волновался. А что у вас голова забинтована? И плечо тоже.

– Стреляли сзади, немного оцарапало. Но ничего страшного.

– Как все вышло? Вы с рапортом? А тут какое-то недоразумение...

меня не пускают к Фрезе.

– Александр Александрович приказал доставить вас к нему под конвоем, – пояснил Лыков. – Так что едем.

– Под каким еще конвоем? Что все это значит? – опять начал возмущаться кукловод.

– Будет вам голосить-то, – оборвал его питерец. – Деньги мы отбили и пересчитали заново. Там всего пятьдесят тысяч. А остальные где?

– Откуда я знаю? Спросите у кассира. Мы с вами вместе их опечатывали, забыли?

– У кассира уже спросили, он показывает на вас, – вступил в разговор полицмейстер.

– А вы вообще молчите, вы у меня в подчинении! – заорал Трембель.

– Вот еще, буду я всякой сволочи подчиняться!

Так они и пререкались все двенадцать верст до Коджор.

Когда арестованного ввели в кабинет Фрезе, Лыков доложил:

– Ваше высокопревосходительство! Нападение дашнакцаканов на карету с деньгами отбито. К сожалению, без потерь не обошлось. Погибли трое стражников и кучер. А еще два солдата-пограничника, что прикрывали нас через улицу огнем. Ранены директор-распорядитель Скиба – тяжело, мой помощник Алибеков и я – легко. У нападавших убито шестнадцать, одного штабс-ротмистр Топурия захватил живым.

Генерал осенил себя знамением, подошел к Лыкову, осмотрел его внимательно и сказал:

– Кажется, и в самом деле ничего серьезного.

– Заживет, Александр Александрович.

Фрезе обратился к пограничнику:

– Дашнакцаканов исключительно редко удается взять живыми. Примите мою признательность, господин штабс-ротмистр.

– Рад стараться, – по-солдатски ответил Топурия, порозовев от удовольствия.

– Теперь вы. – Генерал встал напротив Трембеля и вперил в него взгляд. – Вы... У меня даже слов недостает, как вас назвать.

– Я требую все мне разъяснить! – визгливо начал Трембель. – Вот уже час меня оскорбляют, не предъявляя никаких доказательств.

– Деньги украденные нашли? – спросил Фрезе у полицмейстера.

– Мы знаем, где они. Пока не успели.

– Кассир признался?

– Точно так, ваше высокопревосходительство. Дал показания на Трембеля как главного заправилу всей аферы.

– А где ротмистр Чачибая?

– Только что мне сообщили: начальник конвоя найден у себя на квартире убитым. В вещах погром.

– Кто его, как думаете? – обратился к питерцу помощник главноначальствующего.

– Конечно, абрек Зелимхан, – ответил Лыков. – Я докладывал. Абрек обиделся на ротмистра и отомстил. И черт с ним, с негодяем.

Трембель слушал молча, но вдруг начал оседать на пол. Питерец подхватил его и потащил к стулу. Из безвольно разжавшегося кулака статского советника выпал пузырек и покатился по полу.

– Черт, просмотрели!

Алексей Николаевич взял склянку, понюхал и сообщил:

– Цианид. Как же вы его не обыскали?

Ковалев отмахнулся:

– Да не жалко! Покончил с собой и тем признал вину. Доказательств у нас вагон. Все, дело о «большой постирочной» закончено.

– Еще нет, – возразил сыщик. – Осталось поставить точку. Александр Александрович, мы поехали во врачебную управу. Деньги там, у Щербаковой, в шкафу с бациллами.

– Ступайте. И отдыхайте после этого, бумаги мы сами оформим. Вам о-го-го как досталось. Нынче же доложу о вашем подвиге министру фон Плеве. На облучке, в самое пекло...

Действительно, Лыкова уже мотало из стороны в сторону. И перенервничал, и крови много потерял. А тут еще брать любовницу кукловода... Вдруг Виктория тоже в это время окажется в управе? И коллежский советник смалодушничал:

– Георгий Самойлович, арестуйте стерву без меня, ладно?

– Конечно, идите отдыхайте.

Глава 15

Завершение дел

Через три дня на загородной даче Фрезе собрались участники операции. Еще позвали губернатора Свечина. Жара тут не чувствовалась, все сели в саду под огромной чинарой. Пили кахетинское, жарили шашлыки. И задавали сыщику вопросы.

В частности, генерал спросил:

– Алексей Николаевич, а как вообще работала «большая постирочная»? Почему так долго не могли ее разоблачить?

– Казначейство – вещь в себе, – начал сыщик. – Это фактически банк. А Тифлисское казначейство – большой денежный ящик, в котором туда-сюда перемещаются средства всего Кавказского края. Представляете масштаб? Четыреста пятнадцать тысяч квадратных верст площадь, больше девяти миллионов население. Обороты огромные. И всегда есть на кого свалить.

– В каком смысле? – не понял полковник Свечин.

– Злогостев рассказал все до деталей, – сообщил Алексей Николаевич. – А еще есаул Мерзавкин заговорил наконец. Когда узнал, что атамана Беззуглого уже зарыли... Поэтому сейчас картина в целом ясна. Многочисленные казначейства края использовались тифлисцами втемную. Например, меченые купюры всовывали в пачки и увозили в Карс. Там русской власти всего двадцать пять лет. В ходу, помимо наших, еще турецкие, персидские, афганские деньги. Местные торговцы возьмут любой билет и пустят в оборот. Никто ничего не заметит. А кассиру Карского казначейства и в голову не придет, что ворованные банкноты прислали его собственные начальники. Это что касается денег. А с доходными бумагами люди Козюлькина поступали наоборот. Ведь казначейство занимается множеством вопросов, вплоть до регистрации пробирных клейм и выдачи промысловых свидетельств. В том числе оно покупает и продает государственные бумаги и выдает капитал по истекшим сериям. Тут-то «грязные» серии и подмешивали к «чистым». Их номера вписывали в отчеты, полученные с окраин. Откуда-нибудь из Сальян или Ардагана. Нагло подделывали почерк, искали похожие чернила. И сохраняли пришедшие оттуда бандероли. Вот отчет, вот бандероль, вот подпись ардаганского казначея. Он и принял к оплате краденые бумаги!

Хотя мы своевременно посылали ему список.

– Но за такую работу их самих следовало наказать, – возразил генерал Фрезе.

– Следовало, – кивнул питерец. – Когда-нибудь непременно наказали бы. За недосмотр и халатность. Но не за аферизм. Идея «большой постирочной» одноразовая, нельзя слишком долго водить власти за нос. И, как мы помним, конец ее был уже близок. Но чины тифлисского казначейства надеялись отделаться не каторжными работами, а удалением со службы. Их бы выгнали в конце концов. И они ушли бы, опороченные, но богатые.

– Это вы рассказали про государственные бумаги, – влез с вопросом Ковалев. – Но в империи много и частных серий. Люди Козюлькина и с ними ведь работали? В смысле «отстирки».

– Безусловно, – подтвердил питерец. – Еще как! Бандиты не раз приходили к ним с частными бумагами. Тут тифлиссские жулики действовали еще более нагло. А именно, всовывали «гнилые» купоны в текущие расчеты. Ведь краевое казначейство – это касса, через него идут наличные платежи самых разных контрагентов. Оплата совершается в том числе в купонах, поскольку «живых» денег в стране не хватает. И злогостевы с баграм-беками просто меняли в проходящих суммах незамазанные бумаги на «грязные».

– И никто из получателей этого не замечал? – удивился губернатор.

– Нет. Наличный платеж приходил из одного казначейства в другое. Из Тифлиссского, например, в Астраханское. От батумского продавца покупателю в Черный Яр. Кассиры подменили в общей сумме три купона. Астраханские чиновники и в страшном сне не могли представить, что их кавказские коллеги способны на такое. Никто не сверял пришедшие бумаги со списком находящихся в розыске. И сумму спокойно переводили конечному получателю. Тот тем более полагал, что все чисто. Ведь два казначейства проверяли! И пускал купоны далее по платежной цепочке, уже из Черного Яра в какой-нибудь Царевококшайск. Номера купонов при этом, естественно, не записывали. Все, концов не сыскать.

– Но афера действительно началась с дашнаков? – спросил Фрезе.

– Да. Как разовая сделка, личный профит Козюлькина. Однако Трембель быстро узнал об этом от своих осведомителей и прижал казначея. Только с целью не пресечь, а, наоборот, увеличить масштаб дела. Уже под собственным контролем. Именно Карл Федорович придал ему законченный вид: представители в других городах, собственный уполномоченный среди абреков, оказание услуг политическим партиям. Статский советник по

своему служебному положению контролировал всю полицию в крае. И сумел найти в ее кадрах сообщников. За комиссию эти люди позволяли абрекам безнаказанно грабить. Нам известны из них лишь Шмыткин и Дулайтис. Но таких негодяев должно быть много больше. Их имена Трембель унес с собой в могилу. А у вас, господа, уйдет много сил и времени на разоблачение тайных участников почившей аферы.

Все помолчали, налили еще вина, потом Свечин задал новый вопрос:

– Что с Максимом Вячеславовичем?

– Отняли правую почку. Но он держится бодро, шутит.

– Шутит... А как он отнесся к измене Щербаковой?

– Это, возможно, самое горькое во всей истории, – вздохнул сыщик. –

Они прожили семь с лишним лет как муж и жена. Хорошо хоть детей не завели. Кстати, Скиба отчасти подсказал главарию «большой постирочной» ее идею. Прочитал однажды в газете про то, как поймали вора при попытке обернуть меченый купон, и посмеялся над дураком. А заодно объяснил Марии Ивановне, что надо сделать, чтобы не попасться. Та передала любовнику, а уж Трембель наложил идею Скибы на мелкую проказу Козюлькина. Когда жевешка заметила, что у ее супруга начинается дрожательный паралич, то решила избавиться от него. А как? Рано или поздно Щербакова просто отравила бы Максима Вячеславовича. Но тут приехал я и начал дознание. Скиба дал мне слишком высокую характеристику. Преступники напугались. Потом решили использовать ситуацию в свою пользу. Здесь Мария Ивановна сыграла не последнюю роль. Она была правой рукой Трембеля. Женщина с выдающимся характером, сильная, умная, докторша придумала многие уловки «постирочной». В частности, именно она назначила Скибу главным злодеем. И стала подделывать улики и подбрасывать их мне. Я едва не попался. Меня выручил Имадин.

Все покосились на чеченца. Тот сидел с перевязанной шеей и потягивал кахетинское. В части вина он делал исключение из мусульманских правил.

– Да, Имадин Алибекович, – спохватился Фрезе, – ваши бумаги готовы. Можете ехать на войну. Когда вернетесь и получите прощение, с удовольствием приму вас на службу в полицейскую стражу.

Алибеков отказался от такой чести наотрез:

– Надоело бегать по горам с винтовкой. Вернусь в свой аул, буду разводить овец. Женюсь. Приезжайте в гости, ваше высокопревосходительство.

– Сначала сходи к доктору насчет сердца, – строго сказал Лыков.

Но чеченец лишь покачал головой:

– Сначала на войну.

– Меня выручил Имадин, – продолжил коллежский советник. – И его обширные знакомства в разбойничьей среде. Чачибая выполнял в «большой постирочной» обязанности связного со всякой дрянью. Дашнаки, абреки, воры – все были его приятели. Но армянские боевики дважды не сумели со мной справиться, и ротмистр обратился к Зелимхану Гушмазукаеву. А тот спросил у кунака... Если бы не это обстоятельство, у них могло бы все получиться. История с часами особенно меня убедила.

Лыков вынул из жилетного кармана «Тиссот» с гербом, полюбовался и убрал обратно.

– А где часы Скибы? – спросил полицмейстер.

– Пусть он их теперь сам разыскивает, – усмехнулся питерец. – Эти я ему не отдам.

– Найдем, – утешил начальство Снитко. – Пока Максим Вячеславович выздоравливает, я поищу по городу.

– «Тиссот» Скибы, скорее всего, у Фолата Гаджи Солтан-оглы, – предположил Лыков. – Придется вам за ним в горы ехать.

– Надо будет – съезжу, – солидно ответил коллежский секретарь. – Мне после экса уже ничего не страшно.

– Алексей Николаевич, – обратился к сыщику полицмейстер, – а помните, вы обыскивали квартиру Шмыткина? И сказали мне, что бумаги у него какие-то странные. Мусорные, вот как вы их назвали.

– Помню. Действительно, только два закладных листа были стоящие, а все остальное дрянь.

– А почему так, по-вашему?

– Я уже думал над этим, – начал Лыков. – Ваш помощник, Георгий Самойлович, и в самом деле был у «постирочной» в услужении. Уж извините, как есть... Но когда я телеграммой велел его задержать, люди Трембея застрелили коллежского асессора. Представив это как самоубийство.

– Тут понятно, но что с доходными бумагами?

– Они подложили ему что похуже, а лучшие забрали себе.

– Зачем? – настаивал Ковалев. Видимо, он всерьез заинтересовался фондовыми операциями и решил расспросить знающего человека с лесным именем.

– Вот и я сначала не понял, – ответил сыщик. – Мы трясем казначейство, как липку. Операции по «отстирке» прекратились. А злоумышленники для чего-то берегут купоны, не отдают нам. Бросили бы

их к чертям, все равно теперь не обменяешь. Но нет. Тогда я и заподозрил впервые, что будет экс.

– Какая же тут связь? – удивились все.

– Раз бумаги еще нужны, значит, им нашли применение. Заметьте, и одесские облигации агенты «постирочной» захотели прибрать к рукам. Хотя проще было отказать Азвестопуло. Пошли на риск, а для чего? Думаю, уже тогда Трембель задумал напасть на денежную карету. Выкрасть из нее сумму заранее, а взамен подложить серии. Кстати, афера с одесскими бумагами прямо говорит нам о том же эксе. Ведь надо было додуматься обокрасть тамошних бандитов! Злогостев с Дулайтисом идиоты. Они считали, что полицейская форма послужит им защитой и горячие ребята с Молдаванки не решатся наказать обидчиков. Да в Одессе за подобный фортель околоточному вырезали бы на шее жабы и пустили плавать в Черное море! Лишившиеся двухсот тысяч громилы поехали бы за ними на край света. И в Тифлис бы наведались без сомнения. Умный Трембель это хорошо понимал. Он сунул под топор головы исполнителей, а сам остался в тени. К тому времени, когда нагрянула бы карательная экспедиция, кукловод собирался уже покинуть Кавказ. – Лыков перевел дух и продолжил: – Страсть к сериям – это подсказка. Карл Федорович думал так. Дашнаки пока еще разберутся, что их надули. Опять же, серии – почти деньги, можно с грехом пополам объясниться с грабителями. Мол, другого нет, берите, что плывет в руки. Вот почему Шмыткину подсунули дрянь, а приличные бумаги накапливали. Вложили две хороших, чтобы подчеркнуть связь с «постирочной», остальные в запас. И Зелимхану не обменяли его облигации – берегли для того же экса. Как только я приехал, заправили – Трембель с Щербаковой – решили лавочку закрыть. Но сначала взять куш.

Ковалев потер расцарапанную щеку – след от ногтей жевешки. Третьего дня, когда полиция вскрыла шкаф с коллекцией бацилл и обнаружила там недостающие деньги, Мария Ивановна потеряла самообладание. И чуть не выцарапала Георгию Самойловичу глаза.

– Да... – сокрушенно протянул полицмейстер. – Вот так живешь с женщиной, да еще такой гуманной профессии, а она оказывается главарем банды мошенников и убийц. Я на всех думал, когда искал зачинщика «постирочной». И на Трембеля, и на Чачибая, и на чиновника особых поручений при князе действительного статского советника Осецкого. Даже на директора канцелярии Трофимова! Но только не на нее. Ведь казалась дура душой!

– О Щербаковой выяснились любопытные подробности, – вспомнил Алексей Николаевич. – В юности она была актриса, и неплохая. Но

попалась на воровстве из примерной, у своих подруг, и была вынуждена уйти. В доктора! Смолodu была гнилая натура. Гнилая, но артистическая. Так играла, что даже многоопытный Скиба не разглядел.

Все молча разлили вино и выпили – каждый за свое.

– Алексей Николаевич, вы теперь уедете домой? – воспользовался паузой Топурия. – А мне обратно в бригаду?

– Министр прислал телеграмму, велит остаться и довести дознание до конца, – сообщил штабс-ротмистру Лыков. – А что значит до конца? На это есть следователь. Сказать по правде, надоело мне в Тифлисе. Жара к тому же. Июнь кончается, но июль у вас, говорят, еще жарче.

– То есть я пока при вас остаюсь, – повеселел офицер.

– Пока да. В финансовой системе края из-за афер возникла путаница. Разбирать ее приехала ревизия, почти весь Департамент Государственного казначейства, главного в Министерстве финансов. Пусть бы себе разбиралась. Но меня назначили ее председателем. Меня, сыщика! Глупость, я же не бухгалтер. Чего от меня ждать?

– Это особенность Кавказа, – возразил генерал Фрезе. – Тут война никогда на самом деле не кончалась. И такой, как вы, боевой человек нужен над бухгалтерами, чтобы не перерезали их в командировке.

В итоге, уже завершив дознание, Лыков застрял в жаровне. Сначала он, как и прежде, навещал Викторию по вторникам и пятницам, если не уезжал с ревизией в другие города. Но что-то изменилось в их отношениях. Речь о фотокарточке на память больше не заходила. Сыщик стал заглядывать к Виктории все реже, даже когда был в Тифлисе. А потом и вовсе пропал. Жевешка не искала встреч. У нее появилась новая обязанность: Виктория Павловна зачастила в госпиталь к Скибе. Тот поправлялся, но сильно упал духом. Визиты старой знакомой подкрепляли трамвайщика. Похоже, с отъездом Лыкова у них все наладится. Вот ведь странный народ женщины! Отставник с дрожащими руками и одной почкой, а глянулся.

Прошла половина июля. Алексей Николаевич вернулся из Баку и направился к генералу Фрезе. Тот сидел злой и читал сводки.

– Вот, Алексей Николаевич! – желчно воскликнул помощник главноначальствующего. – Я говорил вам, что у нас по-прежнему война. Свидетельств этому хоть отбавляй. Знаете, скольких мы потеряли за последние две недели? Убит вице-губернатор Елисаветпольской губернии Андреев. В Озургетском уезде в одну ночь зарезали благочинного отца Николая Рамишвили и князя Шаликалишвили. В Игдыре, это Эриванская губерния, среди бела дня на базаре застрелен сурмалинский уездный

начальник подполковник Богуславский. Начальник Борчалинского уезда чудом спасся от покушения. Государь по моему ходатайству в очередной раз продлил положение усиленной охраны. Когда же все это кончится?

– Не только у вас так, Александр Александрович. Вон в Финляндии убили военного генерал-губернатора Бобрикова. Никуда Россия не денется, скоро ее всю кровью зальют. Еще кампания с японцами, будь она неладна... Слышали про кражу чудотворной иконы Казанской Божьей Матери из Богородицкого монастыря? Дурной знак, очень дурной. Я хочу попросить министра отозвать меня из Тифлиса и послать в Казань, помогать тамошним сыщикам. Здесь я уже не нужен, а...

Тут вдруг без стука распахнулась дверь, и ворвался директор канцелярии генерал-майор Трофимов.

– Господа, страшная новость! В Петербурге час назад взорвали Плеве! Насмерть.

Лыков прибыл в Петербург 18 июля, в день похорон Вячеслава Константиновича. Всем в столице было не до сыщика. Он первым делом поехал на Измайловский проспект. Там успели уже устранить следы сильного взрыва. Только пустые окна кое-где еще закрывала фанера. Гостиница «Варшавская» красовалась свежей штукатуркой – ей особенно досталось. Прочих свидетельств Лыков не увидел. Лишь осколки стекол на мостовой и тротуаре, начиная с Седьмой роты и до дома № 31/37, напоминали о несчастье.

Прощание с павшим на служебном посту министром состоялось в доме МВД на Фонтанке, 16. С утра там собралась огромная толпа. Гроб поставили у подъезда, и была отслужена заупокойная лития. Затем на руках перенесли его в домовую церковь Отдельного корпуса жандармов. Гроб пришлось закрыть. Взрывом Плеве оторвало часть лица от носа до шеи, а грудь была испещрена осколками.

В церкви состоялось отпевание, которое провел преосвященный Антоний, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. У гроба стояли вдова покойного Зинаида Николаевна, сын Николай и дочь Елизавета. Дальше шли представители дипломатического корпуса и четыре министра: Двора – Фредерикс, военный – Сахаров, морской – Авелан и иностранных дел – Ламздорф. Позади них толпились сановники помельче: граф Кутайсов (бывший нижегородский губернатор, при котором Лыков много лет назад поступил на службу), граф Воронцов-Дашков. Меж ними затесался и князь Голицын, главноначальствующий на Кавказе. Все ждали государя. Он прибыл с небольшим опозданием. Вместе с ним приехали вдовствующая императрица, наследник Михаил Александрович и великие князья

Владимир Александрович, Алексей Александрович, Константин Константинович и Петр Николаевич.

После богослужения высокопоставленные особы вынесли гроб с телом Плеве на руках из храма и поставили на катафалк. Тут и Лыкову выпало несколько шагов нести его, хоть он и не относился к сановникам. Петр Николаевич Дурново разглядел чиновника особых поручений в толпе и привлек к делу. Катафалк медленно двинулся в сторону Новодевичьего монастыря. Впереди ехал взвод конных жандармов. Государь, великие князья и прочие сопровождали министра в последний путь пешком. В два часа пополудни несчастного Плеве засыпали землей.

Для Лыкова наступило время неопределенности. Его никто не вызывал, не давал поручений. При Вячеславе Константиновиче положение коллежского советника в Департаменте полиции было особенным. Он выполнял личные задания министра, общаясь с ним напрямую, через головы непосредственного начальства. Теперь все должно было перемениться. Директор Лопухин ходил хмурый и сам не знал своего будущего. Вице-директоры тоже притихли. Алексей Николаевич попытался испросить отпуск, но ему отказали. Якобы он должен сначала отчитаться о своей кавказской командировке. Но кому? Все товарищи министра висели на волоске. С виду увереннее других держался Дурново. Именно его государь назначил заведовать текущими делами МВД. Но займет ли он высокий пост, оставалось большим вопросом. Главный покровитель Петра Николаевича, Витте, был не в фаворе. Кроме того, сейчас он несвоевременно отдыхал на Кавказе, ожидая августейшего вызова. А вызов все откладывался...

Наконец, через две недели тягостного безделья, Лыкова дернули к заведующему. Петр Николаевич встретил своего подчиненного сухо. Год назад они сцепились в деле об убийстве Михаила Филиппова^[61]. Дурново тогда поддерживал все того же Витте в попытке свалить Плеве. А Лыков встал на сторону министра. Дурново с тех пор затаил обиду.

– Ну, Алексей Николаевич, помните нашу последнюю размолвку?

– Помню, Петр Николаевич.

– Что вы теперь о ней думаете?

– Думаю, что был тогда прав.

Дурново крикнул от досады.

– Прикажете поискать другое место службы? – вежливо осведомился коллежский советник.

– Я еще не министр и не вправе давать вам таких советов, – сухо возразил тайный советник. – Вот когда назначат, мы вернемся к этому

разговору.

– Понял, ваше превосходительство.

– Ни черта вы не поняли, – ответил Дурново и неожиданно улыбнулся. – Верные люди теперь большая редкость. Они всем нужны до зарезу. Так что не спешите уходить. – Он понизил голос и сообщил: – В этот раз мне опять не стать министром.

– Точно?

– Увы. Дура вдовствующая императрица тянет князя Святополк-Мирского.

– Он же либерал! – удивился Лыков.

– А вы противник либерализма? Вот новость. Всегда казались мне разумным человеком.

– Вы неправильно меня поняли, Петр Николаевич. Я противник глупого либерализма, несвоевременного и необдуманного, единственно лишь из желания понравиться публике. Тьфу на эту публику! Но я противник и столь же бессмысленных репрессий – из желания угодить государю.

Дурново слушал внимательно и кивал.

– Мы с вами думаем одинаково, – констатировал он. – Правда, вам недостает масштаба, ну так вы и не метите в министры.

– Избави бог!

– Вот и объяснились, Алексей Николаевич. Повторю: я давно слежу за вами и ценю ваши многочисленные достоинства. Так что вы меня не опасайтесь. А теперь расскажите о командировке на Кавказ. Что там было на самом деле? Генерал Фрезе прислал бумагу, он ходатайствует о награждении вас Станиславом первой степени! Но князь Голицын отказался ее визировать. Награждать или не награждать своего чиновника особых поручений – решать только нам, в министерстве. Но горячность Фрезе меня заинтересовала. Итак, что произошло?

Лыков рассказал всю историю с раскрытием «большой постирочной» от начала и до конца. Дурново слушал внимательно и почти не задавал уточняющих вопросов. У сыщика создалось впечатление, что тот откуда-то все уже знает. И хочет лишь проверить свои источники.

– Значит, у князя Голицына под носом свили гнездо аферисты?

– Да. Вице-директор канцелярии, начальник личного конвоя и губернский казначей. Плюс личности помельче. Эти люди выходили на прямые отношения с абреками, главарями уголовных банд, революционерами.

– Кошмар, – скривился Дурново. – А князь третий месяц ошивается в

Петербурге. Как будто дел у него на Кавказе нет, все в порядке. А из вашего рассказа следует иное.

– Петр Николаевич, Плеве, когда посылал меня в Тифлис, дал еще одно указание, – решился сыщик. – Понять, на месте ли князь Голицын. И кого кавказские влиятельные люди считают более подходящим.

– Ага! – оживился тайный советник. – Это вторая тема нашего разговора. Ну, давайте обсудим и ее. Видите ли, государь вчера спросил у меня то же самое.

– Вот как? Надо полагать, задание от Плеве он же инициировал?

– Безусловно. И что сказали вам кавказские влиятельные люди?

Лыков подобрался: вопрос выходил важным, политическим. Это тебе не Динда-Пето ловить...

– Они убеждены, что Голицын не годится в представители верховной власти. Особенно в таком трудном месте, каким является Кавказ. Князь мелок и характером, и умом. Злопамятен. Его необъяснимая ненависть к армянам ссорит государя с предприимчивым и талантливым народом. Который к тому же одной с нами веры. А зачем потребовалось закрывать армянские школы и храмы? Но недовольны также и татары, и грузины. Далее, кавказцы обижены на верховную власть за понижение статуса управителя территорией. Раньше таковым был наместник. И полномочий больше, и путь к государю короче. Для туземцев подобные вещи имеют важное значение. По ним они судят, любит или не любит их монарх.

– Неужели? – удивился Дурново.

– Именно так, Петр Николаевич. Ведь это Кавказ!

– Необычно и непонятно для петербургских бюрократов... А кого они хотят вместо Голицына, эти влиятельные люди?

– Сразу несколько человек назвали мне другого князя, Воронцова-Дашкова.

– Иллариона Ивановича?

– Точно так. Он кавказец по предыдущей службе, оставил в крае хорошую о себе память. Ближайший сотрудник Барятинского! Кроме того, князь знатен и богат, относится к блестящему русскому роду.

– Что богат, это хорошо, – согласился тайный советник. – Не будет в казну залезать. Вы вот что, Алексей Николаевич, напишите мне записку на одном листе, короткую. Обо всем, что сейчас сказали. И не забудьте упомянуть: разведать обстановку вам поручил покойный министр. Пока память о нем еще не выветрилась из августейшей головы, надо на этом сыграть.

Лыкова покорила циничность собеседника, однако тому было

виднее, как держать себя в высших сферах. Он поднялся и спросил:

– Могу идти?

– Да. Жду вас с запиской послезавтра. Будьте в десять утра в парадном мундире со всеми наградами на Балтийском вокзале.

У коллежского советника полезли вверх брови.

– Я поеду докладывать государю, – пояснил Петр Николаевич. – На всякий случай находитесь при мне. Не знаю, захочет ли он вас увидеть или довольствуется запиской. Ну, посидите в приемной.

– Слушаюсь!

– Да, фамилий ваших собеседников в бумаге лучше не называть.

– Слушаюсь!

В условленное время коллежский советник прибыл на вокзал. Дамы с интересом смотрели на немолодого седовласого мужчину с боевыми наградами. Лицо заурядное, но годы уже наложили некую печать – с таким человеком есть о чем поговорить... А над левым ухом короткая дорожка, будто парикмахер машинкой пробрил.

Подъехал Дурново. К удивлению Лыкова, он был во фраке с Александровской лентой по жилету. Поймав взгляд подчиненного, пояснил:

– Статские министры на высочайший прием за городом являются во фраках.

Поезд до Петергофа уже стоял у перрона. Сыщик опять был удивлен: секретарь Дурново вынул из портфеля и показал кондуктору три проездных билета, как для рядовых пассажиров. Тот откозырял и пустил всех в особый министерский вагон.

В Петергофе на вокзале их уже ожидали придворная карета с гербами на дверцах и обычные дрожки. Тайный советник сел в карету, его спутники – в экипаж попроще. Лошади быстро доставили всех в Александрию. Дурново молодецки вбежал по крутой лестнице в собственный подъезд Его Величества, подчиненные едва поспевали за ним. Внутри оказалась еще одна лестница, уставленная цветами, а наверху – большая приемная с одиноким флигель-адъютантом.

– Доброе утро, Петр Николаевич, – приветствовал тот заведующего делами министерства. – Чуть-чуть обождите: только что вернулись с прогулки.

Через пять минут из царского кабинета вышел камердинер и пригласил Дурново войти. Лыков остался и принялся разглядывать обстановку. Довольно обыденно для резиденции самого могущественного монарха в мире... Сыщик волновался, но совсем не так, как, например, перед нападением дашнакцканов. Он знал уже и государей, и министров, и

великих князей. И не ждал от них ничего особенно выдающегося.

Доклад Дурново длился сорок минут. Наконец опять вышел камердинер и позвал сыщика в кабинет.

Помещение оказалось на удивление узким и длинным, да еще и разделенным пополам широкой балюстрадой. На ней лежали бумаги, книги, какие-то альбомы. Напротив двери находился письменный стол, тоже заваленный бумагами. У стола стоял государь и глядел на сыщика с ласковым любопытством.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. Проходите к окну. Только осторожнее, тут ступенька.

Они вошли в ту часть кабинета, которая была за балюстрадой. Там их дожидался Дурново. Все трое уселись в кресла за круглым столом возле окна.

– Я помню вас по коронации, – начал Николай. – А потом еще в Нижнем на выставке вы меня охраняли. По рассказам, должны выглядеть, как Геркулес. А на вид не так.

– Увы, Ваше Императорское Величество, какой есть.

Лыков ждал, что государь заговорит с ним о кавказских делах, о князе Голицыне, а может, и о «большой постирочной». Но тот спросил о другом:

– Шрам над ухом – это от армянской пули?

– Точно так.

– Немного правее и... Неужели вы действительно ничего не боитесь?

– Что вы, Ваше Величество! Все боятся смерти, кроме разве что каких психически ненормальных. И я тоже боюсь.

– Но идете и делаете, что должно, – как бы про себя констатировал Николай. – Сколько же раз вас ранило? Петр Николаевич начал считать и сбился.

– Смотря что считать ранением. Царапина над ухом не в счет. Ключицу еще прострелили те же дашнаки, но это тоже ерунда.

– Нет, давайте все, – улыбнулся государь, и на душе у коллежского советника стало как-то особенно приятно.

– Если все, то одиннадцать или двенадцать.

– То есть вы и сами не знаете сколько?

– Виноват, Ваше Величество, путаюсь. А хуже всего контузии.

– У вас и контузии есть?

– Две. Первая от турецкого снаряда, еще куда ни шло: поболит и перестанет. А вторую я привез из Туркестана. Стыдно сказать: щепкой угораздило!

– Щепкой? – удивился государь. – Расскажите!

– Стоял у косяка, попал под огонь. Пуля угодила в дерево, отбила большой кусок и прямо мне по голове. Сознание даже потерял. Быстро поднялся – вроде ничего, живой... Уложил негодяя, что стрелял, и забыл про тот случай. А в прошлом году стало болеть по ночам. Врачи говорят – мигрень. Неприятно, и лечению не поддается.

Царь посмотрел на Дурново, который за все время беседы не проронил ни слова, и одобрительно сказал:

– Хорошие у вас кадры в министерстве, Петр Николаевич. Не помнят, сколько раз ранены; счет потеряли.

Он стал расспрашивать о схватке с боевиками за денежную карету. Государя интересовало количество нападавших, состав охраны, потери с обеих сторон. Узнав, что погибли шестеро защитников и кучер, он на секунду понурился, потом спросил:

– Пособия семьям выданы?

– Там все были охотники, шли по своей воле, – ответил сыщик. И тут же поправился: – Почти все.

– Ну и что? Люди пострадали на государственной службе. Петр Николаевич, распорядитесь, пожалуйста.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – впервые раскрыл рот Дурново.

– Алексей Николаевич, у вас есть ко мне вопросы? – спросил государь, покосившись на часы. – А то все я вас пытаю.

– Что будет с Козюлькиным? Он же главный аферист и сбежал во Францию. Неужели мы его отпустим?

Государь усмехнулся и кивнул на Дурново:

– Петр Николаевич уже дал телеграмму в посольство. Не бойтесь, он не уйдет от наказания. Другие вопросы есть?

– Нет, благодарю вас.

– А личные просьбы? – император внимательно поглядел сыщику в глаза.

– Да, Ваше Величество, – тот немедленно встал.

– Вы садитесь. Слушаю вас.

– Там, в горах, и позже в Тифлисе мне помогал чеченец Имадин Алибеков. Он разбойник... точнее, был разбойником. Я его давно знаю, много лет. Он порядочный человек.

– Порядочный – и стал разбойником? – удивился Николай.

– Увы. Так иногда бывает, Ваше Величество. Но он никого не убил, только грабил. Под угрозой оружия, конечно, но ни разу, слава богу, не пролил крови.

На лице царя появилось скептическое выражение. Однако Лыков

решил договорить до конца.

– В дознании дела о «большой постирочной» Алибеков сыграл очень важную и полезную роль. А в бою с дашнаками даже выдающуюся, рисковал жизнью. Был, кстати упомянуть, ранен в шею...

– Так. Чего же вы просите для вашего раскаявшегося разбойника?

– Помилования, если он вернется с войны живой. Имадин Алибеков сейчас в Маньчжурии, воюет в составе Отдельной Кавказской конной бригады князя Орбелиани. Вместе с теми пятнадцатью туземцами, по которым вы уже дали необходимое повеление. Мы с генералом Фрезе взяли на себя смелость обещать Алибекову вашу милость... Какую вы проявили и к другим.

– Теперь понял. – Государь пружинисто поднялся, протянул сыщику руку и приказал Дурново: – Алибекова присоединить к тем пятнадцати, которым уже обещано прощение.

– Благодарю вас, Ваше Императорское Величество!

– А я вас, Алексей Николаевич. За отлично-усердную службу. Пребываю к вам всегда благосклонным, как и мой покойный отец.

– Рад стараться! – ответил сыщик так же по-солдатски, как совсем недавно штабс-ротмистр Топурия. И вышел из кабинета.

Он прождал начальника в приемной не более трех минут. Тот появился радостный и тут же крепко, от души обнял сыщика:

– Поздравляю, вы очень понравились государю. Смотрите!

И Дурново показал Высочайший приказ по гражданскому ведомству, в котором коллежский советник Лыков награждался орденом Святого Станислава первой степени.

– Вот вы и с лентой, Алексей Николаевич. Даст бог, не последняя.

Лыков был совершенно очарован и ласковым приемом императора, и высокой наградой. Дурново добавил ему радостей:

– Как только представитесь Его Величеству по случаю ленты, можете ехать к своим в Варнавин. Даю вам три недели отпуска.



Дальше все было как в угаре. Вдвоем с начальником Лыков явился в так называемый Второй министерский флигель, где получил дворцовый завтрак. Петр Николаевич поковырял вилкой горячее, бульон отодвинул в сторону, съел лишь пирожное с кофе. Сыщик умял и холодное мясо, и два горячих блюда. Выпил рюмку простой водки и рюмку горькой – все это прилагалось к завтраку. А полбутылки мадеры и полбутылки вина прикончил в компании Петра Николаевича – за ленту. Тот добавил свои,

получилось неплохо.

В таком радостном настроении Алексей Николаевич пребывал до вечера. Коллеги, узнав о высочайшей аудиенции и награде, приходили его поздравлять. Директор департамента Лопухин даже налил у себя в кабинете коньяку счастливцу.

Вечером сыщик пришел в квартиру и нашел на столе в гостиной две телеграммы. Обе его ошарашили. В первой, от баронессы Таубе, было сказано: «Виктору в бою оторвало левую руку, он отправлен в госпиталь в Харбин, состояние тяжелое, я срочно выезжаю туда». Вторая была от генерала Фрезе: «Всадник^[62] Имадин Алибеков убит в ночном штурме Инкоу».

Вот тебе и лента... Лыков сел и заплакал.

Краткий эпилог

В начале февраля 1905 года в Баку разразилась так называемая армяно-татарская резня. До сих пор историки спорят, кто кого первый пырнул кинжалом. В городе, где у коренного азербайджанского населения был большой численный перевес, это вылилось в массовые убийства армян. Только 8 февраля в жилых бараках нефтяной фирмы Питоева застрелили сорок человек. На помощь спешно приехали фидайны, опытные, храбрые и вооруженные до зубов. И резня сделалась обоюдной... Кровавые события прокатились по всему Кавказу. Особый масштаб они приняли в Нахичевани, Агдаме, Шуше, Карабахе и Елисаветграде. Шушу практически разрушили до основания, в перестрелках участвовало все население города. В боях преимущество часто оказывалось на стороне хорошо организованного «Дашнакцутюна». И татары, и армяне проявляли беспримерную жестокость. Войска не решались выходить из мест расквартирования и долго бездействовали. В результате погибли тысячи людей, в том числе детей, женщин и стариков.

До Тифлиса конфликт добрался в конце ноября. Здесь перевес был, наоборот, у армян. И татарам пришлось несладко. На выручку к ним прибыли две тысячи единоверцев из Борчалинского уезда, ближайшего к Тифлису района компактного проживания мусульман. Между тем гарнизон был ослаблен, почти все части из него ушли на подавление мятежей. Власть растерялась. Уличные шествия закончились провокационными выстрелами в казаков, те ответили по-своему. На улицах города обильно пролилась кровь.

Весь 1905 год и половину 1906-го на Кавказе, в том числе в Тифлисе, много убивали. В первую очередь жертвами политического террора стали полицейские, жандармы, военные. Среди погибших оказались и Снитко с Гайдуковым. Снитко к тому времени вырос в должности – стал приставом Девятого участка. Это не уберегло его от смертельного ранения, когда он принялся открывать магазины, закрытые по приказу забастовщиков. Приговор храброму приставу был даже опубликован в газете за несколько дней до покушения.

Бороться с террором пришлось уже новой кавказской администрации. Князь Голицын 1 января 1905 года был уволен с должности главноначальствующего и назначен состоять при особе Его Величества. Через два года он тихо умер на этой синекуре. Генерал Фрезе еще раньше

получил новое назначение: он стал Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного округа. Но спустя два месяца Александр Александрович пересел в Государственный совет протирать штаны... Горячие месяцы революции требовали новых администраторов.

На Кавказ был назначен граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Первым делом он помирился с армянами. Им вернули церковное имущество, вновь открыли национальные школы. Специально под Воронцова была восстановлена должность наместника.

Граф приехал в Тифлис 5 мая 1905 года, а уже через неделю в Назрани начался новый виток межнациональной резни. Лишь в следующем году, после карательной экспедиции генерала Алиханова, также отличавшейся крайней жестокостью, власть сумела взять ситуацию под контроль. С большим трудом и с большими жертвами удалось замирить дивный, богатый и очень опасный край. Как потом выяснилось, ненадолго.

notes

Примечания

Ранняя деменция – так до 1908 года называли шизофрению. (Здесь и далее примеч. автора.)

Серия – облигация и другая доходная ценная бумага, которая имела отрезной купон для получения процентов.

3

Товарищ министра – заместитель.

Орел – прозвище В. К. Плеве среди подчиненных.

Лаж – в данном случае скидка для покупателя.

См. книгу «Лучи смерти».

См. книгу «Пуля с Кавказа».

Татарами в то время в Российской империи называли всех мусульман.

Бакинский татарин – азербайджанец.

«Дашнакцутюн» – армянская политическая партия, практиковавшая в том числе и терроризм.

Фидаин – боец армянской самообороны.

Разгонная почта – Тифлисская почтово-телеграфная контора.

Качаг – абрек.

Жевешка – женщина-врач (разг.).

То есть под горой Святого Давида.

Мамдзагли! – Собачий сын! (груз.)

Кочи – главарь шайки татарских разбойников.

Чуха – черкеска.

Бакал – фруктовая лавка

Пурня – пекарня.

Хурда-мурда – старье.

Бахмач – сапожник.

Мусульмане красили бороду хной для молодявого вида.

Хабарда! – Посторонись!

Тулухчи – водовоз.

Лейба-телеграфисты – ироничное прозвище солдат-евреев, которых особенно много было в военно-телеграфных парках.

См. книгу «Мертвый остров».

Никталоп – человек, видящий в темноте не хуже, чем днем (*устар.*).

См. книгу «Между Амуром и Невой».

«Демон» – агент полиции под прикрытием.

Хаким – доктор.

Чалвадар – возчик.

Магазинка – магазинная (многозарядная) винтовка.

Охотник – доброволец.

Чайканский – армянский.

Набади – бурка.

Синий штамп – клеймо товара первого сорта.

Сс – статский советник; *кс* – коллежский советник.

См. книгу «Убийство церемониймейстера».

См. книгу «Выстрел на Большой Морской».

Дсс – действительный статский советник.

Полицейская явка – отметка в документах о прописке.

Тамаша – веселье (сарт.).

ОКПС – Отдельный корпус пограничной стражи.

См. книгу «Туркестан».

В то время прогоны (дорожные расходы в командировках) по старинке выплачивали в пересчете на лошадей, поверстно. Это давало командированным большую экономию, которую они законно присваивали. Куропаткин, будучи военным министром, злоупотреблял такими порядками.

Затянутый на правый повод – человек крайне правых убеждений (устар.).

Дрожательный паралич – болезнь Паркинсона (устар.).

Присутствие – здесь: общее помещение управления полиции.

Отравительница О. Матвеевой так и не была найдена.

Классная должность – должность, дающая право на получение классного чина.

Дашнакцакан – боевик «Дашнакцутюна».

Дергач – налетчик (жарг.).

Кавахана – кофейня.

Звено – низшая тактическая единица в русской пехоте, три штыка.

«Акционерное общество кожевенного и войлочного производства на Кавказе Г.Г. Адельханова».

Большая – тысяча (жарг.).

Урия – еврей.

Отставка по третьему пункту – увольнение по решению вышестоящей инстанции, без прошения и без пенсии.

Золотые червонцы в банковской упаковке заворачивали по десять штук в специальную красную бумагу.

См. книгу «Лучи смерти».

Всадник – официальное название добровольца Отдельной Кавказской конной бригады.